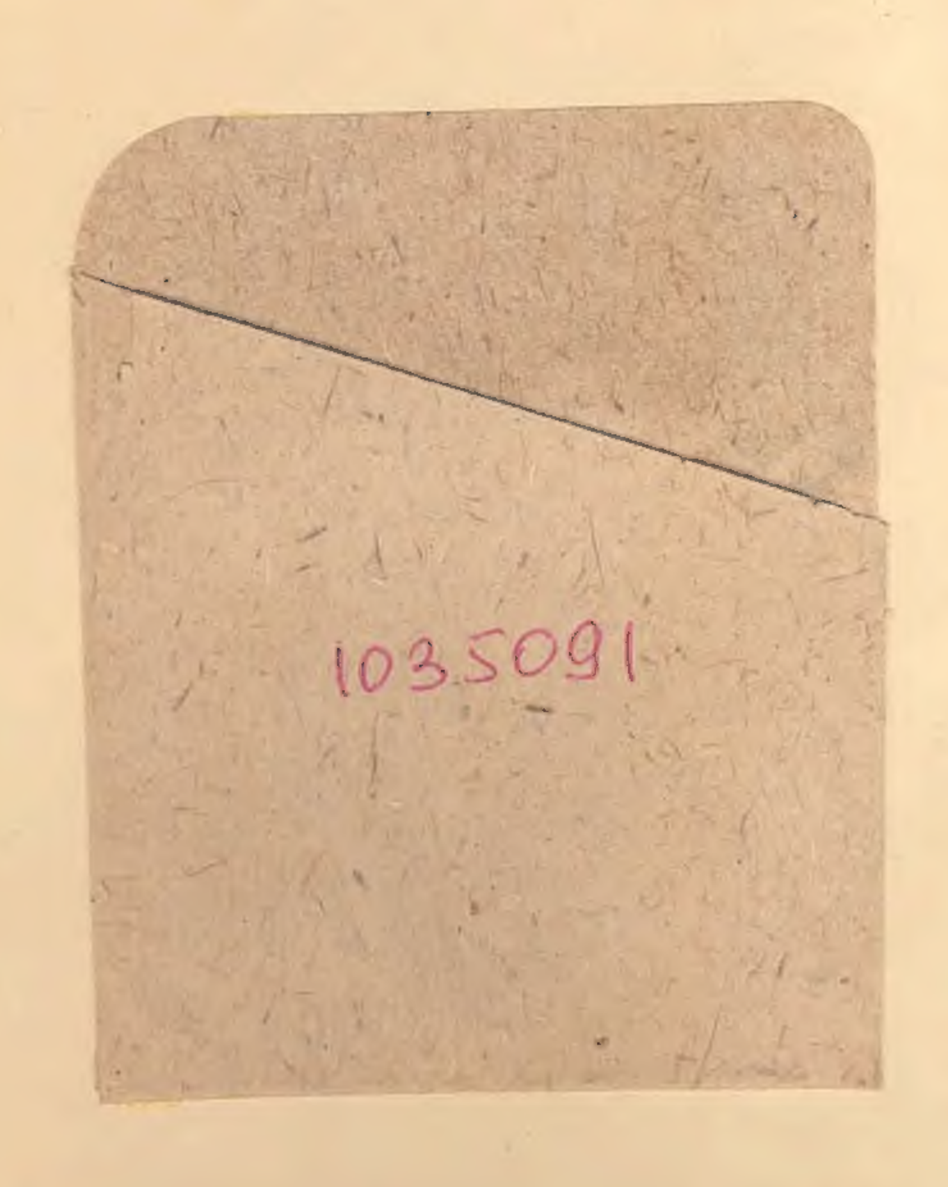
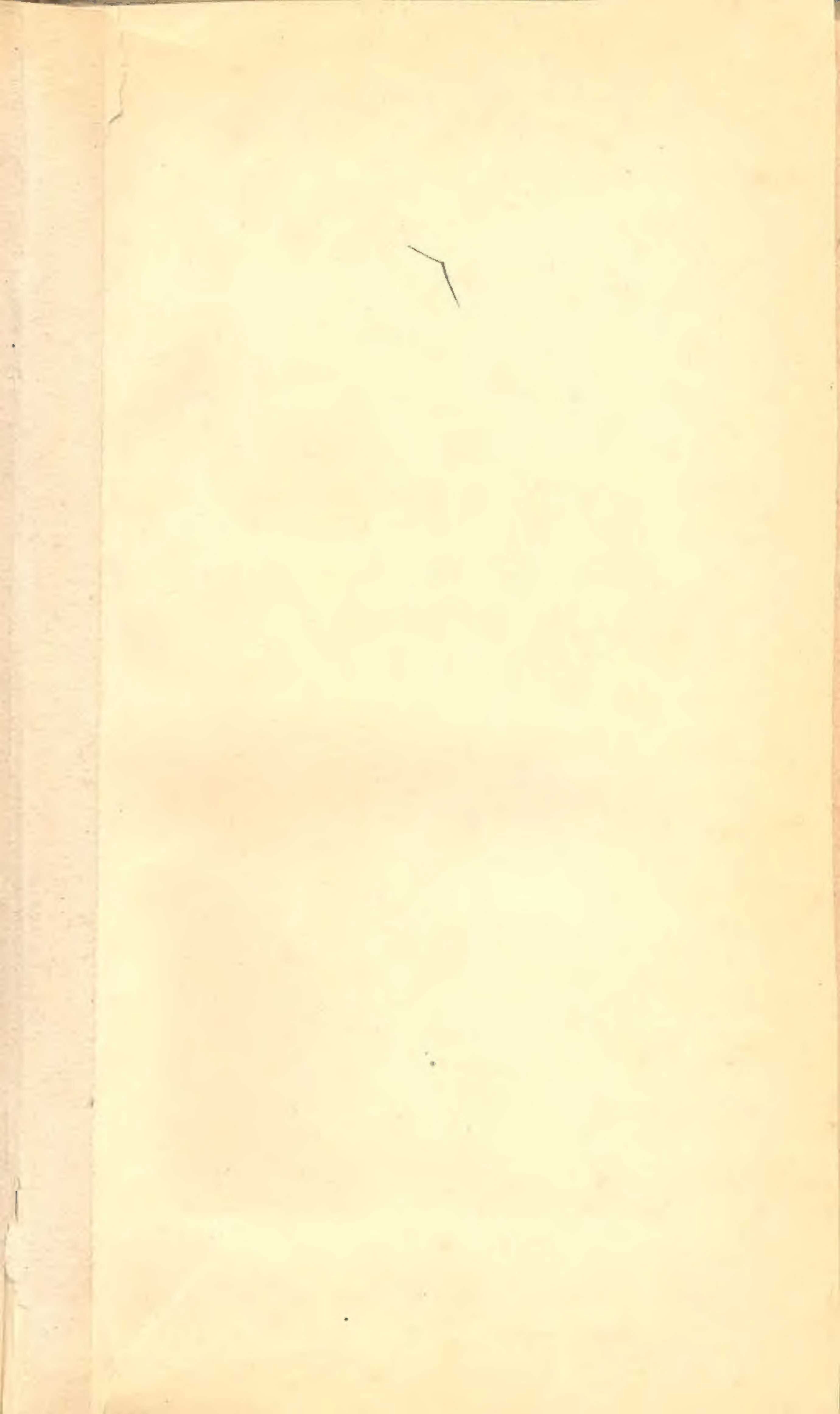
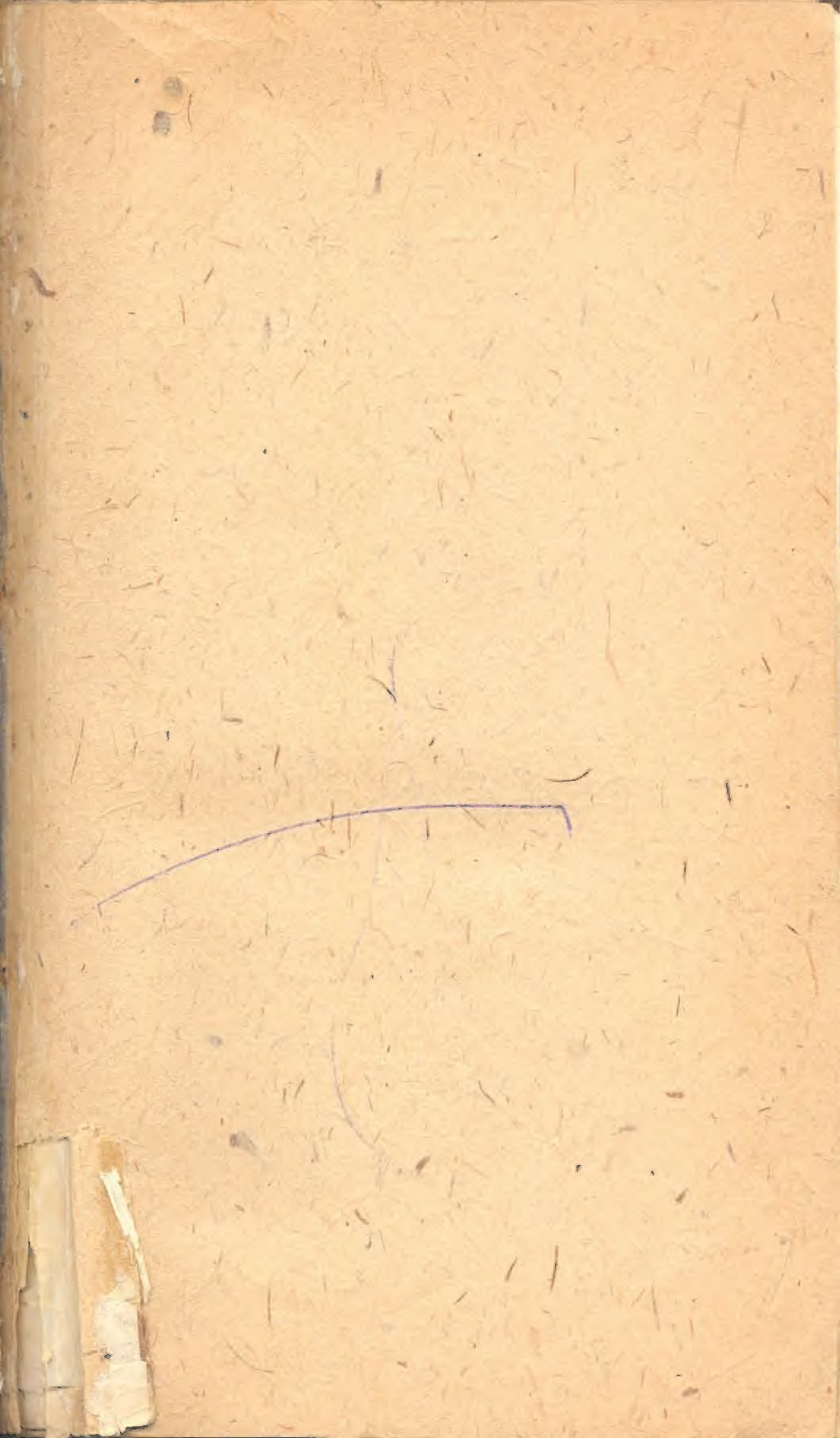
Шимкевич П.П.

Материалы для изучения шаманства у гольдов.


1035091







Гольдскій шаманъ при камланіи подъ открытымъ небомъ.

ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
ТОМЪ I, ВЫПУСКЪ II

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

ШАМАНСТВА

У

ГОЛЬДОВЪ.

П. П. ШИМКЕВИЧА.

Подъ редакціею М. Я. Сибирцева.





ХАБАРОВСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ КАНЦЕЛЯРІИ ПРІАМУРСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА
1896.

Печатано съ разрѣшенія совѣта приамурскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ШАМАНСТВА У ГОЛЬДОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1892 году, въ трудахъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, было напечатано изслѣдованіе товарища предсѣдателя этого общества В. К. Михайловскаго „О шаманствѣ".

Близкое ознакомленіе съ трудомъ г. Михайловскаго навело меня на мысль заняться изученіемъ шаманства у одного изъ тунгузскихъ племенъ средняго Амура, у гольдовъ, которые, подобно другимъ приамурскимъ инородцамъ, въ значительной степени, сохранили свою самобытность.

Выборъ мой палъ на гольдовъ, по той причинѣ, что племя это, живущее въ окрестностяхъ Хабаровска, давало мнѣ возможность имѣть постоянныя съ ними сношенія, а также совершать въ ихъ разбросанныя по Амуру селенія экскурсіи. Гольды, увидѣвъ, что я не принадлежу къ числу преслѣдователей ихъ вѣры и шамановъ, съ особымъ удовольствіемъ начали меня посвящать въ тайны своего міросозерцанія; доставляли мнѣ бурхановъ, дѣлали ихъ у меня на квартирѣ, сообщали легенды, сказки и проч. Изъ совершенныхъ мною, въ зиму 1895—96 гг., 3-хъ экскурсій, наиболѣе были удачны: двѣ на рѣчку Тунгуску (въ 14 верстахъ отъ Хабаровска вверхъ по Амуру) и одна въ село Селенчи

(въ 50 верстахъ внизъ отъ Хабаровска, въ одной изъ протокъ Амура); въ этихъ экскурсіяхъ я пріобрѣлъ полный костюмъ гольдскаго шамана, болѣе сотни разныхъ бурхановъ и, главное, убѣдилъ шамана Оджала пріѣхать въ Хабаровскъ, гдѣ онъ, послѣ нѣсколькихъ сеансовъ на квартирахъ у н. членовъ приамурскаго отдѣла географическаго общества, показалъ общему собранію этого отдѣла камланіе и спѣлъ нѣсколько легендъ о происхожденіи, какъ самого шамана, такъ и разныхъ верховныхъ существъ шаманскаго культа. Основою моихъ изслѣдованій шаманства у гольдовъ, какъ я уже сказалъ выше, служилъ трудъ В. К. Михайловскаго „О шаманствѣ". [Шаманство возникло у малокультурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ религіознаго развитія и, благодаря оригинальности своего проявленія, давно уже обратило на себя вниманіе ученыхъ и путешественниковъ, которые, описывая обряды шаманства и этихъ народовъ, вносили въ науку обширный этнографическій матеріалъ.]

Во второй части перваго выпуска В. К. Михайловскій даетъ описаніе шаманскаго культа у разныхъ инородцевъ Сибири и Европейской Россіи: описываетъ камланія, одѣянія шамановъ и принадлежности шаманскаго культа для всѣхъ инородческихъ племенъ Сибири, включая бурятъ, якутовъ, коряковъ и тунгусовъ. О гилякахъ Михайловскій упоминаетъ вскользь; о шаманствѣ же гольдовъ, орочонъ и др. аборигеновъ нижняго Амура онъ ничего не говоритъ по причинѣ, вѣроятно, отсутствія въ этнографической литературѣ достаточнаго матеріала.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію шаманства у гольдовъ, считаю нужнымъ дать общую картину шаманства, а для этого предлагаю читателю общую программу труда г. Михайловскаго.

Общая картина міросозерцанія народовъ, съ слабымъ еще интеллектуальнымъ развитіемъ, по словамъ Михайловскаго, не составляла цѣли его очерковъ. Онъ старался подобрать факты, характеризующіе только тѣ стороны міросозерцанія, изъ которыхъ сложилась правственная и умственная атмосфера, окружавшая шамановъ; для насъ важна та почва, говоритъ Михайловскій, изъ которой выросло шаманство. Наивное дѣтское состояніе должно было породить потребность въ людяхъ, помогающихъ ... ому воображенію освободиться отъ тягостнаго страха.

Поэтому знахари пріобрѣтаютъ въ такихъ обществахъ особую силу, но для этого они должны отличаться извѣстными качествами. Будучи проникнуты воззрѣніями окружающей среды, они вырабатываютъ изъ себя своеобразный типъ, развиваютъ цѣлую систему таинственныхъ дѣйствій и обрядовъ, извѣстную подъ названіемъ шаманства.

Подобно тому, какъ нѣтъ народовъ, неумѣющихъ добывать огня, пользоваться какими либо простѣйшими орудіями, такъ и во всей богатой этнографической литературѣ мы не найдемъ ни одного племени, не имѣющаго, въ большей или меньшей степени, яснаго представленія о душѣ и ея безсмертіи. Самый фактъ повсемѣстнаго существованія похоронъ, съ извѣстной обстановкой и съ строго опредѣленными обрядами, служитъ очевиднымъ доказательствомъ распространенности этого убѣжденія. Самыми малоразвитыми являются самоѣды. Они обладаютъ какимъ то смутнымъ представленіемъ, что со смертью человѣка все кончается; правда, душа нѣкоторое время продолжаетъ жить въ могилѣ и потому, подлѣ покойника, устраиваютъ очагъ, кладутъ съ нимъ ножъ, топоръ, копье, деньги, другія необходимыя вещи и убиваютъ оленей, повторяя это жертвоприношеніе по нѣсколько разъ; но когда трупъ истлѣетъ, то все существованіе, даже загробное, прекращается.

Только одни шаманы тарыба имѣютъ привиллегію получать полное безсмертіе. Еще болѣе проявляется вѣра въ загробную жизнь души въ описаніи погребальныхъ обрядовъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ. Эскимосы кладутъ подлѣ могилы каякъ покойнаго, его стрѣлы и различныя орудія, которыя тотъ употреблялъ при жизни, а съ женщинами хоронятъ ихъ ножи и иголки. Камчадалы бросаютъ мертвеца собакамъ на съѣденіе, въ томъ убѣжденіи, что человѣкъ, котораго съѣдятъ собаки, на другомъ свѣтѣ будетъ ѣздить на добрыхъ собакахъ. Сосѣди ихъ коряки сжигаютъ тѣла съ извѣстными обрядами. Нарядивъ покойника въ лучшее платье, отвозятъ его на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, которые особенно были любы умершему. На костеръ кладутъ копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и проч: пока костеръ горитъ, они колютъ оленей, на которыхъ привезли мертвеца, съѣдаютъ ихъ, а остатки бросаютъ въ огонь. Сѣверные тунгусы зашивали трупъ въ оленью шкуру и вѣшали на дерево съ любимымъ оружіемъ умершаго и котломъ,

дно котораго пробивалось. Ихъ сосѣди — якуты, въ прежнее время, имѣли обыкновеніе, въ случаѣ смерти знатнаго человѣка, хоронить съ нимъ верховаго коня, со всей сбруей и другого коня, навьюченнаго съѣстными припасами и дорогими мѣхами, и затѣмъ заживо погребали человѣка, который долженъ былъ прислуживать покойному на томъ свѣтѣ. Теперь якуты ограничиваются принесеніемъ въ жертву любимаго покойникомъ верховаго коня. Въ Сѣверной Америкѣ, у племени сіу, все имущество умершаго хоронится съ нимъ. Его одѣваютъ въ лучшія одежды, а любимую лошадь, осѣдлавъ и украсивъ, убиваютъ близъ тѣхъ высокихъ подмостковъ, на которыхъ покоится тѣло. Часть хвоста они кладутъ у головы умершаго, думая, что духъ его будетъ ѣздить на своемъ любимомъ конѣ. Въ тропической Южной Америкѣ, дикіе манаосы зарываютъ въ могилу, вмѣстѣ съ трупомъ, одежды, украшенія и изломанное оружіе. На островѣ Новой Зеландіи, воинственное племя маори, погребая вождя или храбраго воина, кладетъ съ нимъ все его оружіе. У гольдовъ, гиляковъ, айновъ и другихъ племенъ нашей окраины мы встрѣчаемъ въ могилахъ тѣже принадлежности житья покойника: эмблемы охоты, рыболовства и др. Ниже, послѣ обрядовъ погребенія, я возвращусь къ этому вопросу.

Приведенный выше перечень предметовъ, погребаемыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ, у различныхъ племенъ земного шара, съ соблюденіемъ разнообразныхъ обрядовъ, вводитъ насъ въ совершенно чуждый и оригинальный міръ и даетъ возможность выяснить особенности міросозерцанія малокультурнаго человѣка. Материалистическое представленіе о душѣ и ея безсмертіи отражается въ обстановкѣ похоронъ, во время которыхъ дикіе и полудикіе народы выказываютъ, съ одной стороны, нѣжныя заботы объ усопшихъ, а съ другой, проявляютъ глубокій страхъ въ случаѣ неисполненія желаній умершихъ предковъ, [illegible] неудовлетворенности своихъ потребностей, живымъ родственникамъ и друзьямъ. Фантазія этихъ дѣтей природы не можетъ представить жизнь загробную иначе, какъ на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ обстановки и условій своей собственной жизни. Алтайцы, напримѣръ, говорятъ: на томъ свѣтѣ мы будемъ жить также, какъ и здѣсь, т. е., будемъ сѣять хлѣбъ, водить скотъ, пить вино, ѣсть говядину; только на томъ свѣтѣ мы будемъ жить гораздо богаче, потому что намъ будетъ отданъ не только тотъ скотъ, который мы имѣли на землѣ, но и тотъ, который околѣлъ. Ги-

ки, гольды и другія тунгузскія племена нашей дальней окраины тоже убѣждены, что души или духи умершихъ продолжаютъ жить на томъ свѣтѣ такъ же, какъ они жили на землѣ. Вѣра въ то, что душа, послѣ смерти, продолжаетъ за гробомъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, можетъ считаться доказаннымъ явленіемъ, твердо установленнымъ этнографической наукой.

Понятіе о загробной жизни у гольдовъ развито, пожалуй, болѣе, чѣмъ у перечисленныхъ народовъ. Духъ, послѣ смерти, переносится, при помощи шамана, въ буни (загробный міръ), путь въ которому, со всѣми подробностями предстоящаго путешествія, извѣстенъ шаману. Въ буни каждое семейство имѣетъ свою юрту и инвентарь, какъ и на землѣ, только въ буни гольдъ не знаетъ ни голода, ни нуждъ, и живетъ безъ заботъ. Всѣ члены одной и той же семьи, послѣ смерти, рано или поздно, достигаютъ буни и пресоединяются одинъ къ другому. Шаманъ является знатокомъ пути въ загробный міръ и посредникомъ между человѣчествомъ и верховными существами; онъ же исцѣлитель всѣхъ недуговъ, предсказатель счастья и несчастья, плохого или хорошаго промысла и т. д.; шаманъ, имѣя сношенія со всѣми духами, призываетъ на помощь добрыхъ духовъ, не пускаетъ злыхъ къ больному. Похоронный ритуалъ у гольдовъ и у сосѣднихъ съ ними инородцевъ, и, въ особенности, слѣдуемыя за похоронами поминки покойника, заключающія въ себѣ церемоніи перенесенія души умершаго въ загробный міръ, даютъ наглядное понятіе о міросозерцаніи этого племени и того значенія, которое у нихъ имѣетъ шаманъ.

Матеріалъ о шаманствѣ, собранный мною у гольдовъ, будетъ представленъ читателямъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

1). Шаманъ и его значеніе среди гольдовъ; описаніе костюма гольдскаго шамана и находящаяся въ связи съ описаніемъ легенда о происхожденіи перваго шамана. Сходность одѣянія шамана у манчжуръ, обитающихъ по Амуру и у негидальцевъ. Загробный міръ (буни) по понятіямъ шамановъ. Описаніе пути, по которому душа слѣдуетъ въ буни; препятствія, которыя душа претерпѣваетъ и значеніе шамана въ данномъ случаѣ.

2). Похоронный ритуалъ у гольдовъ и у сосѣдей ихъ гиляковъ и орочей. Поминки. Роль шамана на похоронахъ и помин-

кахъ; устройство могилъ. Понятіе о снѣ, обморокъ и пр.

3). Шаманъ, какъ исцѣлитель. Перечисленіе и значеніе бурхановъ, дѣлаемыхъ шаманомъ для исцѣленія и для удачнаго промысла.

ГЛАВА I.

Шаманъ, его значеніе среди гольдовъ. Легенда о происхожденіи первыхъ шамановъ. Описаніе костюма гольдскаго шамана. Сходство въ костюмахъ шамановъ гольда, манчжура и негидальца (съ рѣки Амгуни).

Шаманъ по гольдски сяма *)

Шаманомъ у гольдовъ можетъ быть не всякій. Шаманство либо наслѣдуется, либо въ шаманы посвящается тотъ, кто себя чувствуетъ призваннымъ сдѣлаться имъ, будь это мужчина или женщина, для чего, кромѣ знанія обрядовой стороны, необходимо, по мнѣнію гольдовъ, увидѣть во снѣ бурхана, который объявляетъ спящему, что онъ долженъ сдѣлаться шаманомъ и что бурханы будутъ ему покровительствовать. Послѣ подобнаго сна гольдъ дѣлаетъ себѣ шаманскій костюмъ и объявляется шаманомъ. У каждаго гольдскаго шамана полагается помощникъ, а иногда и нѣсколько помощниковъ, молодыхъ парней, которые постоянно сопровождаютъ шамана, участвуя во всѣхъ обрядахъ. Изъ такихъ парней постепенно вырабатываются кандидаты на шамана, которые, со временемъ, и объявляютъ себя шаманами.

Необходимо, передъ посвященіемъ, увидѣть во снѣ бурхана, избирающаго, такъ сказать, въ шаманы. Это вѣрова-

*) Шаманы встрѣчаются на всемъ пространствѣ Сибири. У разныхъ народовъ они носятъ различныя названія. Слово „шаманъ" встрѣчается: у тунгусовъ, бурятъ, якутовъ, манчжуръ, гольдовъ, гиляковъ и другихъ племенъ нижняго Амура. Но, по словамъ Михайловскаго, у однихъ тунгусовъ названіе это природное. Буряты, подобно монголамъ, именуютъ своихъ шамановъ „бо", а шаманокъ „одегонъ", или „утыганъ". У якутовъ шаманъ называется ойюномъ. Алтайцы называютъ шамана „кама" и его дѣйствія, при сношеніяхъ съ духами, называютъ „камланіемъ".

ніе. Но [illegible] вѣроятнѣе, [illegible] слѣдующей легенды о происхожденіи первыхъ шамановъ, легенды, описывающей одновременно и значеніе всѣхъ частей шаманскаго костюма.]

Потомки первыхъ людей, по смерти своей, возрождались. Первые два человѣка достигли глубокой старости и жили съ престарѣлымъ сыномъ своимъ Долдчу—Ходай и пользовались безсмертіемъ: дѣти Долдчу—Ходая, достигая старости, хотя и умирали, но, каждый разъ, вмѣсто умершаго человѣка, возрождался новый. Такимъ образомъ, люди быстро размножались и человѣчество достигло необычайныхъ размѣровъ. Это встревожило стариковъ, первыхъ людей.

Однажды Долдчу-Ходай говоритъ отцу: „на свѣтѣ такъ много народу, что болѣе нѣтъ мѣста; необходимо прекратить возрожденіе человѣчества и если я, Долдчу-Ходай, лишусь безсмертія, то возрожденіе прекратится". Съ этими словами Долдчу-Ходай ушелъ въ пещеру, входъ въ которую отецъ его завалилъ огромнымъ камнемъ. Прошло много лѣтъ. Старикъ со старухой совершили по своемъ сынѣ поминки, сдѣлавъ, по обычаю, фанио*).

Видитъ старуха, что возрожденіе человѣчества не прекращается и говоритъ она старику: „народъ не умираетъ; погибъ только нашъ Долдчу-Ходай". Пошли старикъ съ старухой къ пещерѣ; отвернулъ старикъ камень, освободилъ ходъ, а старуха, принесши свѣжихъ звѣриныхъ шкуръ, заткнула входъ въ пещеру и говоритъ: „пройдетъ еще много лѣтъ, и когда послѣдняя изъ шкуръ истлѣетъ, то возрожденіе прекратится". Предсказанія старухи оправдались. Однажды старуха говоритъ старику: „завтра послѣдняя шкура истлѣетъ; нашъ сынъ Долдчу-Ходай умретъ; вмѣстѣ съ нимъ помретъ и великое множество людей, которые уже не возродятся; поэтому нужно подумать, какъ ихъ похоронить, гдѣ ихъ поминать, а бросить умершихъ не похороненными нельзя."

На другое утро случилось на землѣ нѣчто необычайное. Увидѣли старикъ со старухой, что вмѣсто одного небеснаго свѣтила стоило ихъ три: отъ свѣту стали люди слѣпнуть, отъ жары гибнуть: солнце жгло такъ сильно, что земля горѣла, въ рѣкахъ вода кипѣла; когда рыба, играя, выскакивала изъ воды, то у нея сгорала чешуя. Ночью, когда три солнца закатились, появились

*) Фани, родъ подушки, изображающей тѣло умершаго человѣка.

три луны и ночь сдѣлалась такъ свѣтла, что людямъ не было возможности уснуть. Видитъ старикъ, что человѣчество гибнетъ въ великомъ множествѣ, что смертность нужно прiостановить. Началъ старикъ, по ночамъ, строить фанзу изъ мягкаго камня „онса“. Построивъ юрту, онъ укрылся отъ палящихъ лучей солнца, изготовилъ себѣ крѣпкiй лукъ и стрѣлы. Когда все было готово, старикъ началъ выжидать заката дневныхъ свѣтилъ. Только первое изъ нихъ начало закатываться, прицѣлился въ него старикъ, выстрѣлилъ и солнце исчезло; выстрѣлилъ старикъ во второе и то исчезло и стало свѣтить, по прежнему, только одно солнце. Началъ выжидать старикъ восхода трехъ лунъ: выстрѣлилъ въ первую, выстрѣлилъ во вторую и осталась одна луна. Природа начала принимать свой прежнiй видъ, вырожденiе человѣчества прекратилось и смертность сдѣлалась нормальною. Говоритъ старикъ старухѣ: что намъ дѣлать съ покойниками? Нужно всѣхъ похоронить, нужно всѣмъ устроить поминки: люди были хорошiе и они должны достичь буни: тамъ ихъ ожидаетъ новая, блаженная жизнь. Мы съ тобой стары, мы не можемъ помочь всѣмъ умершимъ, намъ необходимы помощники». Озабоченный, легъ старикъ спать; и видитъ во снѣ большое дерево, стволъ котораго такъ толстъ, что сотни людей не могутъ его обхватить: дерево это (конгуру-загде) имѣетъ кору изъ гадовъ; корни его—громадныя змѣи; листья состоятъ изъ толи *), цвѣты, изъ колокольчиковъ (гуруча-конгокто); вершина дерева имѣетъ множество металлическихъ роговъ—(тимо-суктжи-хоя). Проснувшись, старикъ скрылъ свой сонъ отъ старухи, взялъ лукъ и стрѣлы и пошелъ искать конгуру-загде: недолго онъ странствовалъ. Смотритъ, однажды, стоитъ дерево: остановился старикъ и прицѣлился въ его верхушку-„тимо“: сбилъ нѣсколько паръ роговъ и спряталъ ихъ въ мѣшокъ; затѣмъ онъ сбилъ нѣсколько толи и конгокто. Потащилъ старикъ свою добычу въ фанзу, закрылъ плотно окна, двери и всѣ отверстiя, имѣющiя сообщенiе съ наружнымъ воздухомъ и забылъ закрыть только чонку, отверстiе въ стѣнѣ, для выхода дыма. Началъ старикъ доставать изъ мѣшка свою добычу; но не успѣлъ онъ достать тимо, какъ оно вылетѣло изъ его рукъ, чрезъ чонку, на улицу: тоже самое начало повторяться и съ другими частями дерева: спряталъ тогда старикъ свой мѣшокъ подъ нары и легъ на нихъ. Ночью ви-

*) Металлическiя круглыя зеркала.

ил», старикъ сонъ: пришелъ къ нему бѣлый, какъ лунь, старикъ съ бородою до земли, и говоритъ: «ты избранъ быть великимъ шаманомъ, но одному тебѣ не помочь всѣмъ погибшимъ на землѣ: открой чонку въ фанзѣ, дай свободу добытымъ тобою частямъ дерева конгуру; части полетятъ въ разныя страны свѣта, гдѣ найдутъ достойныхъ для посвященія въ великіе шаманы. У тебя останется по одному экземпляру каждой вещи дерева шаманства, возьми ихъ, спрячь; пойди въ лѣсъ, добудь себѣ шкуры медвѣдя, волка, рыси; сшей себѣ такую шапку (старецъ показалъ ему шапку); поверхъ шапки изъ шкуръ прикрѣпи тимо и конгокто, на грудь и на спину надѣнь толи: они будутъ охранять твое тѣло отъ стрѣлъ, которыя будутъ пускать въ тебя враги шаманства; изъ суручи и конгокто сдѣлай себѣ поясъ; поясъ и бубенъ будутъ тебя переносить, когда ты пожелаешь, въ буни; помощниками твоими будутъ бурхали. Бучку и птица коори, на которой ты всегда вернешься въ буни».

Съ этими словами старецъ исчезъ. На утро старикъ открылъ чонку, вынулъ мѣшокъ, открылъ всѣ его части: въ этоже мгновеніе вылетѣли изъ чонко къ людямъ 8 разныхъ направленій земного шара, и, найдя достойныхъ, посвятили ихъ въ шаманы. Отнынѣ сдѣлалось возможнымъ похоронить всѣхъ погибшихъ и шаманы распространились по всему свѣту.

Легендарное описаніе костюма шамана совпадаетъ съ тѣми костюмами, которые, дѣйствительно, носятъ шаманы всѣхъ инородцевъ бассейна Амура и, если получается разница въ одѣяніи, то только въ формѣ халата и шапки. Такъ, напримѣръ, рога тимо и шапку изъ мѣховыхъ шкуръ можно встрѣтить только у гольдовъ. Орочонскіе шаманы бассейна Уссури употребляютъ свою обыкновенную шапку; негидальцы на Амгуни шапку изъ особаго покроя, извѣстную у гольдовъ подъ названіемъ ун-[illegible], употребляемую шаманомъ для леченія отъ головной боли. Манчжурскіе шаманы окрестностей г. Айгуна носятъ шапку изъ желѣзныхъ полосъ, имѣющую форму птицы. Остальные предметы, какъ то: толи, суручи, конгокто, бубенъ и поясъ съ множествомъ бубенчиковъ, встрѣчаются у шамановъ всѣхъ народностей бассейна Амура. Что же касается до толи, то таковое, подъ этимъ же самымъ названіемъ, играетъ выдающуюся роль и въ буддійской религіи и, безъ сомнѣнія, перешло къ шаманамъ чрезъ Манчжурію изъ Тибета.

Костюмъ шамана гольда составляютъ слѣдующія вещи: 1) толи, 2) бубенъ, 3) жилетъ и юбка, 4) ремень, 5) поясъ, 6) посохъ, 7) шапка, 8) стружки, 9) рукавицы, 10) [illegible] 11) [illegible] камней и 12) бурханы.

Главную принадлежность шаманскаго костюма составляетъ толи, хорошо полированный мѣдный кругъ*), разныхъ величинъ, надѣваемый шаманомъ на ремешкахъ на грудь. Въ немъ отражаются дѣянія людей, какъ добрыя, такъ и дурныя и оно имѣетъ возможность узнавать истину. Когда шаманъ начинаетъ одѣвать свой костюмъ, то помощникъ шамана вынимаетъ изъ его сумки толи (чѣмъ больше паръ, тѣмъ богаче шаманъ), обрызгиваетъ ихъ изо рта ханшиной или русской водкой и надѣваетъ на шамана.

Вторая принадлежность шаманскаго костюма состоитъ изъ бубна и пояса, служащихъ шаману музыкальными инструментами при камланіи, которыми шаманъ и его помощники аккомпанируютъ пѣнію и пляскѣ. Бубенъ состоитъ изъ деревяннаго обруча, на который натянута тонкая шкура. Колотушка [illegible]-сковая, служащая для издаванія на бубнѣ звуковъ, обыкновенно покрыта съ одной стороны мѣхомъ козули, а другая сторона ея полна гольдскихъ рисунковъ: ручка бубна изображаетъ двуглаваго бурхана аями-тереми, по бокамъ котораго помѣщены бурханы адзеха. Бурханъ аями, которому даютъ ханшинъ, способствуетъ издаванію рѣзкихъ звуковъ по бубну, не ломая его. Шаманъ, во время камланія, отъ времени до времени, дуетъ на аями, прося помочь ему. У гольдовъ, въ верхнихъ Уссури, къ внутреннимъ бортамъ бубна прикрѣпляется желѣзный стержень, на который навѣшиваются китайскія монеты, имѣющія, какъ извѣстно, четырехгранное отверстіе. Бубны орочонъ, манегровъ и негидальцевъ, которые мнѣ пришлось видѣть, имѣютъ сходное съ бубнами гольдовъ устройство; рисунковъ на бубнѣ нѣтъ и только у негидальцевъ, [illegible] четырехъ осяхъ [illegible] бубна, [illegible]

*) Толи, по вѣрованію гольдовъ, охраняетъ тѣло шамана отъ стрѣлъ, пускаемыхъ въ него врагами шаманства; почему шаманъ, каждый разъ, [illegible] при камланіи, приходитъ въ экстазъ и вступивъ въ борьбу съ своими врагами, выходитъ изъ поединка побѣдителемъ, то дѣлаетъ въ толи, висящемъ у него на спинѣ или на груди, столько проколовъ, сколько стрѣлъ ударилось [в] шамана. Чѣмъ болѣе въ толи пробитыхъ отверстій, тѣмъ выше, въ глазахъ сородичей, считается шаманъ.

[illegible] на грудь, для [illegible] ремни, за которые держать бубенъ.

Поясъ состоитъ изъ широкаго кожанаго ремня, къ которому прикрѣплены конусообразныя желѣзныя трубки, а иногда и нѣсколько зеркальцевъ. Трубки эти плотно прилаживаются къ таліи и, во время пляски шамана, который, продѣлывая свои па, усиленно вертитъ задомъ, ударяясь другъ о друга, производятъ невѣроятный шумъ, составляющій, какъ бы, акомпаниментъ пѣсни и тактъ пляски. Иногда гольды надѣваютъ на себя по два и по три пояса; у манчжурскихъ и гольдскихъ шамановъ трубочки конусообразныя навѣшиваются также на спинѣ халата, на высотѣ плечъ и по рукавамъ до локтя.

Жилетъ, короткая юбка и рукавицы дѣлаются изъ китайской матеріи или изъ замши, съ нарисованными на ней звѣрями и гадами, а именно: амбансо (тигръ), муддуръ (драконъ) и коля (змѣи). Жилетъ и юбка надѣваются поверхъ обыденной одежды шамана и предварительно окропляются помощникомъ шамана ханшиной или водкой. У гольдскихъ шамановъ, вмѣсто юбки, служатъ два фартука, съ изображеніемъ звѣрей и гадовъ и бахромой изъ звѣриныхъ шкуръ; одинъ изъ фартуковъ надѣвается напередъ, а другой назадъ. Тѣ шаманы манчжуры и негидальцы, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, имѣли длинный, ниже колѣнъ, халатъ, безъ всякихъ рисунковъ, но украшенный полосами звѣриныхъ шкуръ.

На грудь, кромѣ того, шаманъ вѣшаетъ пару металлическихъ бурхановъ амбансо (тигровъ), эмблему силы, и нѣсколько штукъ бурхановъ [illegible], изображающихъ людей, покровителей шамана.

Если шаману предстоитъ камланіе внутри фанзы, то онъ шапки не надѣваетъ, а взамѣнъ таковой, если камланіе происходитъ для излѣченія недуговъ, ему приготовляется [illegible] головной уборъ изъ древесныхъ стружекъ. Стружки [illegible] на лобъ и [illegible], причемъ свободные концы [illegible] завиваются; сзади стружки распускаются въ двѣ полосы. Такія же стружки навязываются шаману на обѣ руки, выше локтей и на обѣ ноги, ниже колѣнъ. Назначеніе этихъ стружекъ состоитъ въ томъ, чтобы недугъ выходилъ, во время камланія, въ стружки, которые потомъ выбрасываются.

Если шаману приходится шаманить внѣ фанзы, то струж-

ки не надѣваются и головнымъ уборомъ шаману служитъ шапка изъ звѣриныхъ шкуръ. Шапка хоя, которую одѣваетъ шаманъ во время камланія, дѣлается изъ звѣриныхъ шкуръ, нарѣзанныхъ длинными полосами. Одни концы всѣхъ этихъ полосъ связываются вмѣстѣ и пришиваются на обыкновенную маньчжурскую войлочную шапку, къ которой прикрѣпляется пара небольшихъ металлическихъ роговъ тило, съ верхушки дерева ша-манства и нѣсколько десятковъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, которые прикрѣпляются также на концы шкуръ. Шапку можно дѣлать только изъ шкуръ волка, медвѣдя, енота, лисицы. Нельзя дѣлать шапку изъ собаки, тигра, соболя, хорька, барсука, сохатаго, изюбря, кабарги и выдры *).

Бооло-пирка—мафа, посохъ, съ изображеніемъ бурхана Аяма-пирка-мафа, о двухъ лицахъ, означающихъ всевѣдѣніе, употребляется шаманами во время большихъ поминокъ; другой образецъ посоха, на рукояткѣ котораго изображены доонта, амбанео и прочіе звѣри шаманскаго культа, употребляется шаманомъ исключительно при камланіи на малыхъ или первыхъ поминкахъ.

Ремень отъ шеи козули, длиною до 3 саженъ, привязывается сзади къ поясу шамана. За ремень этотъ держатся тѣ помощники шамана. Бурханы, которые помогаютъ ему во время камланія и фатача (мѣшечекъ), дѣлаются шаманомъ во время камланія. Если у женщины были, подъ рядъ, нѣсколько разъ мертворожденные выкидыши, то, во время послѣдней беременности, шаманъ дѣлаетъ одну фатачу, въ которую кладетъ душу (орга) ребенка и вѣшаетъ фатачу себѣ на поясъ; фатача не бросается и шаманъ носитъ ее всегда при себѣ. Чѣмъ больше у шамана фатачей, тѣмъ выше стоитъ онъ въ глазахъ своихъ сородичей. Иногда фатача попадается и въ фанзахъ гольдовъ, причемъ она, вмѣстѣ съ лоскутьями, подвѣшивается къ крышѣ, внутри фанзы, какъ бы составляя душу ребенка между его родными.

*) Хотя гольды не могли точно разъяснить, почему для шапки шамана можно употреблять только шкуры волка, медвѣдя, енота и лисицы, но, принимая во вниманіе, что звѣри эти, во всѣхъ сказкахъ гольдовъ, играютъ большую роль, какъ помощники и покровители шаманства, можно заключить, что гольды цѣнятъ и ихъ шкуру, полагая, что таковая имѣетъ силу помогать шаману.

Когда шаманъ слѣдитъ за переходомъ души умершаго въ загробный міръ буни и, сопровождая ее, помогаетъ преодолѣть препятствія, ему необходима легендарная птица коори и бурханъ, покровитель шамана, бучу. Птица коори, по виду, напоминаетъ журавля; дѣлается изъ дерева, которое, кромѣ головы, обтягивается лѣтнею козульею, рыжаго цвѣта, шкурою. Бучу представляетъ изъ себя изображеніе человѣка на одной кривой ногѣ, съ крыльями; дѣлается бучу изъ дерева; туловище и крылья обтягиваются также козульею шкурою. Коори и бучу вѣшаются шаманомъ въ специально, для этой цѣли, устраиваемомъ навѣсѣ: коори горизонтально, бучу вертикально. Шаманъ, сопровождая душу умершаго въ буни, самъ терпитъ страшныя мученія и измученный возвращается обратно на спинѣ коори, сопровождаемый бурханомъ бучу, который совершаетъ свой полетъ, сохраняя вертикальное положеніе. Коори настолько необходимъ шаману, что, однажды, на вопросъ мой: можетъ ли онъ совершать поминки безъ коори, объяснилъ, что въ буни онъ еще можетъ довести душу человѣка, а обратно, безъ коори, ему не вернуться.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе костюма гольдскаго шамана; подробности значенія отдѣльныхъ частей читатель найдетъ ниже, при описаніи гольдскихъ бурхановъ и въ ихъ легендахъ.

Кромѣ коори и бучу, принадлежностью шамана на поминкахъ являются камни, числомъ 9, называемые „таугда“. Камни эти, куски кругло отточеннаго водою кремнезема, находимаго въ горныхъ рѣчкахъ, выбираются обыкновенно съ причудливыми формами, напоминающими лицо человѣка или звѣря. Эти камни, передъ камланіемъ, шаманъ обмазываетъ свѣжею горячею кровью, добытою изъ сердца звѣря. Въ концѣ камланія, на поминкахъ, они выступаютъ на сцену и должны наглядно опредѣлить всѣмъ сородичамъ умершаго, благополучно ли исполнилъ шаманъ принятую имъ на себя обязанность довести душу умершаго въ загробный міръ буни, или камланіе необходимо повторить.

Путь, который должна пройти душа, слѣдуя въ загробный міръ, по разсказу шамана Оджала, слѣдующій:

1) Дару-названіе мѣста, гдѣ происходятъ поминки.

2) Оня.

3) Болоса, мѣстность, гдѣ душа, впервые, встрѣчаетъ затрудненія при своемъ странствованіи.

4) Нигила.

5) Сан-суйгоко.

6) Туента.

7) Харо: въ харо пути развѣтвляются и, при дальнѣйшихъ, одинаковыхъ названіяхъ и затрудненіяхъ, въ буни идетъ столько путей, сколько у гольдовъ родовъ. Такъ, напримѣръ, для трехъ родовъ гольдовъ: джаксора, доонка и оджалъ развѣтвленія путей изъ харо носятъ слѣдующія названія:

8) Даун-хайе, для рода джаксоръ.
Алдун-хайе, для рода доонка.
Ул—хайе, для рода оджалъ.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, каждый изъ этихъ путей состоитъ изъ слѣдующихъ мѣстностей:

9) Хаджелто (крутой спускъ).

10) Саянь-даурі (переходъ черезъ рѣки): это самый трудный переходъ для души; здѣсь, зачастую, душа, не будучи въ состояніи преодолѣть затрудненія, погибаетъ отъ изнеможенія.

11) Галинда.

12) Манича.

13) Кокуча.

14) Уатойла.

15) Ощики-бондаха, мѣстность, имѣющая слѣды недалекаго жилья; здѣсь видиѣются свѣже срубленные и брошенные прутья и т. п.

16) Мончи-имидаха, мѣстность, въ которой видны слѣды ломки дровъ.

17) Буни-индавачяха, мѣстность, гдѣ слышенъ лай собакъ.

18) Буни-джондогдаха, фанза покойника.

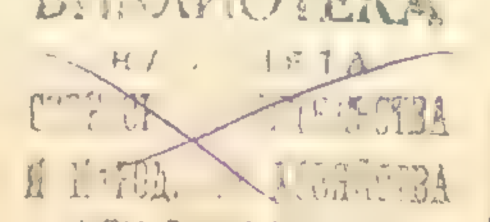
Описаніе пути въ буни, съ показаніемъ 18 названій разныхъ мѣстностей, чрезъ которыя приходится душѣ пробираться, развѣтвленіе путей для каждаго рода гольдовъ, нахожденіе въ буни фанзы покойника, присутствіе собакъ и необходимость въ дровахъ, ясно показываютъ, что, по понятіямъ гольдовъ, въ загробномъ мірѣ они будутъ жить такъ же, какъ и на землѣ: каждый въ своей фанзѣ, съ своей утварью, въ своей семьѣ. Жизнь въ буни, по мнѣнію гольдовъ, будетъ только гораздо лучше земного ихъ существованія, такъ какъ, разъ душа преодолѣла препятствія, встрѣченныя ею въ хаджелто (№ 9) и

саянъ-даури (№ 10), то ей, въ буни, не предстоитъ уже никакихъ страданій.

Роль шамана, во время поминокъ, какъ уже было упомянуто, сводится къ тому, чтобы, при помощи своего ясновидѣнія, слѣдить за странствіемъ души изъ міра земнаго въ міръ загробный: и если душа со встрѣченными ею препятствіями въ боласа, хаджелто и саянъ-даури не справится и погибаетъ, то шаманъ переносится, въ сопровожденіи коори и буччу, въ желаемую мѣстность и помогаетъ душѣ преодолѣть ихъ. Иногда душа, въ особенности у неопытнаго шамана, погибаетъ по нѣсколько разъ: тогда приходится прибѣгать къ болѣе опытному шаману, который, во время камланія, выяснивъ то мѣсто, гдѣ душа погибла, воскрешаетъ ее и доводитъ до буни. Такой шаманъ облегчаетъ плохого шамана тѣмъ, что перенесясь по дорогѣ въ буни, по предметамъ, уложеннымъ съ покойникомъ въ гробъ, онъ отыскиваетъ погибшую душу: плохой же шаманъ не въ состояніи этого сдѣлать, что указываютъ тѣ изъ камешковъ, которые кладутся шаманомъ на фанио.

По разсказу шамана Лааба Юкомзалъ, изъ селенія Хохонда, на среднемъ Амурѣ, отецъ его жилъ раньше на Урминѣ. Юкомзалы, по преданію, пришли на Урминъ съ Сунгари, гдѣ застали родъ удыика, вокругъ котораго кочевали оленные тунгусы китэнъ; затѣмъ, къ родамъ удыика и юкомзалъ перекочевалъ родъ доонка, съ рѣки Боола, впадающей въ Амуръ.

Эти три рода, находясь въ вѣдѣніи одного китайскаго чиновника, получили общее названіе килэнъ или, какъ говорятъ гольды съ Сунгаря, килэселъ. Впослѣдствіи роды эти, по различнымъ причинамъ, перекочевали, частью, на Амуръ, гдѣ перемѣшались съ другими родами, а, частью, остались по Урмину и Куру. Сродство этихъ трехъ племенъ доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что, до сихъ поръ, они называютъ другъ друга килэнъ и, что самое важное, они имѣютъ самостоятельный путь въ буни, описаніе котораго даетъ право призадуматься надъ прошедшимъ этихъ гольдовъ и предположить, что племена эти суть потомки тунгусовъ оленеводовъ съ верховьевъ Урмина и Куру, на что между прочимъ, указываетъ и Шренкъ, которому, въ бытность его въ 1856 году на устьѣ Урмина, гольды указали на живущее тамъ племя кило,



По разсказу шамана Лааба Юкомзалъ, путь въ буни, для ки-лэнъ, [illegible] съ другими гольдами [illegible] и названіяхъ рѣкъ: четырехъ пунктовъ одни и тѣ же, но отъ Сая-суйгона дорога въ буни для килэнъ сворачиваетъ вверхъ по рѣкѣ Сая-сунсонъ и килэнъ ѣдутъ въ буни на оленяхъ, тогда какъ амурскіе гольды ѣдутъ вдоль берега Амура на собакахъ.

По словамъ шамана Лааба, для амурскихъ гольдовъ путь въ буни далекъ и тяжелъ; для килэнъ путь этотъ гораздо легче. Путь въ буни совершается обязательно на девяти оленяхъ, изъ коихъ на восьми везутъ имущество покойнаго, а на девятомъ ѣдетъ душа умершаго, причемъ сѣдло устроено такимъ образомъ, что съ него упасть нельзя, благодаря тому, что шаманъ составляетъ душу этого оленя, и, заботясь о благополучномъ доставленіи души умершаго въ буни, ведетъ оленя по безопаснымъ мѣстамъ, минуя всякія трудности пути.

Наименованіе мѣстностей, черезъ которыя приходится проходить въ буни роду килэнъ, послѣ Сая-суйгона, слѣдующее.

5) Сая-суйгонэ—до вершины этой рѣки.

6) Сая-джууни, перевалъ черезъ хребетъ.

7) Сая-хабсени, спускъ съ хребта въ продольномъ направленіи.

8) Сая-джабджуни, густой лѣсъ.

9) Сая-бачеани, хребетъ.

10) Токса-баджикчини, мѣстность, гдѣ живутъ души мертворожденныхъ.

11) Саджи, большое болото.

12) Буни-наани-суйгуни, по берегу горной рѣчки открытая мѣстность, съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ.

13) Уолдука-чапчоха, мѣстность, гдѣ видны слѣды выдѣлки деревянныхъ лодокъ; лѣсъ вырубленъ (на языкѣ килэнъ, уолдука означаетъ деревянный батъ, который орочоны называютъ ауффья).

14) Буни-сангиани-ичипча, видѣнъ дымъ и признаки присутствія жилья, затѣмъ и шалаши, по типу орочонскихъ, и олени.

Похоронный ритуалъ у инородцевъ нижняго Амура, въ общемъ, весьма схожъ между собой; у всѣхъ смерть сородича вызываетъ глубокое сожалѣніе о потерѣ человѣка и непонятный страхъ, какъ послѣдствіе исчезновенія человѣка изъ живыхъ.

Чтобы представить полную картину похороннаго ритуала

у этихъ инородцевъ, я опишу видѣнные мною похороны и первые поминки у гольдовъ средняго Амура и затѣмъ, для сравненія, позволю себѣ сказать о похоронныхъ обрядахъ у гиляковъ, по А. В. Кириллову, у орочей, по В. П. Маргаритову и у гольдовъ верховьевъ Уссури, по Пель-Горскому *).

Похоронный ритуалъ у гольдовъ средняго Амура таковъ.

Къ заболѣвшему гольду приглашается шаманъ, который призываетъ добрыхъ духовъ и изгоняетъ злыхъ, дѣлая бурхановъ и производя камланіе. Умершаго гольда, тотчасъ послѣ смерти, снимаютъ съ наръ и кладутъ на доски подлѣ наръ, параллельно имъ и обязательно по лѣвую сторону входа. Женщины зачесываютъ умершему волосы и переодѣваютъ его въ новое платье; причемъ, если покойный былъ состоятельнымъ и въ селеніи уважаемымъ, то его обмываютъ. Старую одежду покойнаго, а также принадлежности его обыденной жизни и охоты кладутъ рядомъ съ нимъ; на лицо кладутъ платки или шкуры звѣриныя и рыбьи; на другой день послѣ смерти, платки сшиваются вмѣстѣ и получаютъ названіе „быкини-бунэру-аафуни". Они назначаются предохранять лицо покойнаго отъ вѣтра. Въ платки и въ шкуры зашиваютъ разныя вещи, какъ то: кольца, монеты и пр.; по этимъ вещамъ и одеждѣ, шаманъ розыскиваетъ покойнаго, чтобы благополучно доставить его душу въ міръ загробный. На голову покойника надѣваютъ шапку, преимущественно мѣховую, причемъ шнурки шапки завязываютъ на глухой узелъ на шеѣ; кромѣ сего, если гольдъ умеръ зимою, на него надѣваютъ теплую шубу, унты и рукавицы и дѣлаютъ все возможное, чтобы покойнику не было холодно. Жена покойнаго ложится съ трупомъ мужа подъ одно одѣяло.

Послѣ похоронъ жена покойнаго, до 7 дней, всѣ ночи проводитъ около могилы умершаго. Впослѣдствіи, отъ времени до времени, она посѣщаетъ могилу, до большихъ поминокъ включительно.

Если у покойника жены не было, то, рядомъ съ нимъ, кладутъ носовую часть омогочки.

*) См. журналъ „Древняя и Новая Россія" 1881 г. ст. „Гиляки" Кириллова; „Орочи Императорской Гавани". Маргаритова (изд. общ. изуч. Амурскаго края) и статью „Инородческое населеніе по притокамъ Уссури, р.р. Бикину, Иману и Ваку" г. Пель-Горскаго, въ Трудахъ членовъ приамур. отдѣла И. Р. Г. Об. 1895 г.

Лампада изъ рыбьяго жира горитъ день и ночь, пока покойникъ остается въ фанзѣ.

На другой день послѣ смерти дѣлаютъ гробъ изъ тесу, преимущественно кедроваго; въ гробъ укладываютъ покойника не въ фанзѣ, а выносятъ его чрезъ окно, на доскахъ, съ которыми и кладутъ покойника въ гробъ.

Если покойникъ былъ человѣкъ состоятельный, то въ гробъ, за голову, кладутъ рисунки звѣрей, птицъ и пр.; подъ голову кладутъ серебряную чашу, имѣющую форму темени человѣческаго черепа и означающую свѣтлую жизнь въ буни; ночью, подъ пятки покойника, кладутъ простой камень, съ пожеланіями спокойной жизни въ буни и хорошаго промысла; если камень подъ пятки не положенъ, то родные и шаманъ не узнаютъ, куда уйдетъ покойный.

Когда гробъ заколотятъ, то мужчины берутъ его на руки и несутъ къ заранѣе приготовленной могилѣ.

Могилу, въ настоящее время, только вырываютъ въ землѣ, обкладывая ее досками или строятъ амбаръ, въ который ставятъ гробъ, увѣшивая стѣны амбара принадлежностями промысла покойнаго и его любимыми вещами.

Могилу строятъ чужіе, но подъ присмотромъ сородичей покойника. По дорогѣ къ могилѣ процессія трижды останавливается для отдыха, причемъ, каждый разъ, въ захваченную съ собою чашку, наливаютъ ханшинъ и, угощая покойнаго (выливаютъ ханшинъ около гроба), приговариваютъ: „эй: хорошаго тебѣ пути въ буни; пожалуйста, не возвращайся обратно; дѣтей съ собой не бери".

Придя къ могилѣ, гробъ ставятъ рядомъ съ ней, разводятъ костеръ и обращаются къ покойному: „мы тебѣ выстроили новый домъ, живи въ немъ хорошо; не бери съ собой жену и дѣтей, если они тебя будутъ навѣщать".

Когда гробъ опустятъ въ могилу и засыпятъ землей, то жена приводитъ изъ селенія любимую собаку покойнаго, убиваетъ ее на могилѣ и подвѣшиваетъ на палкѣ, рядомъ съ гробомъ, причемъ на собаку набрасываютъ шкуру сохатаго или изюбря.

Когда церемонія эта кончилась, то на могилу втыкаютъ небольшой флагъ (дусху-моно) и возвращаются въ фанзу умершаго. Здѣсь всѣ, отъ мала до велика, моютъ руки и лицо, уби-

раютъ фанзу, зажигаютъ курительный корень (сэнкура) и открываютъ амбары: родные покойнаго варятъ мясо, буду и пр. и угощаютъ всѣхъ присутствующихъ.

Первые или малые поминки, заключающіяся въ томъ, что шаманъ, при посредствѣ добрыхъ духовъ, разыскиваетъ душу умершаго, витающую во вселенной, а нашедши душу, кладетъ ее въ фаню, гдѣ душа и остается до большихъ поминокъ, когда шаманъ сопровождаетъ душу въ загробный міръ.

На большихъ поминкахъ, которыя происходятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, смотря по желанію и матеріальному состоянію родныхъ, фаня разрывается и сжигается; разсчеты родныхъ съ покойникомъ считаются оконченными и вдова, считая себя свободною, выходитъ замужъ.

На слѣдующій день послѣ похоронъ, дѣлается фаня, которая должна изображать отсутствующаго покойника. Фаня состоитъ изъ четырехугольной подушки, положенной на небольшой коврикъ; на подушку кладутъ аккуратно сложенное платье покойнаго, которое покрываютъ платкомъ, а впереди подушки ставится бурханъ аями-фаняляко, изображающій бурхана аями на подставкѣ, съ отверстіемъ въ груди. Бурханъ этотъ, покровитель умершихъ и, какъ бы, олицетворяетъ въ себѣ самого покойнаго.

Фаня остается въ фанзѣ до большихъ поминокъ. Обыкновенно фаня прячется на полки и, отъ времени до времени, ставится на нары, когда родные умершаго, вспоминая о немъ, желаютъ провести съ нимъ нѣкоторое время и подѣлиться своей трапезой. Во время моей послѣдней экскурсіи къ гольдамъ, въ протоку Хонлдо, въ 70 верстахъ по Амуру, ниже Хабаровска, однажды, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до намѣченнаго мною селенія, сильнымъ штормомъ выбросило меня на берегъ Амура, и мнѣ невольно пришлось укрыться отъ дождя и стужи въ единственную маленькую фанзу, живущаго здѣсь, гольда рода Перменка и провести у него ночь. Хозяева, не ожидая увидѣть у себя посторонняго, не успѣли спрятать фани и я засталъ все семейство ухаживающимъ за двумя фанями, лежавшими на нарахъ. Родители вспоминали своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, умершихъ около трехъ лѣтъ назадъ. Не имѣя средствъ на устройство большихъ поминокъ, они, изъ года въ годъ, откладывали ихъ. Передъ фанями

стояла берестяная коробочка съ тряпочками, пуговками, звѣриными коготками и пр.; хозяева объяснили мнѣ, что дѣти, передъ смертью, любили играть съ этими вещами.

Хозяева хотѣли было убрать фаню, но, по просьбѣ моей, спокойно оставили ихѣ стоять на нарахъ и мнѣ удалось, благодаря этому, прослѣдить всю процедуру обращенія съ фанями. Во время вечерняго ужина, состоявшаго у гольдовъ изъ вареной рыбы и буды, мать и одна изъ дѣвченокъ, сестра умершихъ, положили въ китайскія чашечки рыбы и ложку и поставили передъ каждой фаней; по прошествіи нѣкотораго времени мать убрала чашку, отвѣдала ѣду и передала ее дѣтямъ; тоже самое повторилось и съ будой. Когда я подалъ ребятишкамъ по куску булки и по нѣсколько кусочковъ сахару, то, не дотронувшись до гостинца, дѣти положили на фаню хлѣбъ и сахаръ.

Малые поминки происходятъ черезъ два мѣсяца послѣ похоронъ. Мнѣ удалось присутствовать на этихъ поминкахъ; по указанію гольдовъ, я захватилъ съ собой кое что изъ съѣдобнаго и нѣсколько бутылокъ водки. Семейство покойнаго, съ утра, начало приготовляться къ поминкамъ; потребовались: мука, гречневая крупа, бобы бѣлые и красные, ярбуда, рисъ, китайская лапша и ханшинъ или водка.

Отваренная крупа, рисъ, буда и бобы были разложены по китайскимъ чашкамъ, гречневую же крупу, кромѣ того, насыпали въ большія плоскія плетеныя корзины; изъ муки испекли хлѣбы разныхъ формъ: 1) изображеніе птицы гаага, по одной, для каждой фани; гаага, по формѣ, напоминаетъ собою печенье нашихъ жаворонковъ; 2) сандьеха, пять сортовъ.; 3) гоое, по формѣ напоминающія маленькія чашечки; гоое дѣлается не только изъ тѣста, но и изъ крупы.; 4) моритонъ круглый калачикъ.

Эти четыре рода печенія обязательны на каждыхъ малыхъ поминкахъ. На большихъ поминкахъ, кромѣ этого, дѣлаютъ еще изъ тонкихъ полосъ тѣста большой плотный коржъ, который ѣдятъ съ жиромъ, приготовляемымъ такъ: наливъ жиръ въ большую плоскую чашку, даютъ ему остыть; на затвердѣвшей студеной поверхности его, изъ раствора муки, дѣлаютъ узоры (глазируютъ).

Когда приготовленія были окончены, то родные умершаго пригласили къ себѣ гостей изъ селенія и послали

5 человѣкъ за шаманомъ. Обычай требуетъ, чтобы шаманъ обязательно прибылъ на лодкѣ, хотя бы фанза, въ которой онъ остановился, находилась рядомъ съ той, гдѣ происходятъ поминки. Въ данномъ случаѣ шаманъ находился на краю селенія и ему пришлось проѣхать саженъ сто. Пока гольды собирались за шаманомъ, я отправился въ его фанзу и засталъ шамана, работающимъ сѣти; не было и признаковъ, что это шаманъ. Вскорѣ начали входить посланные; шаманъ, здороваясь, спрашивалъ: „зачѣмъ пожаловали? кто васъ прислалъ?“. Посланные пояснили, что просятъ его на поминки. Тогда шаманъ, указавъ одному изъ гольдовъ на чердакъ, приказалъ достать свои вещи, а одинъ изъ посланныхъ досталъ изъ за пазухи ханшинъ и началъ разогрѣвать его. Разогрѣвъ ханшинъ, онъ налилъ его въ чашку; всѣ пришедшіе стали на колѣна передъ шаманомъ, который, принявъ чашку съ ханшиномъ, окропилъ имъ посланныхъ и когда послѣдніе трижды поклонились шаману до земли и встали, то онъ угостилъ каждаго изъ нихъ ханшиномъ. Затѣмъ, взявъ въ руки свою одежду, которую принесъ одинъ изъ присутствующихъ, шаманъ сталъ окроплять ее ханшиномъ; въ это время посланные, опустившись снова на колѣна, начали отвѣшивать земные поклоны. Послѣ этого, одинъ изъ парней подалъ шаману разогрѣтый передъ огнемъ бубенъ. Раздались медленные удары по бубну; шаманъ, заунывнымъ голосомъ, началъ созывать помощниковъ своихъ, бурхановъ. Вызывалъ онъ самаго большого бурхана, дан-сеони и пропѣлъ легенду о первомъ шаманѣ. Между пѣніемъ выдѣлялись возгласы: алми, аджеха, чаани, и др., неоднократно слышалось слово „буни“. Послѣдніе звуки пѣсни, заунывнымъ голосомъ, подтянули всѣ присутствующіе и шаманъ, передавъ бубенъ, сталъ на нары и началъ одѣваться. Сбросивъ свой грязный халатъ, онъ надѣлъ чистую холщевую рубаху, два новыхъ халата, изъ коихъ верхній, чечунчовый, и пару тоши, предварительно окропивъ ихъ ханшиномъ; захватилъ кисетъ и трубку и вышелъ на улицу, въ сопровожденіи посланныхъ и гольдовъ, собравшихся со всего селенія, посмотрѣть на отъѣздъ шамана. Подойдя къ берегу, шаманъ еще разъ спросилъ, куда его везутъ и, получивъ разъясненіе, сѣлъ въ лодку; по пріѣздѣ къ берегу противъ фанзы, гдѣ должны были происходить поминки, шамана встрѣтили родные умершаго привѣтствіемъ на колѣнахъ и подношеніемъ ханшина; затѣмъ ввели его въ фанзу, гдѣ шаманъ занялъ мѣсто на правой нарѣ, противъ

хода. Приходъ шамана въ фанзу не произвелъ на бывшихъ тамъ женщинъ никакого впечатлѣнія: ни привѣтствія, ни вниманія со стороны ихъ, шаманъ не видѣлъ; онѣ, скучившись, сидѣли въ углу фанзы около печки и курили.

Рядомъ съ шаманомъ размѣстили, какъ фаню покойника, умершаго недавно въ этой фанзѣ, такъ и двѣ другихъ фани, бывшихъ въ это время въ селеніи и не дождавшихся еще большихъ поминокъ. Передъ каждой фаней положили листоваго табаку, а въ отверстіе бурхана аями фанялко вставили закуренную трубку: табакъ съ фани брали всѣ, кто желалъ и, скрутивши себѣ изъ него по нѣсколько сигаръ, заплетали ихъ въ волосы. Въ это время, старшій фанзы, наливъ въ чашечку ханшина, сопровождаемый мужчинами, подошелъ ко мнѣ и, ставъ на колѣна, поднесъ ханшинъ: взявъ, по обычаю, ханшинъ изъ рукъ подававшаго, я сдѣлавъ видъ, что пригубилъ его и передалъ чашечку шаману, который передалъ ее другому и т. д. Послѣ троекратныхъ возліяній ханшина всѣ положили земной поклонъ и встали. Этотъ же обрядъ совершили всѣ присутствующіе.

Послѣ церемоніи привѣтствія, шаману подали разогрѣтый бубенъ; посрединѣ фанзы, на землю, бросили горячіе уголья и на нихъ щепоточку сушеныхъ листьевъ пахучаго растенія: шаманъ запѣлъ привѣтствіе мнѣ и гостямъ, прибывшимъ на поминки и затѣмъ окропилъ ханшиномъ всѣ свои вещи.

Послѣ этого былъ сдѣланъ большой перерывъ, въ продолженіи котораго женщины отправились на улицу и начали очищать мѣсто для поминокъ и строить шалашъ.

Послѣ перерыва шаманъ снялъ съ каждой фани по нѣсколько щепотокъ табаку и роздалъ ихъ присутствующимъ; затѣмъ взялъ бубенъ и, обратившись къ одному изъ гольдовъ, началъ приглашать его къ себѣ помощникомъ.

Обязанности помощника состоятъ въ одѣваніи шамана, исполненія его порученій и угощеніи присутствующихъ: за это помощникъ получаетъ половину всѣхъ подарковъ, которые дѣлаются шаману и кромѣ того, копье отъ посоха шамана.

Пока получившіе табакъ скручивали изъ него сигары и вплетали ихъ себѣ въ косы, шаманъ угощалъ всѣхъ ханшиномъ.

Родные умершаго, въ это время, сѣли на нары около фани и начали расплетать себѣ косы; для обряда обрѣзанія косы, въ знакъ глубокаго горя, одна изъ старухъ подошла къ сыну умершаго, опоясала его бѣлымъ поясомъ съ бубенчиками, вычесала ему голову, вплела въ косу бѣлую тесьму, обрѣзала кончикъ косы и положила его на фаню; тоже самое продѣлали и со всѣми остальными родными покойника. Родные, которымъ обрѣзали косы, по обычаю, впредь до большихъ поминокъ, не имѣютъ права входить босикомъ въ чужую фанзу или лодку, ибо они приносятъ этимъ несчастье.

Послѣ этого обряда родные покойника начали выплетать изъ волосъ скрученный въ сигары табакъ, закурили трубки и по очереди, вдѣвали ихъ въ отверстіе бурхана дями фаняко. Помощнику шамана принесли наконечникъ (копье) для посоха бооло, и онъ началъ изготовлять шаманскій посохъ; когда посохъ былъ готовъ, то шаманъ началъ одѣваться къ совершенію поминокъ; мужчины стали передъ шаманомъ на колѣна; старшій изъ присутствовавшихъ окропилъ ханшиномъ толи, шапку хоя, послѣ чего ханшинъ обошелъ всѣхъ гостей и родичей покойнаго.

Женщины, тѣмъ временемъ, вынесли фаню въ приготовленный шалашъ, раскинули по правую сторону входа коверъ, положили подушку отъ фани, набили травой сапоги, штаны, рукава халата и шапку, изобразивъ, такимъ образомъ, чучело человѣка, лежащаго ногами внизъ по теченію рѣки; по лѣвую руку отъ входа устроили мѣсто для шамана; у входа и выхода разложили по костру; костеръ, расположенный у входа, означалъ землю, у выхода—буни.

Пока женщины устраивали фаню, помощникъ шамана вынулъ изъ волосъ сигару, закурилъ ее и передалъ шаману, который, затянувшись нѣсколько разъ, передалъ трубку обратно, сталъ на нары и началъ одѣваться: надѣлъ юбку и опоясавъ себя бѣлымъ поясомъ, онъ обвязалъ себя трехсаженнымъ ремнемъ и надѣлъ шапку хоя, къ рогамъ которой привязалъ на шнуркѣ каменное кольцо (корима). Это кольцо женщины носятъ въ ушахъ; обыкновенно, оно обладаетъ сверхестественною силою, устраняетъ болѣзни горла, почему шаманъ, которому въ поминкахъ приходится цѣлый день пѣть, надѣваетъ на себя этотъ талисманъ.

Когда все было готово, шаманъ вынулъ изъ своего ящика послѣднее толи, на половину почернѣвшее, помазалъ его ханшиномъ, и показавъ его мнѣ, сказалъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я чувствовалъ, что схожу съ ума; однажды, ночью, ко мнѣ приходитъ бурханъ аями гирки, лицо у котораго на половину черное и говоритъ: я тебя полюбилъ; сдѣлай мнѣ бурхана и я тебѣ помогу. На утро, когда я камланилъ и сдѣлалъ бурхана гирки аями, то, вдругъ, половина толи почернѣло и я излѣчился отъ недуга“.

Пока шаманъ разсказывалъ мнѣ о своемъ излѣченіи, услужливые гольды, думавшіе, что я не видѣлъ бурхана гирки аями, побѣжали въ одну изъ фанзъ селенія и принесли его мнѣ. Шаманъ пришелъ въ ярость отъ чрезмѣрной услужливости своихъ соплеменниковъ и не допустилъ внести бурхана въ фанзу, объявивъ, что если я возьму этого бурхана, то старая болѣзнь вернется къ нему. Разумѣется, я не настаивалъ.

Шаманъ, опираясь на посохъ, въ шапкѣ хоя, пошелъ къ мѣсту поминокъ, гдѣ, въ это время, рядомъ съ фаней, поставили чашку съ водой, положили въ нее кольцо корима и привязали свободный конецъ шапки къ наушникамъ шапки фани.

Шаманъ торжественно вошелъ въ шалашъ, гдѣ происходятъ поминки, постучалъ девять разъ по сидѣнью, чтобы выгнать злыхъ духовъ, осмотрѣлся вокругъ и сѣлъ; ему подали низенькій столъ, на который поставили чай. Только что должны были начаться поминки, какъ произошла небольшая помѣха: къ берегу причалила лодка, съ нѣсколькими гольдами, которые, узнавъ, что въ селеніи происходятъ поминки, остановились. Высадившись, гольды подошли къ шалашу и сняли шапки; затѣмъ стали передъ шаманомъ на колѣна и трижды поклонились ему; а шаманъ трижды облобызалъ каждаго изъ пришедшихъ. Выйдя изъ шалаша, гольды подошли къ костру, трижды положили земные поклоны, облобызали родственниковъ умершаго и подсѣли къ нимъ. Во время перерыва поминокъ, одинъ изъ гольдовъ селенія принесъ нѣсколько тальниковыхъ палокъ, съ вырѣзанными на корѣ узорами и роздалъ эти палки, какъ принадлежность траурнаго костюма. Съ этого момента, во все время поминокъ и до окончанія большихъ поминокъ, родные, если имѣютъ дѣло съ фаней, ходятъ, опираясь на эти палки.

Когда палки были розданы, старшій изъ родственниковъ покойнаго подошелъ къ шаману и, ставъ на колѣна, передалъ ему ханшинъ; за нимъ послѣдовали и другіе мужчины; шаманъ снялъ хоя, налилъ ханшинъ въ чашечку и подалъ ее всѣмъ, поочереди. Въ это время одна изъ старухъ принесла плошку съ водой и поставила ее рядомъ съ фаней, опустивъ въ воду кольцо. Шаманъ началъ одѣвать хоя; въ это время, одинъ изъ гольдовъ, разогрѣвая бубенъ, отъ времени до времени, ударялъ по немъ; когда бубенъ былъ готовъ, то его передали шаману, причемъ помощникъ шамана положилъ передъ нимъ палку и клещи, значеніе которыхъ мы увидимъ ниже.

Шаманъ, неистово потрясая шапкой, равномѣрно ударялъ въ бубенъ, сперва безъ пѣнія, затѣмъ запѣлъ, изрѣдка ударяя по бубну. Сильныя встряхиванія головой и вздрагиванія всего тѣла показывали, что шаманъ совершалъ какое то необычайное шаманство и, всѣми силами, старался привести себя въ экстазъ. Шаманъ вызывалъ душу умершаго, онъ разыскивалъ ее во вселенной, чтобы найдя, вложить ее въ фаню. Приведя себя въ экстазъ, шаманъ вдругъ приподнялся; весь дрожа, опираясь на палку, онъ вышелъ изъ шалаша, обошелъ его и остановился снаружи, рядомъ съ фаней, около небольшаго дерева, на которомъ были повѣшены пучки травы богдо. Какъ только шаманъ вышелъ изъ шалаша, двѣ старухи заняли мѣсто около фани, одна у изголовья, другая у ногъ; положивъ по пучку травы богдо по бокамъ фани, плошку съ водой вынесли изъ шалаша и поставили ее передъ шаманомъ, а шаманъ, между тѣмъ, нашелъ душу усопшаго и, обращаясь къ роднымъ, началъ спрашивать ихъ, вѣрны ли тѣ или другія примѣты, которыя онъ нашелъ у покойника. Шаманъ задавалъ вопросы, приводя себя все въ больщій и большій экстазъ, равномѣрно ударяя въ бубенъ; отъ времени до времени, вскрикивая „коко—коко“, спрашивалъ: правда ли, что этотъ гольдъ умеръ, когда его сына не было дома? — „Правда“, отвѣчали родичи хоромъ. Правда ли, что когда дѣлали гробъ, то одна доска была попорчена гвоздями? — „Правда“. Правда ли, что онъ, умирая, позвалъ проститься всѣхъ родныхъ и что старшаго сына въ это время не было дома? — „Правда“, отвѣчали гольды. При послѣднихъ словахъ шаманъ громко зарыдалъ, бросился къ стоявшему передъ нимъ деревцу, упалъ на колѣна, схватился обѣими руками за богдо, дѣлая жесты отчаянія. Присутствующіе, не выдержавъ этой сцены, тоже зарыдали; начался настоящій

вой; слышались жалобные звуки, лились горячія слезы; видъ рыдающихъ дикарей производилъ на меня тяжелое впечатлѣніе.

Шаманъ, спустя нѣкоторое время, всталъ, неровными шагами вошелъ въ шалашъ, сталъ передъ фаней на колѣна и началъ передѣлывать найденную имъ душу умершаго. Облокотившись руками на фаню, онъ опустилъ на нее голову и, глубоко вздыхая, скрежеща зубами, продѣлалъ обрядъ вкладыванія души въ фаню; для чего, приподнявъ одну изъ полъ халата, взялъ одно изъ лежавшихъ около фани богдо, пронесъ имъ нѣсколько разъ по фанѣ и, обращаясь къ роднымъ умершаго, началъ провѣрять, по примѣтамъ, которыя имѣетъ якобы розысканная имъ душа, дѣйствительно ли она принадлежитъ покойнику. Весь этотъ обрядъ распознаванія вещей, бывшихъ на покойникѣ, вмѣстѣ съ обрядомъ камней, составляетъ отличительную черту малыхъ поминокъ. Родные умершаго успокоиваются, что душа умершаго найдена, что ей будетъ хорошо и что они не будутъ обезпокоиваемы ею, чего, кажется, гольды болѣе всего боятся.

Неумѣлое отгадываніе примѣтъ влечетъ за собою неудовольствіе родныхъ на шамана, котораго гольды не задумаются отколотить. Хотя шаманъ, обыкновенно, приводится изъ другаго селенія, почему знаніе имъ примѣтъ ставится въ особую ему заслугу, но, нѣтъ сомнѣнія, что помощникъ шамана, въ цѣляхъ успѣха своего патрона и большаго, въ связи съ этимъ, вознагражденія, доля котораго достается и помощнику, всѣми мѣрами, заранѣе, разузнаетъ всѣ особенности похоронъ покойника, отгадываніе которыхъ, закрѣпляетъ славу шамана.

Нужно было видѣть, съ какимъ трепетомъ и волненіемъ наблюдали родные за процессомъ отгадыванія шаманомъ. Послѣ нѣкоторыхъ неудачъ, шаманъ, все таки, благополучно доказалъ роднымъ, что вложенная въ фаню душа, по примѣтамъ, принадлежитъ данному покойнику. Старшій сынъ умершаго, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „счастье его, что онъ нашелъ душу, а то бы я его избилъ до полусмерти; молодецъ шаманъ; онъ всегда удачно дѣлаетъ поминки". Шаманъ, проводя богдо по фанѣ, разсказывалъ роднымъ примѣты одежды покойника. „Вѣрно ли, что въ одну олочу было положено меньше травы, чѣмъ въ другую?" — „Вѣрно!" — „Вѣрно ли, что лѣвую штанину, подъ

котѣномъ, плохо привязали?" Вѣрно! отвѣтили родные. Шаманъ выбросилъ богдо изъ шалаша, взялъ другое богдо и, водя по фанѣ, продолжалъ задавать вопросы; послѣ чего выбросилъ и это богдо, взялъ кусокъ синей бумажной матеріи (дабы), лежавшей на фанѣ и приступилъ къ самому трудному отгадыванію вещей, положенныхъ покойнику на лицо. Несмолкаемый вой и ревъ присутствовавшихъ заглушалъ пѣніе шамана.

„Правда ли", послышались вопросы шамана, „что лицо закрыли девятью матеріями и что первую, шелковый платокъ, положилъ младшій братъ покойнаго? Правда ли, что поверхъ шелковой матеріи, были положены рыбьи шкуры и ситцевый русскій платокъ?" — Правда! — Долго отгадывалъ шаманъ; на этотъ разъ, однако, неоднократно ошибался. Такъ: онъ не могъ отгадать положенной между двумя матеріями двадцати копѣечной монеты и только, послѣ долгаго перечисленія всевозможныхъ вещей и, конечно, не безъ помощи своего помощника, онъ, все таки, отгадалъ. Измученный, весь дрожа отъ волненія, шаманъ сѣлъ на свое мѣсто, чтобы передохнуть; ему предстояла самая трудная задача: заставить камни, положенные внутрь фани, 9 разъ передвинуться съ мѣста и, при этомъ, указать, какіе именно камни передвинулись.

Во время отдыха женщины принесли изъ фанзы корзины съ ѣдой и поставили ихъ у изголовья фани, а на послѣднюю положили трубку. Помощникъ шамана, въ это время, взялъ мѣшечекъ съ камешками, вынулъ 9 изъ нихъ, взялъ кусокъ рыбьей шкуры, провелъ по ней углемъ 9 параллельныхъ полосъ, положилъ эту шкуру на фаню подъ халатъ и разложилъ камни, уцѣпленными концами къ чертѣ; затѣмъ, осторожно закрылъ ихъ халатомъ, а сверху одѣяломъ. Укладка камней происходила въ тайнѣ отъ шамана, для чего, позади стоявшихъ на колѣнахъ и укладывавшихъ камешки, стали гольды; впрочемъ, на этотъ разъ, предосторожность была излишняя: шаманъ, отъ старости, былъ слѣпъ.

Когда все было готово, шаманъ разсказывалъ присутствующимъ, какъ приготовлялись кушанья для поминокъ; спросилъ, вѣрно ли, что женщина, дѣлавшая поминальные хлѣбы, сдѣлала лишнюю, противъ положенія, птицу (эта птица дѣйствительно была сдѣлана для меня) и потомъ, вдругъ, почему то спросилъ,

вѣрно ли, что женщина, шившая фаню, утеряла иголку? Пошли, спросили эту женщину и та подтвердила заявленіе шамана.

Долго и монотонно пѣлъ шаманъ: онъ призывалъ духовъ, чтобы исцѣлить больную душу умершаго и, наконецъ, заявилъ, что душа поправляется и положенные на нее камешки начинаютъ двигаться; причемъ приказалъ поднять одѣяло и халатъ и удостовѣриться въ справедливости его словъ. Два камешка оказались дѣйствительно передвинутыми, что произвело большое впечатлѣніе на родныхъ умершаго: передвиженіе камешковъ означало, какъ бы, постепенное оживленіе души. Помощникъ шамана снова расположилъ камешки на бумагѣ, закрылъ халатъ и шаманъ снова началъ исцѣлять душу. Девять разъ повторилъ шаманъ свою пѣсню; каждый разъ камешки, все въ большемъ и большемъ количествѣ, перемѣщались; скучное, продолжавшееся болѣе двухъ часовъ камланіе съ камешками, сдѣлали эту часть обрядности крайне скучною, такъ что часть родственниковъ, которымъ надоѣло слушать шамана, сѣли около костра, закурили трубки и занялись разговорами. Чтобы придать монотонности обряда исцѣленія, хотя бы нѣкоторый интересъ, помощникъ шамана и нѣкоторые гольды, при установкѣ камней, начали ставить ихъ удлиненнымъ концомъ въ обратную сторону, запутывая такимъ образомъ камланіе шамана, который, передъ тѣмъ, какъ заставить камешки передвинуться, долженъ былъ отгадать, какіе изъ нихъ были неправильно положены.

Наконецъ, шаманъ окончилъ свое длинное камланіе; раздались опять вопли и плачъ; шаманъ всталъ и, сопровождаемый гольдами, пошелъ въ фанзу, гдѣ, подойдя къ нарѣ, на которой ему было приготовлено мѣсто, постучалъ нѣсколько разъ посохомъ и сѣлъ. Помощникъ подалъ ему небольшую тальниковую палочку; шаманъ взялъ ее, развязалъ тесемку, которою завязывалась шапка на головѣ, попробовалъ снять ее, но шапка, какъ будто приросла къ головѣ: всѣ усилія снять ее оказались тщетными: шапку держалъ бурханъ сенчики или чинчики *), покровитель селенія того же названія, въ которомъ происходили поминки. Шаманъ пришелъ въ остервененіе, ударялъ палкой по металлическимъ рогамъ хоя, желая сбить шапку, но и сильные

*) Маленькая сѣренькая птичка, водящаяся въ изобиліи въ болотѣ около селенія, прозвана гольдами по писку „чинъ-чинъ“, который издаетъ.

удары, отъ которыхъ кора на палкѣ слѣзла, не помогли ему: „кукоя-ябу! кукоя-ябу!“ ревѣлъ шаманъ, метаясь на своемъ мѣстѣ и нанося себѣ удары по головѣ; шапка все не сваливалась; тогда двое гольдовъ вскочили на нары и ловко сорвали съ его головы хоя, которую сейчасъ же повѣсили подъ крышу. Шаманъ, съ ревомъ отъ боли, схватился за голову, началъ чесать ее обѣими руками, пока тѣ же гольды не накрыли ему голову обыкновенной шапкой. Шаманъ сидѣлъ почти безъ чувствъ; ему принесли воды; помощникъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, успокоивая его.

Послѣ получасового перерыва, въ фанзу принесли фа-ни; шалашъ разобрали. Шаманъ, придя въ себя, снялъ всѣ принадлежности шаманскаго костюма и началъ пѣть мнѣ привѣтствіе, вызывая духа намбоа—адони, покровителя вѣтра, прося его послать мнѣ хорошую погоду и попутный вѣтеръ. Мотивъ пѣсни былъ очень оригиналенъ и изображалъ усиливающійся вѣтеръ. Къ сожалѣнію, намоа-адони не исполнилъ просьбы шамана, ибо, къ утру, при полномъ безвѣтріи, выпалъ снѣгъ и погода цѣлый день простояла безвѣтренная. Пока шаманъ пѣлъ, женщины расположили на улицѣ три фани, поставили передъ каждой изъ нихъ по корзинкѣ съ приготовленными кушаньями и одинъ тазъ съ водою. Передъ фанями онѣ развели большой костеръ, вокругъ котораго сѣли всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и шаманъ; по другую сторону фаней помѣстилась старуха, мать умершаго, которая на каждую фаню положила по пачкѣ листового табаку. Шаманъ подошелъ къ фанямъ, вырылъ передъ каждой изъ нихъ по ямкѣ, взялъ чашку, зачерпнулъ ею воду и влилъ въ каждую изъ ямокъ, приговаривая: „пей“. Послѣ этого подали ханшинъ; мужчины подошли ко мнѣ, стали на колѣна, положили три земныхъ поклона и подали чашечку ханшина; затѣмъ, шаманъ и всѣ мужчины подошли къ сидѣвшему на скамейкѣ сыну умершаго, стали передъ нимъ на колѣна, положили земные поклоны и предложили ему ханшина. Шаманъ опять подошелъ къ фанѣ, налилъ себѣ въ чашечку ханшинъ, поклонился фанѣ и вылилъ ханшинъ въ стоявшую передъ ней чашку. Выливаніе воды въ ямки и ханшина въ чашку дѣлается обязательно черезъ руку и по два раза для каждой фани; когда всѣ присутствующіе совершили, поочереди, этотъ обрядъ поминовенія, женщины подошли къ корзинамъ съ кушаньемъ и начали выбирать изъ нихъ самые лучшіе куски; остальное, вмѣстѣ съ корзиной, отправили къ себѣ въ фанзу; табакъ, частью, роз-

сли, частью оставили на фанѣ. Старшая изъ женщинъ бросила нѣсколько листовъ табаку въ костеръ и горько заплакала; ея примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и воздухъ огласился ужаснымъ ревомъ, продолжавшимся долго послѣ окончанія поминокъ. Женщины, бывшія около фанеи, бросили въ огонь лепешки и кашу и, наконецъ, вылили туда и ханшинъ. Когда все сгорѣло, надъ костромъ протянули длинную травяную веревку, за короткій конецъ которой, стоя около фани, держалъ шаманъ, длинный же конецъ держали всѣ родные умершаго; лишь веревка была натянута, какъ шаманъ разрубилъ ее, бросивъ оставшійся у него конецъ въ огонь; длинный же конецъ былъ разорванъ родными на куски, причемъ каждый изъ кусковъ былъ брошенъ ими по направленію къ западу, съ пожеланіемъ всего наилучшаго покойнику. Этимъ обрядомъ была уничтожена послѣдняя связь между умершимъ и его родными; обрядовая сторона закончилась.

Шаманъ ушелъ, родные остались около костра и ихъ заунывный плачъ раздавался долго. Вернувшись въ фанзу, шаманъ сѣлъ на свое мѣсто; принесли фани, поставили ихъ на нары; затѣмъ, послѣ нѣкотораго промежутка времени, чужія фани были унесены домой и осталась въ фанзѣ та фаня, для которой были устроены поминки. Послѣ нѣкотораго отдыха началась пляска шамана, которая предшествовала пляскѣ всѣхъ присутствовавшихъ, начиная съ ребятишекъ; каждому надѣвали поясъ съ побрякушками, давали бубенъ. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ танца, напоминающаго по своимъ па хожденіе на лыжахъ, танцующіе передавали поясъ и бубенъ слѣдующему по возрасту и т. д.; наконецъ дошла очередь до шамана. Помощникъ шамана сдѣлалъ изъ тальника девять маленькихъ бурхановъ: 5 бучу и 4 аимитерема, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ сели; шаманъ, по просьбѣ, вышелъ изъ фанзы; помощникъ же его, по указанію родственниковъ покойнаго, началъ закапывать этихъ бурхановъ въ землю, внутри фанзы, кладя: одного головой внизу, другаго бокомъ, третьяго головою кверху; двухъ бурхановъ терема я взялъ себѣ въ карманъ. Такимъ образомъ, были зарыты только 7 бурхановъ; шаману предстояло во время пляски не только указать мѣсто, гдѣ бурханы зарыты, но и опредѣлить, гдѣ какой зарытъ и въ какомъ положеніи. Правильное отгадываніе шамана окончательно укрѣпило его авторитетъ въ

глазахъ гольдовъ. Когда все было готово, шаманъ надѣлъ на себя толи, два пояса, взялъ бубенъ, подошелъ къ двери и, обратясь лицомъ къ выходу, запѣлъ вопросы: „Правда ли, что у васъ въ фанзѣ, буря сорвала съ петлей дверь?“ — Правда, отвѣчали ему хозяева. Но лишь успѣлъ шаманъ получить отвѣтъ, какъ издавая неистовые крики, онъ началъ топать правою ногою около дверей, очевидно розыскивая на ощупь, не зарытъ ли здѣсь бурханъ и если зарытъ, то какой и въ какомъ положеніи: бурхана не оказалось, шаманъ бросился въ другое мѣсто; рычалъ неистово, топалъ ногою: наконецъ угадалъ бурхана: оказался именно тотъ и въ томъ положеніи, въ какомъ указалъ его шаманъ.

Долго продолжалась пляска шамана; онъ нашелъ всѣ 7 бурхановъ, но ошибался, впрочемъ, названіемъ или положеніемъ, въ какомъ зарыли ихъ; а про двухъ, нехватающихъ, онъ прямо сказалъ, что они не положены.

— Пляска шамана окончилась изгнаніемъ чорта, бывшаго въ фанзѣ и спрятавшагося, по мнѣнію шамана, за очагъ. Не обращая вниманія на сидѣвшихъ около очага женщинъ, шаманъ забился въ уголъ фанзы за очагъ, откуда и изгналъ чорта: затѣмъ танецъ дѣлался все плавнѣе и плавнѣе и, наконецъ, хрипя, въ изнеможеніи, шаманъ упалъ на землю.

На другое утро, съ разсвѣтомъ, когда я уѣзжалъ изъ селенія, шаманъ пѣлъ въ той же фанзѣ свою утреннюю пѣсню, распуская бурхановъ, принимавшихъ участіе въ поминкахъ и благодарилъ ихъ за помощь.

Солнце всходило, когда я выѣхалъ изъ селенія; освѣщенные его свѣтомъ берега Амура, покрытые, не смотря на май мѣсяцъ, за ночь выпавшимъ снѣгомъ, были необычайно красивы. Я привыкъ, въ своихъ странствованіяхъ, видѣть амурскую тайгу, во всѣхъ ея прелестяхъ; величаво красива она: но не красота окружающей тайги занимала меня: при полномъ безмолвіи этого утра, по зеркальной поверхности Амура, долго слышались заунывные звуки пѣсни шамана. Слушая эти звуки, я думалъ, увидя вдали пароходъ: принесетъ ли онъ, какъ выразитель прогресса и цивилизаціи, счастье дикарю гольду, благодарящему бурхановъ за благополучное доставленіе души покойнаго въ буни, гдѣ не переводится ни рыба, ни звѣрь, гдѣ, гольдъ увѣренъ, онъ найдетъ успокоеніе и отъ холода, и отъ голодовокъ!..

ГЛАВА II.

Похоронные обряды у гиляковъ, орочонъ и гольдовъ средняго теченія Уссури.

У гиляковъ. По описанію Кириллова, если кто нибудь умираетъ въ деревнѣ, то одинъ изъ родственниковъ покойнаго всѣмъ объявляетъ: „несчастіе случилось“. Каждый гилякъ хорошо понимаетъ, что это значитъ и боится ходить въ амбаръ за пищей въ теченіе ночи. Кто не соблюдаетъ этого, того, по вѣрованію гиляковъ, постигаетъ какое либо несчастіе, или тотъ не будетъ имѣть удачи въ звѣриномъ промыслѣ. Умершаго тотчасъ одѣваютъ въ лучшую одежду и кладутъ на нары. Около него кладутъ доску, на которую во время обѣда и ужина наливаютъ ханшинъ, бросаютъ буду, юколу, ягоды и вообще все, что употребляютъ во время стола. Во все время, пока покойникъ остается въ юртѣ, собираются поплакать родные и знакомые. Точно также строго наблюдаютъ во все это время, чтобы постоянно поддерживался огонь: потушить его, даже въ ночное время, „соронди манча“, великій грѣхъ. По прошествіи двухъ ночей складываютъ на нарты все дорогое для покойника, а также кладутъ на нихъ и его самого и отправляются за деревню, къ тому мѣсту, гдѣ должно произойти погребеніе или сожженіе трупа. Здѣсь устраивается, въ послѣднемъ случаѣ, костеръ, при чемъ клѣтка для мужчинъ складывается изъ трехъ полѣнъ, а для женщинъ изъ четырехъ. На костеръ складываются всѣ привезенныя вещи *) и покойникъ. Старшій въ семьѣ, отецъ или мать, поджигаютъ костеръ, который обкладывается деревьями или бревнами со всѣхъ сторонъ, чтобы сильнѣе было горѣніе. Въ это время начинаютъ совершать поминки, которые состоятъ въ томъ, что всѣ присутствующіе при сожженіи трупа ѣдятъ, пьютъ ханшинъ, плачутъ и вспоминаютъ о покойникѣ. Когда трупъ сгоритъ, на пепелищѣ устраивается памятникъ, состоящій изъ маленькой юрты, въ которую кладется истуканчикъ, изображающій фигуру человѣческую. Въ эту юрточку богатые въ теченіе 3-хъ лѣтъ приносятъ по временамъ

*) Бѣдные большею частію увозятъ вещи домой.

все съѣдобное: бѣдные дѣлаютъ то же, по мѣрѣ своихъ достатковъ. Въ этомъ состоятъ поминки умершаго. Собакъ, на которыхъ привозятъ трупъ для сожженія, убиваютъ, а нарты разламываютъ. Обрядъ сжиганія покойниковъ постепенно замѣняется погребеніемъ умершихъ и, въ настоящее время, хотя и практикуется, наряду съ другими обрядами, въ видѣ бросанія, вѣшанія и пр., но, въ общемъ, составляетъ рѣдкость. Хоронятъ покойниковъ по указанію шамановъ. Послѣдніе, ссылаясь на божественное указаніе, приказываютъ хоронить покойниковъ, гдѣ имъ вздумается, напримѣръ: въ лѣсу, около дорогъ и т. п., и говорятъ при этомъ, что такъ Богъ велитъ. Исключеніе составляютъ только младенцы, которые не въ состояніи еще ходить: ихъ не сжигаютъ и не хоронятъ на землѣ, но, обыкновенно, кладутъ въ гробъ, выдолбленный изъ дерева, въ видѣ корыта, закрываютъ сверху доской и подвѣшиваютъ къ деревьямъ въ лѣсу.

У орочей. По словамъ В. П. Маргаритова, изучившаго бытъ орочей Императорской гавани, орочи боятся умершихъ; поэтому погребеніе совершается всегда какъ можно скорѣе и только близкими друзьями; посторонніе смотрятъ издалека и не принимаютъ въ немъ никакого участія. При кончинѣ больного, особенно, если она соединена съ страданіями, всѣ удаляются изъ юрты, если умирающій хозяинъ ея, или, по крайней мѣрѣ, стараются не глядѣть на него; если онъ второстепенный членъ семьи, то его выносятъ вонъ изъ юрты, не смотря ни на какую погоду. Бывали случаи, что отецъ семьи оставлялъ жену и сына, мучившихся въ предсмертной агоніи и уходилъ въ чужую юрту, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока его страдальцы не умирали. Одна орочка, съ дѣтьми, ушла отъ своего больного мужа и возвратилась только тогда, когда онъ умеръ и когда собаки истребили большую часть тѣла покойника.

Какъ только больной умираетъ, ему обвязываютъ голову и лицо платкомъ, большею частію синяго цвѣта, и потомъ уже приступаютъ къ дальнѣйшему снаряженію покойника. На него надѣваютъ все лучшее изъ его одежды, причемъ, если одежда оказалась вполнѣ новою и цѣлою, то ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ надрѣзываютъ: халатъ надрѣзывается у воротника, а штаны и унты на носкахъ. Словомъ, костюмъ такъ или иначе портится, дабы тамъ, т. е., въ будущемъ ему дали совершенно новую. Если покойникъ былъ богатъ, то, сверхъ костюма, его обертываютъ въ шелковую матерію или въ парчу, или въ другое какое-либо покры-

вало, оставленное умершимъ. Сверхъ всего этого, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, обвертываютъ нѣсколько разъ берестой, иногда 3 и 4 раза, чтобы къ тѣлу не проникала влага; на дно гроба постилается также береста; положивъ покойника въ гробъ, прикрываютъ его еще и сверху берестой, а потомъ уже накладываютъ крышку. Въ гробъ къ умершему мужчинѣ кладутъ копья, стрѣлы, ножи и т. п. мелкое оружіе, а также, если у него остались, шкурки соболей, выдръ или лисицъ. Изъ предметовъ домашняго обихода кладутъ топоръ и котелъ, причемъ послѣдній надбиваютъ и кладутъ въ ноги, такъ что ступни приходятся въ котлѣ. Лодка, острога, лыжи и т. п. крупныя вещи кладутся снаружи, около гроба. Въ гробъ шамана кладутъ еще всѣ шаманскія принадлежности, предварительно переломавъ и изорвавъ ихъ. Въ гробъ женщины кладутся женскія орудія и женскія принадлежности. По вѣрованію орочей, тѣнь умершаго въ теченіе 2-хъ недѣль витаетъ среди его родныхъ и знакомыхъ, поэтому въ теченіе этого времени ничего изъ вещей покойнаго не трогается; мало того, во время ѣды и чаепитія, въ его чашку накладывается и наливается все, что только могъ бы онъ съѣсть. Наполненная кушаньемъ чашка умершаго ставится, по преимуществу, на томъ мѣстѣ въ юртѣ, гдѣ, обыкновенно, при жизни сиживалъ умершій, а по окончаніи обѣда кто нибудь изъ членовъ семьи беретъ эту чашку, уноситъ въ тайгу и выливаетъ изъ нея пищу. Нѣкоторые же орочи въ теченіе двухъ недѣль носятъ чашки съ кушаньемъ на гробъ, гдѣ онѣ остаются до слѣдующаго обѣда, когда кушанье перемѣняется и т. д.

По истеченіи 2 недѣль, все годное имущество умершаго берется родными, а негодное сжигается. Чашка, въ которой въ теченіе 2 недѣль, держали для умершаго кушанье, остается близъ гроба. Гробъ дѣлается изъ лиственничныхъ тесаныхъ досокъ, сколачивается въ видѣ длиннаго ящика и скрѣпляется, или деревянными гвоздями, или рамами, изъ 4 выструганныхъ палочекъ. Забитый крышкой, гробъ опускается на аршинъ подъ землю, на деревянныхъ подставкахъ или на толстыхъ шпахъ. Гробики младенцевъ ставятся, иногда, на дерево, между большими вѣтками. Большинство гробовъ такъ и остаются подъ открытымъ небомъ.

У гольдовъ верховьевъ Уссури. Гольды, по Нель-Горскому, объясняютъ смерть наказаніемъ за худыя дѣла или предопредѣленіемъ. Покойника одѣваютъ въ лучшія одѣянія и украшенія; тѣло кладутъ въ гробъ изъ пяти толстыхъ досокъ и туда же

кладутъ всѣ вещи, принадлежавшія покойному: трубку, копье, острогу, ружье, огниво, ножъ, одежду, посуду, а если это женщина—то женскія принадлежности и рабочій ящикъ съ иголками, нитками, ножницами и т. п. Денегъ не кладутъ, но кладутъ серебряныя вещи: серьги, кольца, браслеты. Если семья бѣдная, то изъ вещей кладутся только лишнія или поломанныя, а прочія остаются наслѣдникамъ.

Въ холодную погоду гробъ ставится на особой вышкѣ передъ фанзой или же въ самой фанзѣ и стоитъ 10—30 дней. Если гольдъ умеръ осенью, то гробъ стоитъ до весны, когда начинаетъ припекать солнце. Въ теплое же время, лѣтомъ, хоронятъ черезъ 2—3 дня. Если у покойнаго нѣтъ родственниковъ, или они далеко, то гробъ съ тѣломъ, не смотря на жаркое время года, стоитъ до тѣхъ поръ, пока не явится кто либо изъ родни, чтобы закопать его въ землю. Чтобы разлагающійся трупъ не портилъ воздухъ, гробъ обмазываютъ глиною и ставятъ вдали отъ фанзъ на козлы. Роднымъ покойнаго даютъ знать о смерти родственника. У гроба зажигается небольшой костеръ, обязанность поддерживать который падаетъ на ближайшаго родственника покойнаго. Если покойный курилъ табакъ, то въ огнѣ сжигается табакъ, льютъ туда водку, сжигаютъ въ кострѣ пищу. Замѣнъ покойнаго дѣлается изъ гнилого дерева, набитаго въ оболочку, узкая и длинная подушка, большая или маленькая, смотря по величинѣ и возрасту покойнаго, и кладется на нары, на то мѣсто, гдѣ спалъ покойный. Если подушкою изображается женщина, то пришиваются серьги. Подушку утромъ подымаютъ, а вечеромъ укладываютъ спать. Во время ѣды, передъ ней ставятъ въ чашечкахъ кушанья и кладутъ палочки; когда кушанье простоитъ время, потребное для ѣды, то его убираютъ и кто нибудь изъ родныхъ съѣдаетъ. Если идутъ большія поминки, то кушанья сжигаются на кострѣ противъ фанзы или у могилы, смотря гдѣ происходятъ поминки. Передъ похоронами, мужчины роютъ могилу на родовомъ кладбищѣ или на ровномъ, но возвышенномъ, мѣстѣ, вблизи фанзы, въ 100—300 шагахъ. Гробъ несутъ мужчины; женщины несутъ только за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Вдова или вдовецъ и дѣти идутъ за гробомъ. Придя на могилу, близкіе родственники покойнаго прощаются съ нимъ, сжигаютъ на кострѣ, разложенномъ въ головахъ гроба, пшено, леденцы, буду, табакъ. Всѣ вещи, которыя кладутся въ гробъ, непремѣнно разбиваются или ломаются; на желѣзныхъ

вещахъ топоромъ дѣлается зарубка. Хоронятъ покойника головой назадъ. Гробъ закрываютъ досками, забиваютъ и засыпаютъ землею. Доски кладутся не на гробъ, а на края могилы и вся земля уже сыпется сверхъ досокъ, пока не образуется холмъ. Ежегодно, во время поминокъ, присыпаютъ еще земли. Въ головахъ могилы втыкается небольшое деревцо и подъ нимъ, изъ дерна, дѣлается жертвенникъ.

Подушка покойника хранится три года, причемъ, по вечерамъ, ее укладываютъ спать, покрывая одѣяломъ, а утромъ подымаютъ. По прошествіи трехъ лѣтъ призываютъ шамана, который, послѣ особаго обряда, сжигаетъ подушку на кострѣ, послѣ чего съ покойнымъ кончаются всѣ счеты, и только разъ въ годъ дѣлаются поминки.

Въ теченіе 3-хъ лѣтъ по взрослымъ покойникамъ соблюдается трауръ: ношеніе бѣлыхъ косоплетокъ и бѣлыхъ поясовъ; до истеченія этого срока въ бракъ вступать нельзя. Послѣ смерти дѣда или бабушки у благочестивыхъ гольдовъ даже не рождаются дѣти.

ГЛАВА III.

Бурханы гольдовъ.

Съ понятіемъ о загробной жизни и существованіи различныхъ духовъ, приносящихъ счастье и несчастье человѣку, у гольдовъ явилось множество самыхъ разнообразныхъ божковъ (бурхановъ), олицетворяющихъ того или другого духа: какое бы дѣло ни начиналъ гольдъ, у него всегда является потребность обратиться за помощью къ бурхану, причемъ посредникомъ между нимъ и духомъ является шаманъ, обладающій сверхъестественной силою сноситься съ духами. Шаманъ, разспросивъ гольда, въ чемъ дѣло, приказываетъ дѣлать того или другого бурхана и обращаться съ нимъ согласно преподанныхъ указаній, а въ случаѣ, если сдѣланный бурханъ не принесетъ должной пользы, то онъ уничтожается и замѣняется, шаманомъ, другимъ бурханомъ.

Для каждаго рода болѣзни, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ житейскаго обихода, бурханы, по указанію шамана, дѣлаются непремѣнно въ строго опредѣленномъ порядкѣ.

Бурханы у гольдовъ состоятъ изъ изображеній людей, звѣрей, птицъ, рыбъ и гадовъ; иногда, кромѣ того, дѣлаются амулеты въ видѣ сустава, кисти руки, ступни ноги, сердца и пр.

Матеріалы, изъ коихъ изготовляютъ бурхановъ, слѣдующіе: дерево, металлы, рыбьи шкуры, бумага, матеріи, трава и болотныя кочки. Бурханы или рисуются на деревяшкахъ, матеріяхъ и бумагѣ, или вырѣзываются изъ дерева, отливаются изъ олова и серебра и, наконецъ, очень искусно куются изъ желѣза.

Бурханы дѣлятся на семь основныхъ группъ, причемъ главный бурханъ аями участвуетъ въ каждой изъ нихъ.

Группы бурхановъ соотвѣтствуютъ звѣрямъ покровителямъ: пантеры ярга; тигра амбанъ-со (или сео) и медвѣдя доонта. Это три первыя группы; затѣмъ идутъ двѣ группы, носящія названія дуслу и гирки; шестая группа состоитъ изъ прибавленія къ изображенію какого-либо изъ бурхановъ девяти божковъ: четырехъ аджеха и 5 бучу, эта группа носитъ названіе сэоми; седьмая группа бурхановъ, носящая названіе монга-ни, представляетъ изъ себя 9 или 3 × 9 переплетенныхъ между собою змѣй, къ которымъ прибавленъ одинъ или нѣсколько бурхановъ изъ предыдущихъ шести группъ, причемъ къ названію монгани прибавляется соотвѣтствующее названіе: доонта, ярга и пр.

Кромѣ этихъ семи основныхъ группъ бурхановъ, отдѣльныя части которыхъ дѣлаются весьма разнообразно, у гольдовъ имѣется еще множество другихъ божковъ, то входящихъ, то не входящихъ въ сказанныя группы.

Постараюсь познакомить читателей съ значеніемъ, какъ каждой группы, такъ и отдѣльныхъ бурхановъ.

1) Бурханъ аями (прил. 1 и 2). Аями главный бурханъ у гольдовъ. Какую бы группу бурхановъ шаманъ ни дѣлалъ, первымъ сооружается бурханъ аями и затѣмъ уже остальныя части группы. Шаманъ считаетъ аями проводникомъ по своему шаманскому пути во вселенной, „сэла-нукгони“, ведущему въ жилища тѣхъ или другихъ бурхановъ. По міросозерцанію гольдовъ, если человѣкъ захворалъ, то, значитъ, аями взялъ его душу, „эрга“, и унесъ ее въ жилье къ какому нибудь изъ бурхановъ, напримѣръ, хотя

ый къ медвѣдю доонта; здѣсь душа подвергается пыткамъ: то ее привязываютъ къ дереву, сдавливая руки и ноги, то бросаютъ въ холодную или горячую воду. Всѣ мученія, которыя испытываетъ душа, отражаются на тѣлѣ человѣка, во время его болѣзни. Шаманъ, по примѣтамъ болѣзни, опредѣляетъ, къ какому бурхану аями унесъ душу; дѣлаетъ себѣ изображеніе аями, своего проводника и покровителя, и, во время камланія, отправляется за нимъ, по пути сэда-вуктони, искать жилище того бурхана, гдѣ спрятана душа. Если найдетъ ее, то, сперва угощая бурхана капеи, хашинкой, курительными травами, упраши-ваетъ его добровольно отдать ему душу; если же, не смотря на всѣ свои просьбы, не получаетъ ее добровольно, то вступаетъ съ бурханомъ въ борьбу, выходя изъ которой побѣдителемъ, отбираетъ душу обратно.

Бурхана аями гольды боятся, такъ какъ онъ похищаетъ душу съ корыстною цѣлью, чтобы, при помощи шамана, вселить свою душу въ сдѣланное изображеніе и, продолжая мучить больного, заставить гольдовъ почитать себя и получать отъ нихъ жертвы.

Гольды полагаютъ, что малѣйшее невниманіе къ бурхану аями влечетъ его раздраженіе и разныя непріятности для его невнимательныхъ почитателей.

Аями дѣлаютъ, преимущественно, изъ дерева, придавая ему форму человѣка безъ рукъ; голова аями эллипсоидальная, колѣна подогнуты. Дѣлается аями и безъ ногъ, но тогда онъ носитъ названіе чалин-аями. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію этихъ формъ аями, нахожу необходимымъ сдѣлать описаніе представителей всѣхъ семи группъ бурхановъ.

2) Бурханъ арга, пантера (прил. 5), дѣлается изъ дерева, въ видѣ звѣря, на короткихъ ногахъ, съ длиннымъ хвостомъ, покрытымъ красными или черными кругами. Шаманъ приказываетъ дѣлать этого бурхана въ случаѣ сильнаго жара при простудѣ, или боли въ поясницѣ и суставахъ, а также при брюшномъ тифѣ.

3) Бурханъ амбанъ-со (сео), тигръ (прил. 8), дѣлается изъ дерева, металла и сушеной травы; этотъ бурханъ, похожій на арга, съ продольными темными полосами, напоминающими шкуру тигра, дѣлается при болѣзняхъ живота и для хорошаго промысла.

4) Бурханъ доонта, медвѣдь (прил. 6), дѣлающійся также изъ дерева, сушеной травы и изъ металла, своей формой на-

помппаетъ медвѣдя. Онъ имѣетъ назначеніемъ излѣченіе общаго недуга, проявляющагося, главнымъ образомъ, въ болѣзняхъ рукъ, въ послѣродовыхъ болѣзняхъ, а также для удачнаго улова калуги.

5) Божница духу (прил. 20) употребляется при такихъ осложненіяхъ болѣзни, когда одинъ бурханъ не въ состояніи помочь больному; она совмѣщаетъ въ себѣ множество различныхъ бурхановъ, которые, всѣ сообща, освобождаютъ душу человѣка отъ недуга.

6) Божница гирки (прил. 2), обыкновенно, изображаетъ дощечку, съ вырѣзанными на ней девятью головами бурхана пан (работники), подъ которыми, на веревочкѣ, вѣшаются продолговатыя, книзу заостренныя дощечки, съ головой формы аями, раскрашенныя въ бѣлый и черный цвѣта и называемыя гирки-аями. Этотъ бурханъ дѣлается исключительно для удачнаго промысла.

7) Група бурхановъ сэгэми (прил. 2) считается самою страшною: она изображаетъ безуміе человѣка, падучую болѣзнь и, вообще все, что сопровождается психическимъ разстройствомъ и судорогами. Всякій бурханъ, на головѣ котораго изображены 3—4 бурхановъ, аджеха и буччу, носитъ названіе сэгэми.

8) Група бурхановъ мойга-ни (прил. 13 и 15) предназначается, исключительно, для излѣченія легочной и горловой чахотки. Мойга-ни рисуется на матеріяхъ, рыбьихъ шкурахъ, дѣлается изъ проволоки и куется изъ желѣза. Изображеніе мойга-ни состоитъ изъ девяти змѣй, расположенныхъ или параллельно одна другой, въ горизонтальной плоскости, или изъ трехъ горизонтальныхъ и девяти къ нимъ вертикальныхъ; вся група змѣй, подъ общимъ названіемъ колян, олицетворяетъ невыносимую боль въ отдѣльныхъ органахъ тѣла. Мойга-ни употребляется или отдѣльно, или же составляетъ принадлежность божницъ.

Только что перечисленныя групы выдѣлены изъ остальныхъ групъ и отдѣльныхъ бурхановъ, потому что въ нихъ участвуетъ бурханъ аями, къ описанію отдѣльныхъ видовъ котораго мы и переходимъ.

I. Аями (прил. 1 и 2) составляетъ 6 разновидностей, а именно:

а) Ярга-аями представляетъ изображеніе человѣка, одѣтаго въ шкуру пантеры; ярга-аями покрытъ кругами, черными или красными, напоминающими шкуру этого звѣря; шапка похожа на шапку бурхана гирки-аями.

б) Амбанъ-со-(ссо)-аями дѣлается изъ дерева и форма его такая же какъ доонта-аями, съ тою разницею, что доонта-аями не имѣетъ изображенія рта и другихъ частей тѣла, тогда какъ амбанъ-со имѣетъ очертанія плечъ, груди и рта и, кромѣ того, въ одномъ изъ амбанъ-со-аями все лицо покрыто изображеніями змѣи (колия), напоминающими полосы на шкурѣ тигра. Изображенный въ приложеніи 2-мъ безногій бурханъ амбанъ-со-аями-чалии весь разрисованъ змѣями - колия. Обыкновенно, амбанъ-со-аями дѣлаются парами, причемъ змѣями разрисовывается бурханъ, изображающій женщину. У этого бурхана шея и плечи окрашиваются красной краской.

в) Доонта-аями имѣетъ зачерненое, въ шахматномъ порядкѣ, лицо; ноги обвернуты въ матерію, а на тѣлѣ изображены змѣи.

г) Дусху-аями. Бурханъ аями, принадлежащій къ божкинѣ духу, подобно предшествующимъ, всегда одѣвается въ нарочно изготовленную одежду, рубашку и чепецъ; красный кругъ на груди изображаетъ сердце; этотъ бурханъ обвертываютъ, кромѣ того, въ бумагу, или рыбью шкуру; иногда зарисовываютъ ему грудь красной краской (прил. 1 и 2). Если дусху-аями изготовляетъ шаманъ мужчина, то онъ долженъ изображать бурхана женскаго пола и наоборотъ.

д) Гирки-аями (прил. 2). Этотъ бурханъ отличается отъ остальныхъ конусообразной шапкой соотвѣтствующей формѣ головы бурхановъ гирки. Гирки-аями дѣлается изъ дерева, но не разрисовывается и отличается отъ бурхана доонта той же группы, контурами шапки; его лицо зарисовывается въ черный, красный или синій цвѣта, въ шахматномъ порядкѣ, а иногда, кромѣ того, на груди изображаются змѣи, означающія страданія.

е) Сэлми-аями и сэлми-чалии-аями изображается въ видѣ аями, по общимъ его контурамъ, съ тою разницею, что шапка у него плоская и на ней изображены 4 бучту и 5 аджеха, или наоборотъ, но при условіи, чтобы общая сумма этихъ бурхановъ была равна 9.

ж) Улка-аями (прил. 16) представляетъ изображеніе аями, съ грудью проткнутой палкой, что служитъ символомъ боли въ груди и спинѣ.

II. Бурханъ ярга, изображающій пантеру, по силѣ, считается первымъ бурханомъ шаманскаго культа; онъ имѣетъ слѣдующія разновидности:

а) Тоому-ярга, обрубокъ дерева, изображающій сидячую на заднихъ лапахъ пантеру, съ выдвинутыми впередъ лапами и кругами на тѣлѣ (см. тоому-доота, прил. 6): онъ дѣлается при всякаго рода болѣзняхъ.

б) Коликеру-ярга одинаковъ, по внѣшности, съ предыдущимъ, но поперечные суставы у лапъ дѣлаются подвижными и, кромѣ того, его тѣло покрывается пучками стружекъ. Коликеру дѣлается при болѣзняхъ суставовъ рукъ и ногъ, происходящихъ отъ сильной простуды.

в) Буюнъ-дама-ярга представляетъ изображеніе пантеры на короткихъ ногахъ, съ длиннымъ хвостомъ и ушами; шкура пантеры изображена кругами. Дѣлается при всевозможныхъ болѣзняхъ (ср. огджими-ярга, прил. 5).

г) Хафу-ярга изображаетъ пантеру, съ утолщеніемъ на кончикѣ хвоста. Этотъ бурханъ имѣетъ крылья и на немъ сидитъ аджеха.

За неимѣніемъ слова „хафу" въ разговорномъ языкѣ, гольды не могли мнѣ объяснить его значенія. Это слово прибавляется къ названію трехъ бурхановъ, которые, имѣя крылья, могутъ летать и переносить на себѣ бурхана аджеха. Хафу-ярга дѣлается при какой то неизлѣчимой болѣзни живота, по всей вѣроятности, ракѣ, и гольды говорятъ, что бурханъ этотъ, поселясь въ животѣ человѣка и постоянно въ немъ шевелясь, своимъ утолщеніемъ на хвостѣ, причиняетъ невыносимую боль, доводящую до смертельнаго исхода.

д) Огджими-ярга, изображеніе котораго сходно съ изображеніемъ тоому-ярга, дѣлается при всякихъ болѣзняхъ, если одинъ изъ предыдущихъ бурхановъ ярга оказался безсильнымъ. У огджеми-ярга, въ животѣ, сдѣлано небольшое помѣщеніе, закрываемое дверцами, куда кладутъ 9 бурхановъ, извѣстныхъ, подъ общимъ названіемъ, аджелтани. 1) Пара бурхановъ макси изображаетъ звѣри, напоминающаго ящерицу; названіе максй, составляя терминъ шаманскаго культа, на разговорный языкъ не переводимо. Это одинъ изъ многихъ бурхановъ, попадающихся только въ легендахъ, значенія которыхъ не знаютъ сами шаманы. 2) Пара маленькихъ ящеръ, ярга-хураланы. 3) Пара хэрэ (жабъ) и 4) 3 змѣи, колли. Каждый изъ этихъ девяти бурхановъ олицетворяетъ какую нибудь болѣзнь, какъ напр., жаба, символизируетъ боль отъ вспучения, змѣи — опухоли и отравленіе крови

и т. д. Когда происходитъ камланіе, то адкелтани вынимаютъ и разставляютъ передъ ярга (ср. буюнь-дама-хоана, прил. 12).

е) Нирьяма-ярга, по изображенію, схожъ съ коллкеру-ярга; передніе суставы его лапъ вогнуты и, кромѣ того, сдѣланъ надрѣзъ на поясницѣ, изображающій ея надломъ; этотъ бурханъ дѣлается, если больной чувствуетъ сильный жаръ и боль въ поясницѣ; если же жаръ уменьшился и боли въ поясницѣ начинаютъ утихать, то, взамѣнъ нирьяма-ярга, дѣлается бурханъ коллкеру-ярга.

Бурханъ хафу-ярга дѣлается самостоятельно, отъ брюшного тифа, а коллкеру-ярга отъ ревматизма.

Бурханы ярга ставятся въ фанзу только во время камланія и затѣмъ выносятся на дворъ и ставятся или въ кусты, или въ амбаръ.

ж) Ярга-хэрмиктани дѣлается изъ сухой болотной травы: онъ изображаетъ длиннаго звѣря, съ длиннымъ хвостомъ, на короткихъ ногахъ: верхомъ на него сажаютъ сдѣланнаго изъ травы человѣка (сэкка—работникъ) и, затѣмъ, къ послѣднему прицѣпливаютъ цѣлый рядъ, изъ 4-хъ изображеній птицъ-гаага и 4-хъ людей (сэкка), такъ что, съ сидящимъ на ярга сэкка, получается 5 сэкка и 4 гаага, всего 9 изображеній. Бурханы хэрмиктани дѣлаются изъ травы только для группъ ярга, амбанъ-со и доонта (прил. 8 и 9), и при томъ ранѣе всѣхъ другихъ бурхановъ этихъ группъ. Разновидности хэрмиктани считаются первыми бурханами, которые способствуютъ излѣченію отъ недуга, связаннаго съ простудными осложненіями.

Когда группа хэрмиктани готова, то шаманъ производитъ камланіе, для чего бурханъ выносится на дворъ и ставится мордою на землю, непремѣнно по теченію рѣки, а рядомъ съ нимъ вбиваютъ вѣтку дерева, на которую вѣшаютъ уборъ изъ стружекъ, бывшій у шамана въ употребленіи во время камланія. Послѣ того хэрмиктани болѣе не трогаютъ, какъ уже непригодный бурханъ и, въ случаѣ надобности, дѣлаютъ другихъ бурхановъ группы ярга, пока какой либо изъ нихъ не поможетъ больному.

Группы хэрмиктани, съ девятью фигурами, изображаютъ, что сэвены, при посредствѣ стружекъ, ведутъ больного, уносимаго людьми (сэкка) на тигрѣ и птицахъ къ морю. Травяной ярга, по формѣ своей, совершенно похожъ на травяного амбанъ-со.

III. Группа бурхана амбанъ-со (сео), тигра.

а) Амбанъ-со-хэрмиктани (прил. 8) дѣлается изъ сушеной болотной травы и изображаетъ чучелу тигра, съ пятью людьми

(самка) и четырьмя птицами- гаяа. Способъ примѣненія этого бурхана и значеніе его одинаковы съ травяными ярга и доонта, почему мы обходимъ его описаніе.

б) Буэнъ-дама-амбанъ-со дѣлается послѣ травяного бурханы, изъ дерева (прил. 8): если это парный бурханъ (самецъ и самка), то назначеніе его излѣчивать отъ общаго недуга, если же одиночный, то способствовать успѣшному промыслу.

в) Амбанъ-со-мухапп, по формѣ, похожъ на предыдущій, съ утолщеніемъ на хвостѣ. Этотъ бурханъ снабженъ крыльями и носитъ на себѣ бурхана аджеха (прил. 8, ср. хафу-ярги, прил. 5): въ такой формѣ онъ дѣлается при общемъ недугѣ и брюшномъ тифѣ, а безъ бурхана аджеха примѣняется для удачи въ промыслѣ.

Если перечисленные три бурхана амбанъ-со не помогаютъ больному, то шаманъ переходитъ къ группѣ доонта, медвѣдя.

г) Амбанъ-со-наала (прил. 10) представляетъ собою тигровую лапу, съ бурханомъ наала-сео, на которомъ, иногда, рисуются изображенія змѣи. Этотъ бурханъ дѣлается шаманомъ при ревматизмѣ въ рукѣ: во время камланія онъ кладется на нары, рядомъ съ больнымъ, и затѣмъ уносится въ амбаръ.

д) Амбанъ-со-сеони дѣлается орочонами съ р. Хора и соотвѣтствуетъ гольдскому бурхану хэрмиктани. На тигрѣ сидитъ ями-окчалама (прил. 11), съ согнутыми кверху руками и съ птицей коори на головѣ (прил 7); надъ ями виднѣется та же птица коори, съ бурханомъ наи-окчалама.

IV. Группа бурхана доонта, мѣдвѣдя.

а) Доонта-хермиктани (прил. 9) дѣлается изъ травы и состоитъ изъ 5 человѣческихъ фигуръ и 4-хъ изображеній птицъ; значеніе и примѣненіе этого бурхана одинаково съ примѣненіемъ травяного бурхана группъ ярга и амбанъ-со.

б) Толму-доонта (прил. 6) изображаетъ деревяннаго мѣдвѣдя, въ сидячемъ положеніи, съ вытянутыми впередъ лапами; если этотъ бурханъ дѣлается для исцѣленія недуга, то къ нему на шею помѣщается пара бурхановъ аджеха, если же преслѣдуется достиженіе удачнаго рыбнаго промысла, то аджеха не участвуетъ.

в) Кольперу-доонта (прил. 6) изображаетъ сидячаго на заднихъ лапахъ мѣдвѣдя, съ большими глазами: кисти его переднихъ лапъ висятъ, все тѣло покрыто стружками. Онъ дѣлается при общемъ недугѣ и при ревматизмѣ въ рукахъ.

г) Буюнъ-дама-доонта изображаетъ мѣдвѣдя, стоящаго на всѣхъ лапахъ; въ животѣ его сдѣлано небольшое помѣщеніе, въ которомъ находятся 9 маленькихъ бурхановъ, приносящихъ больному страданія, а именно: 2 харэ (лягушки), 2 доонта-пуурпани (медвѣжата), 1 макси, 2 колля-черепахи и 2 колля-змѣи.

Этотъ бурханъ дѣлается при тяжкихъ послѣродовыхъ страданіяхъ женщины, какъ послѣднее средство, если, при помощи всѣхъ предыдущихъ доонта, не удается умилостивить вредныхъ бурхановъ. Камланіе производится ночью, а на разсвѣтѣ бурхана выносятъ на улицу и угощаютъ будой.

д) Огнанга-ни-доонта представляетъ деревянное изображеніе исхудалаго мѣдвѣдя, тѣло котораго покрыто надрѣзами: этотъ бурханъ примѣняется при всеобщихъ коликахъ (прил. 11).

е) Тоому-доонта, какъ обитатель, по вѣрованіямъ гольдовъ, кочковатыхъ болотъ, дѣлается изъ болотной кочки. Онъ имѣетъ форму сидячей человѣкообразной фигуры (прил. 6), смотря по роду болѣзни, покрываемой разнообразными пучками мелкихъ стружекъ, придающихъ этому бурхану оригинальный видъ. Онъ дѣлается при общемъ недугѣ, а также для содѣйствія успѣшному улову калуги.

ж) Сіуланъ-доонта также изображаетъ деревяннаго медвѣдя, подобно предыдущему, покрытаго стружками. Этотъ бурханъ считается главнымъ покровителемъ промысловъ.

з) Доонта-фунчелка (прил. 11), изображающій ежа, примѣняется при всѣхъ болѣзняхъ, сопровождающихся коликами; непремѣнными его аттрибутами служатъ изображенія жабъ (харэ) и черепахи (колля).

Къ этой же группѣ бурхановъ доовта принадлежитъ и бурханъ мукка-хафоани (прил. 7), изображающій рыбу сома; для успѣшнаго улова этой рыбы онъ комбинируется съ бурханомъ тоому-доонта, являющимся непремѣннымъ его союзникомъ. Профильное изображеніе этого бурхана представляетъ сома, стоящаго какъ бы на ногахъ, что зависитъ отъ аляповатости исполненія, искажающаго самую форму бурхана; эти конечности изображаютъ плавники.

V. Божница дусху, происхожденія манчжурскаго и составляетъ сочетаніе предметовъ шаманскаго культа у манджуръ и гольдовъ. Божница дусху состоитъ изъ рисованнаго изображенія шорха, съ повѣшеннымъ на него металлическимъ моиганн. Передъ

этой группой ставится дусху, съ тремя деревянными бурханами: аредка, аями-чаани и дусху-аями.

Въ подробностяхъ каждая изъ трехъ частей божницы дусху означаетъ слѣдующее:

1) Рисунокъ шорха даетъ изображеніе сидящаго въ креслахъ, на возвышеніи, великаго бурхана даанто (душа большого манчжурскаго чиновника, явившагося на помощь больному): тутъ же сидятъ два его раба, паи и гочекали (души его помощниковъ), и поставлены два флага (тууни), а по бокамъ возвышенія стоятъ по два паи, за которыми расположенъ рядъ маленькихъ флажковъ. Передъ даанто помѣщенъ столъ (дырины), передъ которымъ стоитъ бурханъ аями; по бокамъ стола стоятъ два тигра и 6 рабовъ, паи, изъ которыхъ двое держатъ флаги и одинъ бичъ (сосхани), въ видѣ живой змѣи (забдза). По бокамъ аями два жертвенника (корони) и два волка (сингуръ), а надъ всей группой помѣщены два дракона (мудуръ) и еще выше, подъ облаками, двѣ змѣи.

2) Металлическое дусху-мойга-ни (см. описаніе въ отд. мойга-ни).

3) Впереди шорха, на столикѣ, ставятъ дусху, который состоитъ изъ трехъ шестовъ: на среднемъ шестѣ изображена фигура дусху-даанто, впереди котораго расположенъ бурханъ чаани; на боковыхъ шестахъ изображены паи, передъ которыми расположены: бурханъ аредка, съ приподнятой лѣвой рукой —передъ лѣвымъ шестомъ, и, одѣтый въ трынки, бурханъ дусху-аями, съ синими стеклянными глазами—передъ правымъ; на вращающихся четырехугольныхъ дощечкахъ, прикрѣпленныхъ къ шестамъ, придѣланы флаги изъ китайской бумаги (дусху-хаузани).

Передъ дусху ставятъ на столъ: а) 10 чашечекъ, изъ коихъ 9 наполнены кашей и одна съ девятью китайскими курительными свѣчами; б) сидури-аафуни (или шорха-уичипту, см. прил. 15 и 16), сшитую изъ холста шапку, съ крестообразнымъ верхомъ и длинными концами на затылкѣ; на лицевой сторонѣ шапки изображено солнце (сіу), ласточки (чифяку), пауты, въ видѣ крестовъ, тигры и змѣи, располагающіеся по бокамъ шапки; сзади нарисованы кресты (пауты); висящіе лоскутья покрыты изображеніями змѣй; в) сидури-гапіуни или паарма, безрукавая длинная кофта, вся покрытая изображеніями тигровъ, гадовъ и змѣй

(прил. 19); г) чуни (доко, прил. 17), покрытые изображеніями змѣй и д) кушакъ изъ двухъ змѣй (муйки).

Камланіе духу-сидури одно изъ самыхъ эффектныхъ, почему и остановлюсь на немъ.

Когда больной, чувствуя общее недомоганіе, обращается къ шаману, то послѣдній является въ фанзу больного, вечеромъ, приказываетъ потушить всѣ огни и начинаетъ отыскивать того аями, который унесъ [illegible] душу паціента. Когда искомый аями найденъ и сдѣланъ, то шаманъ, подъ его руководствомъ, отправляется разыскивать тѣхъ бурхановъ, у коихъ находится душа больного; при этомъ, не облачаясь въ шаманскія одежды, поетъ, подъ аккомпаниментъ бубна, громко выкрикивая, отъ времени до времени, названія того или другого бурхана. Въ это время кто либо изъ мужчинъ, но только не изъ родственниковъ больного, держитъ свою руку на плечѣ послѣдняго; если, при произнесеніи шаманомъ названія какого либо бурхана, больной начинаетъ судорожно трясти плечомъ, то, значитъ, шаманъ отыскалъ бурхана, у котораго находится душа больного.

На этомъ кончается первая половина камланія и шаманъ приказываетъ дѣлать, согласно его указаній, изображеніе найденнаго бурхана.

Если было приказаніе сдѣлать бурханъ духу, то, сначала дѣлается изъ китайской бумаги флажекъ духу-хаузани, который ставится въ фанзѣ, вмѣстѣ съ аями; затѣмъ шаманъ надѣваетъ себѣ на грудь пару металлическихъ аджеха, привязываетъ къ поясницѣ поясъ съ конгокто и начинаетъ камланіе. Если во время камланія больной начинаетъ чувствовать облегченіе, то шаманъ приказываетъ сдѣлать полную божницу духу, установивъ которую, предлагаетъ надѣть на больного костюмъ сидури-татуни, т. е., шапку, шорха-унгиту (прил. 15 и 16), безрукавку, юрма (прил. 19) и олочи-доко (прил. 17) и начать пляску. Если больной чувствуетъ себя твердо на ногахъ, то, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ знакомыхъ, обходитъ фанзы селенія. Въ каждой фанзѣ производится по 9 плясокъ; причемъ, если въ фанзѣ находится менѣе 9 человѣкъ, то одни и тѣ же лица выступаютъ по нѣсколько разъ, до 9. Если больной живетъ вдали отъ фанзъ или не чувствуетъ достаточно бодрости, чтобы отправиться къ своимъ сородичамъ, то передъ его домомъ ставится 9 палокъ и ночью, при свѣтѣ

костра, вокругъ каждой изъ нихъ пляшутъ 9 человѣкъ по 9 разъ. Пляски производятся, обыкновенно, всю ночь и къ утру божница духу убирается въ амбаръ.

VI. Группа и божница бурхана гирки.

Бурханъ гирки дѣлается или въ видѣ алми и представляетъ изъ себя самаго суроваго бурхана изъ этой группы, или входитъ въ составъ группы 9 гирки и тогда рисуется въ видѣ быркагирки: оба эти гирки служатъ исключительно для хорошаго промысла.

Божница гирки (прил. 2), состоитъ изъ дощечки съ 9 человѣческими головами бурхана шаи, къ которымъ, на веревочкахъ, подвѣшены 9 гирки, въ видѣ продолговатыхъ, книзу заостренныхъ дощечекъ, съ четырехугольными головами, раскрашенными въ два цвѣта, въ шахматномъ порядкѣ.

Въ такомъ видѣ гирки дѣлаются для хорошаго улова звѣря вообще и соболя въ особенности; если звѣрь убѣгаетъ передъ охотникомъ или оставляетъ свой обычный набѣганный слѣдъ и обходитъ выставленныя на него ловушки, то гольдъ, отправляясь на промыселъ, захватываетъ съ собою, въ особомъ ящикѣ сдѣланнаго шаманомъ гирки, вывѣшивая этого бурхана на привалѣ. Если бурханъ помогъ охотнику и промыселъ улучшился, то охотникъ, вернувшись съ промысла, рисуетъ бырка-гирки, сохраняя это изображеніе въ своей фанзѣ.

Бырка-гирки дѣлается двояко: 1) рисуется изображеніе бурхана даанто, надъ которымъ расположены солнце (сіу) и звѣзды (ошекта); по бокамъ солнца изображены два дракона (мудуръ), а по бокамъ даанто по 9 гочекани и мори-оллани-ялума (прил. 23): подъ каждой половиной группы нарисованы 9 змѣй (колля); 2) рисуется изображеніе гирки, по бокамъ котораго располагаются 9 колля, четыре по одну и 5 по другую сторону; надъ гирки изображается солнце, 9 птицъ (чифяку), 9 лошадей (мори) и 9 человѣческихъ фигуръ (шаи).

Бурханамъ гирки приносятъ въ жертву кровь, сердце и голову убитаго звѣря; ему покланяются, стоя передъ нимъ на колѣнахъ, обѣщая, въ случаѣ хорошаго промысла, принести въ жертву еще болѣе, чѣмъ во время просьбы.

VII. Группа бурхановъ мойга-ни.

Мойга-ни, какъ выше упомянуто, дѣлаются исключительно при камланіи у чахогошаго и, соотвѣтственно группамъ бурхановъ.

раздѣляются на мойга-ни-доонта, амбанъ-со, ярга, гирки, дусху и міолдоко, смотря по симптомамъ, сопровождающимъ болѣзнь; такъ напр., если больной чувствуетъ ознобъ, то дѣлаютъ доонта-мойга-ни (прил. 13), изображающіе 9 змѣй, подъ которыми находятся два макеи и три доонта, или же два доонта и бурханъ аджеха. Если група мойга-ни дѣлается изъ проволоки или куется изъ желѣза, то 9 змѣй располагаютъ параллельно одна другой, подвѣшивая бурханы снизу, средняго къ землѣ, а боковыхъ къ проволочной скрѣпѣ; если бурхана вырѣзаютъ, ажурно, изъ жести, то змѣи располагаютъ, по 4 и по 5, надъ макеи (прил. 13); наконецъ, если мойга-ни рисуютъ на холстѣ или рыбьей шкурѣ, то, придавая бурхану форму, напоминающую дѣтскій нагрудникъ (прил. 17), змѣи обыкновенно располагаютъ на двѣ стороны, по 9, при чемъ тогда макеи и аджеха не рисуютъ.

Амбанъ-со-мойга-ни дѣлается при появленіи жара въ тѣлѣ; по формѣ этотъ бурханъ отличается отъ доонта-мойга-ни только тѣмъ, что къ нему, вмѣсто доонта, подвѣшиваются вырѣзанные изъ жести или вылитыя изъ металла фигуры амбанъ-со; при рисованномъ же изображеніи, амбанъ-со-мойга-ни изображаетъ или морду тигра или его глаза, между которыми расположены два изображенія бурхановъ аджеха со змѣями и паутами.

Гирки-мойга-ни состоитъ изъ девяти, расположенныхъ параллельно одна другой, змѣй съ двумя доонта и однимъ гиркианки (прил. 13).

Дусху-мойга-ни, составляющіе принадлежность группы божницы дусху, состоятъ изъ трехъ, расположенныхъ параллельно одна другой, змѣи, которыя обвиты, въ вертикальномъ направленіи, девятью малыми [illegible]тѣлями; если къ нижней, горизонтально [illegible], подвѣшено по парѣ металлическихъ амбанъ-со, доонта, дусху-аями, или только пара бурхановъ аджеха (прил. 13), то бурханъ называется дусху-мойга-ни-аджеха-ни, если же подвѣшивается пара аджеха и пара макеи (прил. 15), тогда бурханъ носитъ названіе дусху-макеи-мойга-ни.

Дусху-[illegible]-мойга-ни отличается отъ предыдущихъ только подвѣшенными бурханами, а именно: по срединѣ виситъ [illegible] міолдоко (прил. 10), напоминающій, по общему контуру, сердце, и по парѣ макеи и аджеха.

Бурханъ міолдоко примѣняется какъ средство противъ сердечныхъ болѣзней.

Кромѣ перечисленныхъ группъ бурхановъ, удалось собрать нижеслѣдующіе бурханы шаманскаго культа, употребляемые самостоятельно, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни гольда.

1) Гордо (прил. 3) дѣлается парнымъ, изъ двухъ фигуръ, мужской и женской. По вѣрованію гольдовъ, онъ живетъ въ горахъ и считается самымъ страшнымъ изъ всѣхъ бурхановъ шаманскаго культа, производя корчи и судороги въ тѣлѣ человѣка. Гордо мужскаго пола имѣетъ на головѣ два выступа (прил. 3), а женскій бурханъ 4 бучу и 5 аджеха, почему и называется сэгэми-гордо (ср. сэгэми-аями, прил. 2). При поклоненіяхъ гордо, ему приносятъ въ жертву глаза и хребетъ кэты.

2) Ага (въ переводѣ, старшій братъ), обрубокъ безъ рукъ и ногъ, съ звѣриной мордой; этотъ бурханъ, подобно гордо, дѣлается изъ двухъ фигуръ, мужской и женской; онъ служитъ для излѣченія отъ судорогъ. Если ага не облегчаетъ болѣзни, то дѣлаютъ сэгэми-ага; если же не помогаетъ и этотъ послѣдній, то изготовляется гордо-сэгэми-ага, представляющій, по формѣ, тотъ же гордо, но значительно короче.

3) Группы чалли-ага и калгама содѣйствуютъ успѣшному улову рыбы.

а) Чалли-ага (прил. 3) изображаетъ безрукаго человѣка, съ круглой шапкой на головѣ и съ слегка согнутыми колѣнами. Этотъ бурханъ дѣлается, по опредѣленію шамана, когда рыба у разныхъ рыболовныхъ снастей ловится неравномѣрно. Одновременно съ чалли-ага дѣлается изображеніе осетра (дадзяфу), которое вѣшается къ потолку фанзы, за хвостъ. Въ случаѣ неуспѣха въ уловѣ, шаманъ производитъ камланіе, причемъ изображеніе дадзяфу кладется въ сосудъ съ водой, приводимый въ движеніе; если уловъ не улучшится, то, взамѣнъ чалли-ага, дѣлаютъ бурхана доонта и, въ случаѣ улучшенія улова, приносятъ въ фанзу первую пойманную рыбу, кладутъ въ ея пасть бурхана дадзяфу и, подержавъ его тамъ нѣсколько мгновеній, вынимаютъ и обмазываютъ добытой изъ жабръ кровью; кромѣ того, въ видѣ благодарственной жертвы покровителю улова, еще прибавляютъ свѣжія жабры.

Иногда вмѣсто чалли-ага шаманъ поручаетъ дѣлать дадзяфу (осетра) или адики (калуга), съ парою бурхановъ калгама (прил. 3). Калгама дѣлается, обыкновенно, изъ тальника; туловище у него круглое, шапка заостренная, ноги длинныя, тонкія; кора изображаетъ одежду. Значеніе бурхана калгама совершенно

одинаково съ чалли-ага, если не видѣть разницы въ томъ, что гольды, при всѣхъ своихъ промысловыхъ перекочевкахъ, возятъ калгама съ собою.

Иногда, вмѣсто парнаго калгама, дѣлаютъ одного, съ собакой (сидола) и называютъ калгама-сидола-ни. У этого бурхана ноги втрое длиннѣе туловища и форма шапки усѣченная. Если оба эти калгама не помогаютъ улову рыбы, то дѣлаютъ одного большого бурхана калгама, до 2 аршинъ высотою, изображающаго женщину, которая, по вѣрованію гольдовъ, помогаетъ всякому промыслу. Такой бурханъ называется аму-калгама, т. е., одинъ калгама.

Въ случаѣ, если чалли-ага и калгама, вмѣстѣ съ бурханами аджи и даджифу, не способствуютъ удачному улову рыбы, то шаманъ приказываетъ дѣлать бурхана гоому-доонта (прил. 5), безъ бурхановъ аджеха. По изготовленіи такого бурхана, его выносятъ на берегъ рѣки и ставятъ лицомъ къ водѣ; передъ нимъ вбиваютъ девять палокъ, съ стружками на верхнихъ концахъ: шесть палокъ вбиваютъ, попарно, на берегу и три, въ рядъ, въ водѣ. Когда наступятъ сумерки, для доонта выносятъ чашку буды, кланяются ему и просятъ, чтобы онъ не отгонялъ рыбу отъ снастей и не мѣшалъ бы хорошему улову; затѣмъ, берутъ 9 корней какого-то растенія, имѣющаго красные и бѣлые цвѣтки, кладутъ ихъ въ маленькую чашечку и бросаютъ въ воду, послѣ чего, рядомъ съ доонта, ставятъ два изображенія мукка-хафони (большого сома, прил. 7).

Въ случаѣ хорошаго улова, жабры и плавники пойманной рыбы приносятся въ жертву бурхану доонта.

Обыкновенно къ доонта прибѣгаютъ лишь въ крайнемъ случаѣ, когда уловъ рыбы очень плохой; въ большинствѣ же случаевъ ограничиваются выше перечисленными чалли-ага и калгама, которыхъ каждый промышленникъ всегда имѣетъ при себѣ.

1) Наккари и терима-наккари дѣлаются парными. Наккари имѣетъ круглое туловище, короткія ноги, овальное лицо и заостренный подбородокъ. Терима-наккари имѣетъ тѣ же формы, что и предыдущіе бурханы, только длиннѣе ногъ (прил. 3). Наккари дѣлается, по приказанію шамана, если грудной ребенокъ не спитъ по ночамъ; въ такихъ случаяхъ этихъ бурхановъ ставятъ по бокамъ колыбели и кормятъ кашей. Иногда, если ребенокъ сильно кричитъ, наккари разрисовываютъ змѣями, изображающими предполагаемую болѣзнь ребенка, послѣ выздоровленія отъ которой

бурхана сохраняютъ, пока ребенокъ не выростетъ. Терима-нась-сари помогаетъ человѣку отъ болей въ ногахъ, затрудняющихъ передвиженіе.

5) Пучику (прил. 3) дѣлается въ одномъ экземплярѣ.

Если по тропѣ соболя поставленъ самострѣлъ, и соболь, увидя его, начнетъ прокладывать себѣ новыя тропы, причемъ, благодаря большому количеству тропъ, уловъ звѣря является совершенно безнадежнымъ, то гольдъ, не спрашивая шамана, дѣлаетъ бурхана пучику (очень похожаго на пиккари), придѣлываетъ къ нему маленькій самострѣлъ, настороживъ который, ставитъ рядомъ съ бурханомъ, на одной изъ соболиныхъ тропъ. Если бурханъ милостивъ (марганъ-пучику), то, по мнѣнію гольда, и маленькая стрѣла убьетъ соболя и промыселъ поправится.

6) Утаки (прил. 11) у орочонъ съ Хора и у гольдовъ съ верховьевъ Уссури называется пандякули; этотъ бурханъ изображаетъ человѣка, со вздутымъ животомъ, впалой грудью и сухой шеей. Утаки дѣлается при сильной худобѣ человѣка, которой если не помогаетъ, то замѣняется бурханомъ анголако. По внѣшнимъ контурамъ этотъ бурханъ сходенъ съ предыдущимъ, но внутри его выдолблено воронкообразное отверстіе, выходящее черезъ горло, а на груди рисуются ребра, символъ худобы. Бурхана кормятъ кашей, вкладывая ее въ горловое отверстіе.

7) Меджи (прил. 3) дѣлается такъ же, какъ утаки, но съ прямыми ногами; животъ утолщенъ, на груди нарисованы ребра, грудь плоская. Этотъ бурханъ служитъ для излѣченія отъ водянки.

Представители группы бурхановъ утаки, анголако и меджи дѣлаются послѣдовательно, причемъ къ бурхану меджи прибѣгаютъ лишь въ крайнемъ случаѣ, когда человѣкъ близокъ къ смерти. Анголако держатъ въ фанзѣ и, если больному дѣлается хуже, то въ отверстіе въ горлѣ бурхана наливаютъ воду, даютъ юколу (сушеная рыба) и кашу. Всѣ три бурхана дѣлаются парными.

8) Пурги (прил 9), бурханъ изъ сушеной травы, изображающій птицу (гаала), на которой стоитъ человѣкъ (сэкка); къ послѣднему, какъ у группы хэрмиктани, прикрѣплены 1 гаала и 5 сэкка, считая пятымъ того, который помѣщенъ на птицѣ. Бурханъ пурги дѣлается, по заключенію шамана, при продолжительныхъ головокруженіяхъ и обморокѣ; во время камланія онъ надѣвается больному на голову, а затѣмъ выносится изъ фанзы и кладется на землю.

9) Арки (прил. 9) дѣлается, подобно предыдущему, изъ сушеной травы и изображаетъ человѣка съ скрещенными руками и ногами; его назначеніе помогать больному, въ случаѣ крайняго и упорнаго истощенія организма, когда человѣкъ, какъ говорятъ, чахнетъ. Принадлежность этого бурхана составляетъ группа изъ 4—5 гааза и сэкка. Арки, во время камланія, ставятъ рядомъ съ больнымъ и, затѣмъ, выносятъ на улицу, поступая также, какъ и съ бурханами группы хэрмиктани.

10) Ерки и ураха дѣлаются изъ бумаги и составляютъ группу бурхановъ, предшествующихъ божинилѣ духу. Бурханы ерки и ураха представляютъ изъ себя вырѣзанныя на листѣ китайской бумаги группы человѣческихъ фигуръ: ерки — девять такихъ фигуръ въ одинъ рядъ, и ураха — три ряда, по девяти въ каждомъ.

Бурханы эти дѣлаются для изгнанія злого духа изъ человѣка и камланіе съ нимъ состоитъ въ томъ, что, вырѣзавъ изъ бумаги бурхановъ, шаманъ подвѣшиваетъ ихъ на грудь, выноситъ изъ фанзы и бросаетъ, такъ какъ предполагается, что изгнаніе злого духа изъ больного уже совершилось. Дальнѣйшее исцѣленіе предоставляется божинилѣ духу.

Съ камланіемъ, при посредствѣ этой группы бурхановъ, знакомитъ насъ г. Пель-Горскій въ упомянутой выше своей работѣ.

Хотя авторъ не приводитъ названія употребляемыхъ при камланіи бурхановъ, но, на основаніи произведенныхъ нами наблюденій, имѣется много основаній къ заключенію, что процессъ камланія, описываемый авторомъ, совершается при посредствѣ буухановъ группы ерки—ураха—духу.

Автору пришлось быть очевидцемъ камланія, производившагося шаманомъ, съ цѣлью излѣченія тяжело больного старика отъ продолжительнаго недуга. Шаманъ сидѣлъ на коврикѣ и билъ въ бубенъ палочкою, подшитою мѣхомъ молодой выдры. Ударяя въ бубенъ, онъ пѣлъ, горловымъ голосомъ, что-то заунывное, то тихо, едва слышно, то громко, то ускоряя, то замедляя темпъ. Мѣрные удары въ бубенъ гулко раздавались среди общей тишины въ фанзѣ, гдѣ въ углу лежалъ больной. Шаманъ пѣлъ приблизительно слѣдующее: „Ицанна" (имя больного) уже старикъ, но въ молодости былъ хорошій охотникъ, и сэвэнъ (богъ промысла) покровительствовалъ ему. Онъ добывалъ много соболей и пантовъ, а пэу (лѣсной богъ) посылалъ ему самые большіе и дорогіе корни банцуя (женьшеня). Ицанна

былъ хорошимъ стрѣлкомъ и мясо у него не переводилось въ фанзѣ. У него три дочери, но ни одного сына: бефумафа (предки) не порадовали его наслѣдникомъ и онъ, подъ старость, остается одинокъ. Пудинъ (богъ зла) послалъ на него болѣзнь и теперь онъ лежитъ больной: онъ теперь уже старъ и болѣзнь одолѣла его. Но андури (богъ добра) поможетъ старику: онъ еще долго проживетъ въ своей семьѣ и еще много убьетъ всякаго звѣря", и т. д., воспѣвая всѣ его добрыя дѣянія и суля всякія блага. Пропѣвъ съ часъ, шаманъ приказалъ потушить огонь. Въ темнотѣ еще гулче раздавался его голосъ и громъ бубна. Затѣмъ, опять зажгли огонь и шаманъ снова запѣлъ. Бубенъ перемѣняли два раза, при чемъ, для большей звучности, его подогрѣвали на угляхъ.

Но вотъ пѣніе окончилось и началась пляска. Плясали всѣ мужчины, надѣвъ на талію широкій кожаный поясъ, съ 20—25 желѣзными рожками, на кольцахъ, и держа въ рукахъ бубенъ. Плящущій начиналъ выдѣлывать различные па, при чемъ неимовѣрно вертѣлъ задомъ и въ тактъ билъ въ бубенъ. Желѣзные рожки, ударяясь другъ о друга, сливались съ гуломъ бубна и производили страшный шумъ. Проплясавъ до изнеможенія, плясунъ передавалъ инструментъ другому, тотъ третьему. Пляска, хотя дикая, но не лишена своеобразной граціи. Во время пляски одна изъ женщинъ вырѣзала ножницами фигуры, вродѣ людей, сдѣлала глаза, носъ и ротъ и, вмѣстѣ съ обрѣзками, привязала къ камышинкѣ, вынесла изъ фанзы и воткнула въ землю; другую такую же серію, тоже на палочкѣ, она оставила въ фанзѣ. На дворѣ поставили столикъ и на немъ нѣсколько чашекъ съ чумизой и одну съ водой.

Затѣмъ, шаманъ снова одѣлъ поясъ съ рожками, взялъ бубенъ и началъ плясать и пѣть. То онъ подходилъ къ больному, неимовѣрно треся надъ нимъ; то подходилъ къ китайскому богу, изображенному на бумагѣ и наклеенному на доску, передъ которымъ была зажжена курительная китайская свѣча; то подходилъ къ двери и плясалъ передъ кучкой углей, изображавшихъ костеръ. Наконецъ, онъ отдалъ бубенъ другому, который продолжалъ бить въ него; самъ же взялъ камышинку съ вырѣзанными человѣчками, обнесъ ее вокругъ фанзы и, задѣвая за головы дѣтей, при свѣтѣ лучинъ, вышелъ на дворъ и воткнулъ впереди столика съ чашками. Тутъ онъ сталъ на колѣни, пѣлъ и кланялся въ землю; наконецъ, взялъ поданную ему пустую чашку,

закрытую бумагою и сталъ наливать рукою, воду изъ другой чашки, не переставая пѣть.

Всѣ гольды столпились вокругъ него и что-то высматривали. Женщины кричали протяжно: „дизо. дизо“, т. е., иди. иди. но на мокрой бумагѣ ничего, кромѣ водяного пузырька, нельзя было замѣтить; по послѣдующему объясненію, это женщины звали отлетѣвшую душу больного, и она вернулась къ нему, въ видѣ пузырька. Когда на мокрой бумагѣ появился бѣгающій пузырекъ, вся толпа двинулась къ фанзѣ, съ крикомъ и боемъ въ бубенъ, при свѣтѣ лучинъ, а самъ шаманъ, поливая все время, рукою, воду на чашку съ бумагой, слѣдилъ за пузырькомъ. Пройдя въ фанзу, больного посадили и подали шаману его войлочную шапку. Шаманъ быстро схватилъ правою рукою пузырекъ, вмѣстѣ съ бумагою, вырвавъ ее изъ середины чашки, и, положивъ въ шапку, наговаривая и нашептывая, надѣлъ на больного. Этимъ и кончилось лѣченіе: привлеченную криками женщинъ душу больного шаманъ поймалъ, спряталъ въ шапку и возвратилъ на свое мѣсто, т. е., въ тѣло больного.

11) Джули (прил. 10); у гольдовъ рода килонъ бурханъ этотъ носитъ названіе ганники (прил 3).

Джули изображаетъ безрукаго человѣка, съ овальнымъ лицомъ, большимъ носомъ и слегка подогнутыми колѣнями: онъ дѣлается при сильныхъ боляхъ въ поясницѣ. Послѣ камланія его выносятъ на улицу, гдѣ зарываютъ, по поясницу, въ землю и оставляютъ въ такомъ положеніи, пока больной не поправится.

Джули и ганники, изъ которыхъ послѣдній имѣетъ боченкообразный видъ, съ подобіемъ лица на одной изъ сторонъ, подобно печатямъ древнихъ римлянъ, почитаются гольдами, какъ хранители ихъ жилищъ и семейныхъ очаговъ.

Эти бурханы всегда имѣются на лицо, въ каждой гольдянской фанзѣ, будучи сдѣланы разъ навсегда, а потому не требуютъ особаго изготовленія, по указаніямъ шамана, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Передъ уходомъ на промыселъ, хозяева фанзы, покидая послѣднюю, вручаютъ ее покровительству бурхана джули (ганники), котораго выставляютъ на нары и кладутъ передъ нимъ земные поклоны, прося охранять домъ, имущество и семью; по возвращеніи домой, если въ фанзѣ все обстояло благополучно, то бурхановъ-покровителей угощаютъ кашей и ханшиною и благодарятъ новыми земными поклонами.

12) Бурханъ буччу (прил. 3 и 4), по вѣрованію гольдовъ, управляетъ вѣтрами и исцѣляетъ болѣзни ногъ.

Во время странствій, гольду нерѣдко приходится прибѣгать къ покровительству этого бурхана. Если вѣтеръ дуетъ противъ теченія и мѣшаетъ спускаться лодкѣ внизъ по рѣкѣ, то шаманъ дѣлаетъ буччу, привязываетъ къ верхнему, кругообразному выступу, лучекъ, насторожнвая стрѣлу, и ставитъ буччу, со стрѣлою, противъ вѣтра; если же, наоборотъ, желательно направленіе вѣтра противъ теченія, то буччу ставитъ безъ лучка и безъ стрѣлы. (На рисункѣ, прил. 4, изображенъ орочонскій буччу, съ одной ногой; значеніе и примѣненіе его одинаковы съ гольдскимъ буччу).

По разсказамъ шамановъ, вѣтеръ выходитъ изъ горныхъ пещеръ, которыми завѣдываетъ буччу, почему, при камланіи, шаманъ проситъ этого бурхана, либо заткнуть отверстіе пещеры, изъ котораго выходитъ вѣтеръ, либо, наоборотъ, открыть его.

13) Ніу-аджеля (прил. 4) дѣлается изъ сухого дерева или шишуши; этотъ бурханъ имѣетъ форму человѣческой головы, съ глазами и ртомъ; онъ носится, въ видѣ амулета, во время сильной головной боли.

14) Дарма-енен (ангеи)-севанъ (прил. 4) представляетъ собою человѣческую фигуру, съ сгорбленной спиной. Этотъ бурханъ изготовляется въ томъ случаѣ, если больной, вслѣдствіе простуды, ревматизма, ломоты, не въ состояніи выпрямить спину; во время камланія онъ подвѣшивается къ поясу больного, а затѣмъ прячется въ амбаръ.

15) Сіуджики (прил. 4 и 5) дѣлается исключительно при глазныхъ болѣзняхъ; этотъ бурханъ, иногда комбинируемый съ бурханомъ аджеха, составляетъ принадлежность божнины боачи (прил. 19 и 22), самъ же по себѣ онъ представляетъ сдѣланный изъ дерева или нарисованный на холстѣ треугольникъ, съ двумя бурханами сіуджики.

16) Божнина боачи (прил. 19) изображаетъ дерево, шаманскаго культа мо, съ солнцемъ (сіу) въ его центрѣ; подъ вѣтвями дерева повѣшены два сіуджики, а у конца вѣтвей располагаются 9 птицъ (чифяку); листья покрыты изображеніями идутовъ (хальга), въ формѣ крестовъ; подъ деревомъ поставлены два всадника (ялума) и двое людей (наи).

Когда гольдъ страдаетъ болѣзнью глазъ, то шаманъ, первоначально, дѣлаетъ сіуджики; когда же больной начинаетъ поправ-

нится, то окончательное его излѣченіе вручаетъ бурхану боачи.

Другое изображеніе бурхана боачи, рисованное на холстѣ, изображено въ прил. 22. Далинго и двое нан стоятъ посрединѣ группы, каждый подъ деревомъ мо, имѣющимъ на себѣ по солнцу и по девяти птицъ, чифяку, причемъ у лѣвыхъ вѣтокъ дерева расположены еще 9 пауковъ (атая); по бокамъ нан расположены 9 сіуджека. Впереди этой группы стоитъ бурханъ аяма, окруженный по 9 нан и ялума, и 2 группами, по 9, колля и хигакта; наконецъ, впереди аями расположены 2 ярга и двѣ забдзи.

17) Атая (прил. 17) представляетъ холщевую ленту, съ изображеніями двухъ ласточекъ, чифяку, нѣсколькихъ пауковъ (атая) и змѣй (колля). Лента эта надѣвается на шею, при глазныхъ болѣзняхъ, и составляетъ принадлежность костюма сидури-татуни.

18) Мукси (прил. 17) представляетъ изображеніе двухъ змѣй, вырѣзанныхъ изъ холста и связанныхъ между собою хвостами; употребляется какъ кушакъ въ костюмѣ сидури-татуни и какъ бичъ (сосхапи) въ группѣ нюрха (прил. 21).

19) Забдзя (прил. 15) представляетъ изображеніе удава, сдѣланное изъ сплетенныхъ въ косу красныхъ, синихъ и бѣлыхъ лоскутьевъ. Носится на рукѣ, выше локтя, при боляхъ въ рукѣ, и составляетъ, какъ и два предыдущіе бурхана, принадлежность костюма сидури-татуни.

20) Аджеха. Этотъ бурханъ, (прил. 4 и 5), по вѣрованію гольдовъ, живетъ на небѣ, вмѣстѣ съ сидури, и посланъ посредникомъ помогать гольдамъ въ ихъ промыслѣ и обыденной жизни. Аджеха носится всѣми гольдами, въ видѣ амулетовъ, и составляетъ первую необходимость шамана; какъ частное примѣненіе этого бурхана, онъ дѣлается при сильныхъ спазматическихъ сердечныхъ сокращеніяхъ.

21) Сэвка представляетъ деревянное изображеніе безрукаго человѣка, формой своей напоминающее бурханъ дяули, снабженный шапкою гирки; этотъ бурханъ считается покровителемъ младенцевъ и дѣлается въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ дѣти постоянно умираютъ ранѣе достиженія пятилѣтняго возраста. Смертность же малолѣтнихъ, по вѣрованію гольдовъ, происходитъ отъ того, что у нѣкоторыхъ покойниковъ, души которыхъ не были доставлены шаманомъ въ буни, по прошествіи семи лѣтъ, вырастаютъ длинные ногти, при посредствѣ которыхъ они и соби-

раютъ обильную жатву среди малолѣтнихъ дѣтей. Души такихъ покойниковъ получаютъ названіе сэкки.

22) Капзу (кабанья голова, прил. 10) дѣлается при боляхъ въ поясницѣ и подвѣшивается къ поясу больного.

23) Унгинту есть не что иное, какъ шапка, надѣваемая на больного во время камланія, для излѣченія отъ той или другой болѣзни (прил. 15 и 16). Эта шапка дѣлается изъ холста и рыбьихъ шкуръ; ея употребленіе, при камланіи, схоже съ употребленіемъ шапки сидури.

Унгинту имѣетъ нѣсколько подраздѣленій: доонта, ярга и амбань-со, изъ нихъ каждое имѣетъ соотвѣтствующіе рисунки, какъ то: медвѣдя, тигра и т. д.; на шапкѣ, принадлежащей къ группѣ доонта, кромѣ змѣй и паутовъ, составляющихъ принадлежность каждой шапки, нарисованы еще птицы (чифаньу): на шапкѣ ярга нарисованы сіуджики и атая, а на амбань-со-унгинту солнце (сіу).

Пюрхи-унгинту, изображенная на рис. прил. 15 и 16, была своевременно описана, при божницѣ дуеху.

24) Шапка доонта-гелеми, одинаковой формы съ предыдущими; она снабжена металлическимъ крестообразнымъ каркасомъ, на поверхности котораго сдѣланы металлическія головы змѣй; употребляется при камланіи, имѣющемъ цѣлью излѣченіе отъ умопомѣшательства.

25) Мухань представляетъ изображеніе звѣря, на короткихъ ногахъ, съ утолщеніемъ на хвостѣ. Этотъ сказочный звѣрь шаманскаго культа, по описанію гольдовъ, походитъ на льва. Мухани дѣлаютъ главнымъ образомъ при гастрическихъ заболѣваніяхъ, происхожденіе которыхъ, по вѣрованію гольдовъ, происходитъ оттого, что мухань, помѣстившись въ животѣ человѣка и махая хвостомъ, производитъ боль. Мухань представляетъ собою примѣръ парнаго бурхана и всегда дѣлается въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одного ставятъ въ фанзу, а другого въ амбаръ. Мухань иногда снабжается крыльями.

Если простой мухань не помогаетъ больному, то замѣняется рядомъ амбань-со-мухани (прил. 8) и ярга-мухани и, наконецъ, какъ послѣднее средство, боа-енду-дюли-одзи-хэдирко-мухань, что означаетъ богомъ посланный съ неба, крылатый мухань. На мухани помѣщенъ всадникъ, получающій, въ данномъ случаѣ, названіе окча-ланко (человѣкъ верхомъ).

Этотъ бурханъ помогаетъ собольному промыслу и, будучи изготовленъ шаманомъ передъ уходомъ охотниковъ въ тайгу, оставляется дома, въ амбарѣ.

ГЛАВА IV.

Гольдскія сказанія и легенды, связанныя съ бурханами и иными образами шаманскаго культа.

Во время моихъ поѣздокъ, съ цѣлью изученія религіознаго быта гольдовъ, мнѣ удалось записать нѣсколько сказаній и легендъ, фабула которыхъ пріурочивается къ культу того или другого изъ описанныхъ выше бурхановъ. Какъ выводъ изъ даннаго описанія, можно сказать, что всякое обыденное явленіе жизни гольда, торжественное событіе, или несчастіе, не обходятся безъ участія, покровительства или вреднаго вліянія того или другого бурхана. Иногда область вѣдѣнія отдѣльнаго бурхана, или цѣлыхъ ихъ группъ, бываетъ очень обширна, захватывая, одновременно, огромный циклъ разнородныхъ бытовыхъ явленій, въ ихъ преемственности, обусловливающей преемственность вліянія бурхановъ, въ зависимости отъ значенія и силы божества. Истолкователемъ этого значенія и силы является шаманъ, этотъ врачеватель души и тѣла, представитель предъ божествомъ, посредникъ боговъ въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ. Понятно, почему наиболѣе выдающіеся, тѣмъ либо отмѣченные факты такого представительства и посредничества, явились благодарнымъ сюжетомъ для созданія апокрифическихъ сказаній, путемъ устнаго преданія, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и, съ теченіемъ времени, разростающихся, въ народномъ воображеніи, до приданія ихъ эпическимъ героямъ легендарныхъ свойствъ и дѣяній.

Подобныя сказанія и легенды являются цѣннымъ матеріаломъ по изученію шаманства. Ихъ существуетъ множество, и каждая изъ нихъ является опытомъ мистическаго толкованія причинности явленій; приводя же здѣсь тѣ немногія, которыя намъ удалось собрать и въ каждой изъ которыхъ участвуютъ тѣ или другіе бурханы шаманскаго культа, мы думаемъ, что жизнь послѣднихъ

хотя и сказочная, во многомъ пояснитъ тотъ сухой матеріалъ, который изложенъ въ предыдущей главѣ, трактующей систематическую часть гольдяцкой миѳологіи.

[illegible] Сказаніе о двухъ теткахъ и одной племянницѣ.

Въ одной фанзѣ жили нѣкогда двѣ женщины съ малолѣтней дѣвушкой, приходившейся племянницей старшей изъ нихъ и замѣнявшей имъ обѣимъ родную дочь. Однажды къ фанзѣ подъѣхали, верхомъ на коняхъ, двое неизвѣстныхъ людей, вошли въ фанзу и сѣли на нары, къ старшей изъ женщинъ, которая стала угощать ихъ табакомъ, не предложивъ обѣда. Младшая сказала, при этомъ, дѣвушкѣ: „это пріѣхали братья твоей тетки, сватать тебя“; а тетка, обращаясь къ пріѣзжимъ, прибавила: „идите, убейте мухана, который унесъ душу отца этой дѣвки, и кто изъ васъ его убьетъ, тотъ возьметъ и дѣвку“. Мужчины уѣхали. Когда старшая изъ женщинъ, проводивъ братьевъ, вернулась въ фанзу, младшая набросилась на нее: „за кого ты думаешь отдать дѣвку? я знаю этихъ людей, это людоѣды (буссу) и зовутъ ихъ Гоялъ и Соялъ“.

Черезъ трое сутокъ пришли въ фанзу двое молодыхъ людей, братья младшей женщины, которая угостила ихъ обѣдомъ и табакомъ. Они остались ночевать. Ночью дѣвушка замѣтила, что къ ней крадется старшій изъ братьевъ, младшій же удерживаетъ его, говоря: „не ходи; дѣвка должна принадлежать тому, кто убьетъ мухана, укравшаго душу ея отца“. Старшій братъ разсердился, одѣлся и ушелъ; съ разсвѣтомъ ушелъ и младшій.

Утромъ, когда тетка, убирая фанзу, подошла будить дѣвушку, то, приподнявъ одѣяло, увидѣла, что дѣвушка не спитъ, а горько плачетъ. Женщина сказала: „я знаю, о чемъ дѣвка плачетъ; она не хочетъ выходить замужъ, думая, что ей удастся самой отыскать и убить мухана. Откуда у нея возьмутся силы?“ „Найдутся, замѣтила младшая женщина, я ее снаряжу и отправлю“. Дѣвушка одѣлась, тетка ее накормила, наполнила торбаса вещами дѣвушки, посадила ее въ новую оморочку и оттолкнула отъ берега.

Плывя внизъ по Амуру, дѣвушка, въ полдень, увидѣла, справа, деревню, противъ средней фанзы которой, на берегу, си-

дитъ женщина и умываетъ себѣ лицо; увидавъ оморочку, женщина закричала дѣвушкѣ: „подъѣзжай, отдохни у насъ“. Дѣвушка вмѣсто отвѣта, взяла лучекъ и пустила стрѣлу прямо женщинѣ въ грудь, послѣ чего, подъѣхавъ къ берегу, вынула стрѣлу, изъ груди, обтерла и уплыла далѣе.

На третьи сутки, къ обѣду, дѣвушка подплыла къ двумъ деревнямъ, раскинувшимся по обоимъ берегамъ Амура. Въ этихъ деревняхъ жили Гоялъ и Соялъ. Видитъ дѣвушка, что Гоялъ и Соялъ сѣли въ оморочки и поплыли къ ней на встрѣчу; она разсердилась, выстрѣлила въ Гояла и убила его, затѣмъ убила также и Сояла и, подплывя къ оморочкамъ, вытащила у нихъ изъ груди стрѣлы, обтерла ихъ и поплыла дальше. Поздно вечеромъ дѣвушка пристала къ берегу и, сильно проголодавшись, развела костеръ и сѣла, а въ это время къ ней подошелъ маленькій черненькій человѣкъ фака-факави-марга, поздоровался съ ней, помогъ сварить ужинъ и, переночевавъ тутъ же, на берегу, посадилъ дѣвушку въ оморочку и исчезъ.

Въ полдень дѣвушка вновь пристала къ берегу, отдохнуть, глядь, а фака вновь на берегу, вновь является ей на помощь. И такъ повторялось всякій разъ, при ея остановкахъ. Однажды, вечеромъ, дѣвушка остановилась на берегу, покрытомъ мелкимъ хорошимъ пескомъ, на которомъ росъ чудный, громадныхъ размѣровъ, тополь, сіумдали-сиенгда-хакдундали-хамикда; за листвой его, днемъ, солнца не видно, а ночью мѣсяца не видно. Листьями этого дерева служили толи-тундурхабдата, цвѣтами—конгокто-чимчикха, вѣтви его были ободраны когтями громадныхъ птицъ—гааза; вся земля, вокругъ, усыпана человѣческими костями. Дѣвушка заключила, что сюда ночью прилетаютъ гааза и рѣшилась остаться здѣсь, ожидая услышать что нибудь для себя важное. Фака на этотъ разъ не явился. Въ сумерки, дѣвушка выбрала себѣ мѣсто, поудобнѣе, взяла лукъ и стрѣлы и стала выжидать. Лишь только стемнѣло, она услышала, что изъ за рѣки летитъ гааза, а изъ лѣсу другая; сѣли онѣ на вѣтку и одна гааза спрашиваетъ другую: „куда летишь, гдѣ была, что новаго“?—„Была, отвѣчаетъ старшая гааза,—на поминахъ у камафа (камафа-касалани)“.—„Это не интересно, возразила младшая гааза, я имѣю сообщить нѣчто болѣе важное: вверху Амура живутъ въ одной фанзѣ три женщины, двѣ среднихъ лѣтъ, а одна молодая. Однажды къ старшей женщинѣ пріѣхали двое буссу, Гоялъ и Соялъ и просили отдать имъ дѣвушку.

Послѣ нихъ пришли двое молодыхъ людей, братья младшей женщины; ночью старшій братъ направился къ дѣвушкѣ, младшій же его не пустилъ, говоря: „нужно убить муха, похитившаго душу отца дѣвушки". На утро они ушли, послѣ чего собралась въ путь и дѣвушка; она поплыла на оморочкѣ и, по дорогѣ, около деревни, убила женщину, затѣмъ убила Гояла и Сояла, сегодня же въ полночь, она должна прибыть сюда. Братья [illegible] и [illegible] поѣхали въ погоню за муха и старшій изъ нихъ воскресилъ, по дорогѣ, убитую дѣвушкой женщину и женился на ней, а младшій слѣдуетъ всюду за дѣвушкой и охраняетъ ее. Это самъ фака-факави-марга, большой шаманъ. Я слышала еще другое. Хунчжу-сима (большой шаманъ), превратившись въ гаазу, полетѣлъ шаманить. Бабга-чурунга; лохо-чурунга; онопго-хонгунга; ихеро-насалапга *). Гааза несетъ человѣка, котораго зовутъ перханчу-марга. Онъ сынъ хозяина большой деревни. Гааза поймала его на берегу большого сѣвернаго моря, схватила и принесетъ сюда; хунчжу-сима всегда уничтожаетъ свою добычу на этомъ деревѣ великихъ шамановъ".

Обѣ гааза улетѣли.

Въ полночь, дѣвушка видитъ, что по небу, прямо на нее, летятъ два огня и слышитъ ужасный шумъ отъ ударовъ крыльевъ какой то большой птицы. Это летѣлъ хунчжу-сима, въ образѣ журавля, держа на спинѣ человѣка, который молилъ его: „убей меня, хунчжу, скорѣе, зачѣмъ мучаешь"!— „Скоро, скоро, [illegible] и мое дерево", отвѣтила гааза и сѣла на самую его верхушку, а затѣмъ, выбравъ вѣтку покрѣпче, бросила на нее человѣка, который и повисъ на рукахъ. Человѣкъ продолжалъ молить хунчжу: „убей меня скорѣе, не мучай". Дѣвушка, увидѣвъ, что гааза начала сдирать клювомъ одежду съ своей добычи, рассердилась и, направивъ на гаазу свою стрѣлу, сказала: „хунчжу-сима, хунчжу сима! я въ тебя стрѣляю. Надѣнь на себя шаманское одѣяніе, иначе я тебя убью".—„Погоди", отвѣтила птица, зашевелила, встряхнула перьями и они сдѣлались желѣзными. „Стрѣляй", сказала злорадно хунчжу, теперь не убьешь, твои [illegible]". [illegible]

*) Бабга-чурунга — журавль съ желтымъ клювомъ; лохо-чурунга [illegible] ноги; онопго-хонгунга хвостъ у него желѣзный [illegible] опереніе.

небольшое, оставшееся не защищеннымъ пятнышко, прицѣлилась вторично и сказала: „не отецъ мой ковалъ эту стрѣлу, не братъ мой ковалъ ее и не дядя, но моего отца мать, когда вышла замужъ принесла съ собою эту стрѣлу: если сама стрѣла и попади, куда слѣдуетъ, чтобы гаала пропала". Съ этими словами дѣвушка натянула тетиву руками и ногами и пустила стрѣлу; стрѣла завизжала, ударилась съ громомъ о гаалу и впилась въ ея тѣло: гаала упала и, падая, сломала вѣтку, на которой висѣлъ марга: тотъ также упалъ на землю. Когда гаала грохнулась о землю, образовалось высокое пламя; дѣвушка бросилась на гаазу съ копьемъ и заколола ее.

Гааза исчезла. Изъ подъ земли послышался голосъ: «стрѣла и копье твои нанесли мнѣ смертельныя раны: одинъ только амбы-сэ можетъ мнѣ помочь добраться до моего жилища, вѣроятнѣе же, что я, по дорогѣ, пропаду». Дѣвушка подошла къ молодому человѣку, подняла его, снесла къ табору и развела огонь; на помощь ей появился фака. На утро дѣвушка посадила маргу къ себѣ въ оморочку и увезла его. Когда она остановилась на косѣ на ночлегъ, по обыкновенію, фака появился вновь. Дѣвушка легла спать въ отдѣльномъ шалашѣ, а фака и марга въ другомъ.

Во время сна они услышали раздающіеся, по песку, шаги, вылѣзли изъ шалаша и увидѣли подходящую женщину. Окликнувъ ее, они спросили: „ты откуда"? „Пришла посмотрѣть на дѣвку, которая съ вами ѣдетъ; говорятъ, что она безъ промаха стрѣляетъ изъ лука".—„Уходи! крикнулъ ей фака, завтра къ обѣду будемъ у тебя, увидишь". Услышавъ этотъ разговоръ, дѣвушка всю ночь не могла заснуть со злости. Рано утромъ она встала, собрала свои вещи, снесла въ оморочку, затѣмъ вернулась къ табору, толкнула ногой таганъ и, разливъ всю пищу, схватила котелъ, потащила его въ оморочку и собралась уѣхать; тутъ фака сказалъ ей: „дѣвушка, что ты дѣлаешь? я ѣсть хочу, марга также умоляетъ не оставлять его". Не обращая на нихъ вниманія, дѣвушка сѣла въ оморочку, отплыла немного отъ берега и начала грести [illegible], но сколько ни выбивалась изъ силъ, оморочка не двигалась съ мѣста. Прошелъ весь день, фака и марга сидятъ и разговариваютъ на берегу, а дѣвушка ни съ мѣста; фака говоритъ ей: „пока не помиришься и не возьмешь маргу, до тѣхъ поръ оморочка не поплыветъ". Тогда дѣвушка вернулась

къ берегу, сварила обѣдъ, накормила обоихъ мужчинъ, взяла маргу и поплыла съ нимъ.

На утро они доѣхали до деревни, подъ большимъ утесомъ. Марга пошелъ въ деревню, а дѣвушка осталась на берегу, умылась, причесала голову, надѣла праздничное платье и тоже пошла въ деревню. Вошла она въ среднюю фанзу, какъ вдругъ, на одной изъ наръ увидѣла сидящими факу и маргу, а на другой, спиной къ нимъ, ту женщину, которая приходила наканунѣ къ нимъ въ таборъ. Она остановилась въ удивленіи. Женщина подошла къ дѣвушкѣ, сѣла съ ней рядомъ и, положивъ ей руку на плечо, повернула ее къ себѣ и говоритъ: „ты желала меня видѣть: смотри, я передъ тобой". При этомъ женщина посмотрѣла на дѣвушку изъ подлобья, а дѣвушка, схвативъ ее за плечо, сильно повернула ее совсѣмъ къ себѣ и плюнула ей въ переносицу, сказавъ: пускай плевокъ мой попадетъ тебѣ на переносицу и затвердѣетъ". Плевокъ мгновенно затвердѣлъ и какъ женщина ни старалась сцарапать его, но сдѣлать этого не могла.

Всѣ остались ночевать въ фанзѣ. Хозяйка угощала путниковъ ужиномъ и табакомъ. Послѣ ужина фака говоритъ дѣвушкѣ: „дальше тебѣ будетъ очень трудно, необходимо оставить марга здѣсь, а я поѣду съ тобой на оморочкѣ; дорога будетъ плохая, будетъ море и на морѣ большой туманъ, который то будетъ подыматься, то опускаться, густой пеленою, и трудно будетъ разсчитать мигъ, чтобы проскочить подъ нимъ".

На слѣдующее утро дѣвушка и фака отправились въ путь вдвоемъ, оставивъ маргу въ деревнѣ.

По выходѣ въ море, взорамъ ихъ представилась сплошная стѣна густого тумана; пришлось выжидать, когда туманъ разсѣется; но вотъ, пелена поднялась и имъ удалось проскочить подъ нею; такимъ образомъ, фака перевезъ дѣвушку черезъ море. Долго они ѣхали, прежде чѣмъ подъѣхать къ большой деревнѣ, въ которой жилъ муха, похитившій душу отца дѣвушки.

Приставъ къ краю деревни, фака пошелъ въ фанзу мухана, оставивъ дѣвушку, на ночлегъ, въ крайней фанзѣ, и сказавъ ей, при прощаньи, что душа мухана (орла) находится спрятанной у бурхана хранителя міра. Бурханъ конго-чама живетъ на утесѣ съ пещерами въ нѣсколько террасъ и у него есть нѣсколько

собакъ, охраняющихъ пещеры. „Я зайду къ мухану, говорилъ Фака, потомъ пойду искать ерга и къ полночи непремѣнно вернусь назадъ“. Дѣвушка осталась и, черезъ нѣкоторое время, уснула. Въ полночь, сквозь сонъ, она услышала, что кто то водитъ рукою по ея лбу. „Фака, это ты?“ спросила она въ испугѣ.—„Да, это я, возьми скорѣе отъ меня душу мухана, такъ какъ я сейчасъ умру: собаки объѣли все мое мясо, и я пойду къ своимъ бурханамъ, лѣчить раны, а черезъ трое сутокъ вернусь. Не убивай безъ меня мухана“. Съ этими словами онъ [illegible].

Съ разсвѣтомъ, дѣвушка встала, одѣлась въ мужской костюмъ, зачесала себѣ волосы въ одну косу, заклеила [illegible] дыры въ ушахъ, для серегъ, и пошла къ дому мухана. Подошедши къ дверямъ его дома, она закричала: „выходи, муханъ, ты убилъ моего отца, убей и меня“. Вышелъ на улицу сѣдой старикъ и сказалъ: „я теперь старъ, а ты молодъ; зачѣмъ буду тебя убивать?“ Тогда дѣвушка вынула изъ за пазухи ерга-мухана и бросила имъ въ старика; ударъ пришелся въ лобъ и старикъ погибъ. Затѣмъ, схвативъ первый попавшійся прутъ, дѣвушка побѣжала съ нимъ въ одну сторону деревни и, махнувъ имъ въ воздухѣ, побѣжала въ другую сторону и махнула вторично; потомъ она приказала, чтобы черезъ трое сутокъ былъ готовъ большой баркасъ къ ея отплытію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы готовилась въ путь и вся деревня.

Черезъ трое сутокъ пришелъ Фака вполнѣ здоровымъ; сначала онъ обидѣлся на дѣвушку, что она убила мухана, не дождавшись его, но затѣмъ простилъ и взялъ ее себѣ въ жены. Переѣхавъ на баркасѣ море, они захватили съ собой маргу, который отпросился на нѣкоторое время, чтобы захватить съ собою и свою деревню.

Когда имъ пришлось проѣзжать мимо тѣхъ деревень, гдѣ были убиты Голъ и Солъ, дѣвушка приказала перекочевать къ себѣ и этой деревнѣ; деревню же, гдѣ дѣвушка убила женщину, которую потомъ воскресилъ братъ Фака и женился на ней, не оказалось, такъ какъ она еще раньше перекочевала къ [illegible] фанзѣ.

Когда дѣвушка вернулась къ себѣ, то [illegible] ея совсѣмъ постарѣли, посѣдѣли. Вновь прибывшіе работники настроили много домовъ. Фака и дѣвушка скоро отпраздновали свадьбу,

послѣ которой фака пошелъ къ себѣ въ деревню и марга, черезъ трое сутокъ, отвезъ туда и дѣвушку.

Хозяиномъ этой деревни остался марга, который взялъ себѣ въ жены дѣвушку съ наростомъ на переносицѣ.

Сказанію конецъ, далѣе некуда идти *).

Сказаніе о семи братьяхъ и одной сестрѣ.

Въ одной фанзѣ жили семь братьевъ съ малолѣтней сестрой. Сестра жила привольно, не зная никакихъ обязанностей. Однажды, будучи уже на возрастѣ, когда всѣ братья ушли на охоту, она взяла ведра и пошла по воду къ проруби. Вдругъ, неожиданно для нея, съ другого берега выбѣжалъ бѣлый заяцъ. Сильно испугавшись, дѣвушка бросила ведра и побѣжала въ фанзу, а заяцъ за нею; дѣвушка забилась въ уголъ фанзы, а заяцъ, вскочивъ на нары, бросился на нее и впился зубами въ ея грудь, говоря: „кушай побольше, дѣвка, чтобы крови у тебя было больше: я ежедневно буду прибѣгать, сосать твою кровь". Заяцъ убѣжалъ. Дѣвушка осталась блѣдная какъ смерть, преисполненная одной мыслью, какъ бы не забыть разсказать братьямъ о случившемся; для этого она взяла братнину чашку, разбила ее пополамъ и, составивъ обѣ половины вмѣстѣ, поставила на прежнее мѣсто. Вернувшись вечеромъ, братья сѣли ужинать; одинъ изъ нихъ взялъ свою чашку и, когда та распалась, спросилъ: „кто сломалъ чашку"?—„Это я, убирая, нечаянно сломала ее", отвѣтила дѣвушка, забывъ, при этомъ, разсказать о появленіи кровопійцы.

Въ полдень, когда братьевъ вновь не было дома, опять прибѣжалъ заяцъ, впился дѣвушкѣ въ грудь и говоритъ ей: „ѣшь больше, смотри, какъ ты худѣешь, крови для меня не хватаетъ". —„Совсѣмъ не буду ѣсть, сказала дѣвушка, лучше пропаду съ голоду, чѣмъ отъ тебя". Заяцъ убѣжалъ. Дѣвушка же вспом-

*) Этими словами заканчивается каждое сказаніе у гольдовъ.

шила, что она забыла разсказать братьямъ о случившемся и, чтобы не забыть вновь, взяла ножикъ и надрѣзала себѣ палецъ. Къ вечеру братья вернулись съ охоты, а дѣвушка вновь забыла про зайца; и когда братья спросили, что съ ней, отчего она такъ исхудала и больно ли обрѣзанному пальцу, она отвѣтила: „это я обрѣзала нечаянно“. Поужинавъ, братья легли спать, и только тутъ дѣвушка вспомнила про зайца и разсказала имъ о его посѣщеніяхъ.

На слѣдующее утро на охоту ушли уже только шесть братьевъ, одинъ же изъ младшихъ остался караулить зайца. Въ полдень, увидѣвъ изъ окошка, бѣгущаго зайца, братъ взялъ лучекъ и пошелъ на берегъ караулить его; въ это время заяцъ прибѣжалъ въ фанзу, впился дѣвушкѣ въ грудь, пососалъ ея крови и убѣжалъ. Вернулся братъ и говоритъ: „не успѣлъ я убить зайца, лучекъ сломался“. Вернулись братья и спрашиваютъ, убитъ ли заяцъ; братъ имъ разсказалъ, какъ у него сломался лучекъ, братья же разсердились и говорятъ: „какъ не стыдно, ты можешь убить большого звѣря, а зайца не убилъ“. Не повѣрили ему братья и рѣшили: на слѣдующій день оставить самого младшаго брата, караулить зайца.

Въ полдень, оставшійся братъ пошелъ къ берегу, по слѣду зайца, сдѣлалъ себѣ шалашъ (анко) и спрятался въ немъ, дѣвушка же, увидѣвъ сквозь окно бѣгущаго зайца, крикнула брату, чтобы тотъ удвоилъ свое вниманіе. Заяцъ, не добѣжавъ до шалаша, остановился на нѣсколько мгновеній и повернулъ обратно; отбѣжавъ же немного и опять остановившись, онъ сталъ размышлять: „странно, всѣ дни я бѣжалъ, не боясь ничего, а сегодня мнѣ стало почему-то страшно“. Но пробѣжавъ немного, онъ вернулся и когда уже поровнялся съ шалашемъ, братъ выстрѣлилъ въ него и ранилъ; заяцъ повернулъ обратно и убѣжалъ, оставивъ по снѣгу, слѣдъ крови. Братъ вернулся въ фанзу и говоритъ сестрѣ: „я удивляюсь, какъ это братъ не могъ вчера убить зайца, я сразу попалъ въ него“.

На слѣдующій день, когда братья вновь ушли на охоту, оставшійся дома младшій братъ пошелъ по слѣду, искать зайца; шелъ онъ до полудня, пока не дошелъ до фанзы, къ дверямъ которой велъ заячій слѣдъ. Войдя въ фанзу, юноша увидѣлъ тамъ сидящихъ, на нарахъ, старика со старухой и спросилъ у нихъ: „марга, гдѣ здѣсь заяцъ, что бѣгаетъ и сосетъ кровь у

моей сестры? слѣдъ его ведетъ въ эту фанзу". Ему старуха отвѣтила: „заяцъ не пропалъ, и вамъ всѣмъ теперь будетъ плохо; заяцъ это чертъ: онъ живетъ на бѣлыхъ гольцахъ, вмѣстѣ съ тысячами своихъ собратьевъ; съ этихъ гольцовъ, по ночамъ, раздаются страшные стоны. Не ходи ты по слѣду зайца, лучше возвращайся домой. Чертъ побѣжалъ на гольцы, собирать другихъ чертей и они всѣ завтра придутъ къ вашей фанзѣ".

Юноша вернулся домой и разсказалъ своимъ братьямъ о своихъ похожденіяхъ и объ опасности, которая грозитъ имъ. На общемъ совѣтѣ, братья рѣшили покинуть стойбище, спрятать сестру гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Съ этой цѣлью, они вырыли подъ фанзой большую глубокую яму и устроили, для сестры, подземное помѣщеніе, положивъ туда большіе запасы ѣды; затѣмъ они одѣли сестру въ самыя богатыя платья, собрали всѣхъ разложенныхъ вокругъ фанзы бурхановъ, кланялись имъ, угощали кашей и ханшиной, прося, если придутъ семь чертей, то не выдавать имъ сестру. Закрывъ всѣ слѣды подземелья, братья, съ разсвѣтомъ, вышли изъ фанзы и, превратившись въ семь лебедей, улетѣли.

Сидя въ подземельѣ, дѣвушка слышитъ, какъ пришли семь чертей и спрашиваютъ у бурхановъ: „куда ушли братья, куда увели сестру"? Три раза спрашивали они бурхановъ и не получали отъ нихъ отвѣта; вдругъ, одинъ маленькій аями, который стоялъ противъ дверей, зашевелился, пошелъ по землѣ и заговорилъ: „братья дали каши всѣмъ бурханамъ, а меня одного обидѣли, не давъ ничего, и я ихъ за это выдамъ". При этомъ аями указалъ чертямъ, гдѣ спрятана дѣвушка. Черти открыли подземелье, схватили дѣвушку и уволокли съ собой въ домъ старика и старухи, гдѣ младшій братъ нашелъ слѣдъ зайца. Старуха, мать чертей, упросила ихъ, чтобы дѣвушку пока оставили у нея; она откормитъ ее и отдастъ, затѣмъ, имъ на съѣденіе. Черти исполнили ея просьбу, пообѣщавъ вернуться за дѣвушкой черезъ три дня.

Когда они ушли, старикъ взялъ нарту и, приказавъ дѣвушкѣ сѣсть на нее, толкнулъ ее; дѣвушка помчалась. Долго ли она летѣла на нартѣ, она не помнила, но когда пришла въ себя, то увидѣла, что очутилась около богатой фанзы, въ которой нашла пожилую женщину, очень ласково ее принявшую.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды пришли къ фанзѣ два человѣка и, взявъ съ собою обѣихъ женщинъ, привели ихъ въ большую деревню, гдѣ и отпраздновали свадьбы.

Сказаніе объ одинокомъ человѣкѣ.

Нѣкогда жилъ амута-марга (одинокій человѣкъ): ежедневно онъ ходилъ на охоту, добывая себѣ пищу и никогда не оставался въ теченіе дня въ фанзѣ, посѣщая ее только для ночлега.

Однажды, онъ не пошелъ на охоту и остался дома; послѣ полудня, къ нему пришелъ богатырь, человѣкъ громаднаго роста, Дзгиренту-мафа. Марга накормилъ гостя и предложилъ ему переночевать.

„Иду вверхъ по Амуру, сталъ говорить богатырь, я слышалъ, что, въ разстояніи мѣсяца ходу отсюда, есть большая деревня, Ирга, и тамъ живетъ гольдъ, по имени Хайлангъ-Томуха, дочь котораго, Хамза-Хагала, считается первой красавицей на Амурѣ; что въ жены получитъ ее только тотъ, кто одною стрѣлою прострѣлитъ 9 желѣзныхъ лопатъ, 9 иголокъ и 9 досокъ; кто, по выполненіи этого условія, подниметъ и отброситъ за нѣсколько саженей огромный камень. Много тысячъ народа перебывало тамъ и никто не могъ выполнить эту задачу. Лукъ, изъ котораго необходимо стрѣлять, желѣзный и такой тяжелый, что его едва можно поднять, а натянуть тетиву могли только нѣсколько человѣкъ, и то не до конца. Иду, говоритъ богатырь, посмотрѣть на состязаніе: хоть я и старъ, и силы у меня уже не молодыя, но все таки пойду. Пойдемъ со мною: ты, парень молодой, попробуй свое счастье".—„Какъ я уйду, отвѣчаетъ марга, у меня всѣ амбары полны мясомъ, а караульщика нѣтъ".—„Ничего, отвѣчаетъ старикъ, забьемъ всѣ двери, никто не тронетъ".

На другой день, заколотивъ всѣ амбары, они плотно поужинали, съѣвъ, на дорогу, 6 кабаньихъ головъ, 5 сохатиныхъ, 30 головъ маленькаго и 7 головъ большого медвѣдя, послѣ чего легли спать. На утро, марга собралъ свои вещи, взялъ лыжи и спрашиваетъ старика: „Дзгиренту-мафа (такъ звали пришедшаго),

а твои лыжи гдѣ?"—„Я хожу безъ лыжъ; иди впередъ, а я тебя догоню".

Марга пошелъ и видитъ, что Мафа, нагнавъ его, свернулъ въ сторону; повернулъ за нимъ и марга и пошелъ по слѣдамъ своего спутника. Но какъ ни торопился марга, но мухапъ скоро исчезъ на горизонтѣ; наконецъ марга увидѣлъ, что и слѣдъ его совершенно затвердѣлъ, значитъ Мафа прошелъ давно.

Долго, такимъ образомъ, шелъ марга, пока не дошелъ до утеса, съ вершины котораго его кто то окликнулъ. Марга оглянулся и видитъ, что на утесѣ стоитъ какая то женщина, очень маленькаго роста, и говоритъ маргѣ: „не торопись, ты муха не догонишь: онъ большой шаманъ и обманулъ тебя, будто онъ тихо ходитъ. Если ты раньше его не придешь въ деревню, то будешь у его дочери въ работникахъ; если же догонишь его, то его дочь будетъ твоею. Я тебѣ помогу; лови, я бросаю тебѣ пару желѣзныхъ бурхановъ секке, они упадутъ къ тебѣ на лыжи, одинъ на правую, а другой на лѣвую; лови еще пару серебряныхъ аджеха, надѣнь ихъ себѣ на грудь и тогда полетишь, какъ вѣтеръ и перегонишь старика". Въ заключеніе, женщина прибавила: „онъ одинъ мѣсяцъ ѣстъ обыденную человѣческую пищу, а другой мѣсяцъ питается человѣческимъ мясомъ".

Простившись съ женщиной, марга полетѣлъ, какъ вихрь, скоро перегналъ старика и, къ полудню, пролетѣлъ мимо небольшой деревни, среди которой увидѣлъ, передъ одной изъ фанзъ, шесть вбитыхъ кольевъ и, тутъ же, сидящую, всю въ красномъ, женщину. Марга крикнулъ ей: „позади меня идетъ старикъ Мафа, мой отецъ; теперь у него тотъ мѣсяцъ, когда онъ питается человѣческимъ мясомъ; скажи ему, что ты жена его сына и онъ тебя не тронетъ". Съ этими словами марга полетѣлъ дальше.

Трое сутокъ летѣлъ онъ и, наконецъ, увидалъ передъ собою огромную деревню, точно городъ. Подошелъ марга къ дому Хайланта-Мафа и поставилъ свои лыжи къ стѣнѣ, затѣмъ вошелъ въ фанзу и поклонился хозяину и дочери, которые накормили его, угостили табакомъ и пригласили остаться ночевать. Вдругъ, ночью дѣвушка закричала: „мать, зажги огонь, меня кто то трогаетъ! я поймала его за руку и держу". Зажгли огонь, смотрятъ, около дѣвушки никого нѣтъ, а держитъ она

сама себя за руку. Дѣвушка всю ночь спала тревожно и все кричала, что ее кто то трогаетъ.

Утромъ старикъ говоритъ молодому человѣку: „у меня постоянно ночуютъ пріѣзжіе и никогда ничего подобнаго не было, чтобы дочь такъ безпокойно спала. Сознайся, что это ты ее трогалъ". Марга отрицалъ свою виновность, но и дѣвушка вступилась за него, говоря, что она чуетъ, что тотъ, кто ее безпокоилъ, находится спрятаннымъ въ фанзѣ. Начали всюду шарить, но ничего не нашли; послѣ того марга подошелъ къ дверямъ приподнялъ крышку отъ деревянной кадки, какъ вдругъ оттуд выскочилъ человѣкъ объ одной рукѣ, одной ногѣ, съ одним глазомъ и ухомъ (гагданчу-марга, полъ-человѣка), всталъ посреди фанзы и говоритъ дѣвушкѣ: „чего ты кричала всю ночь? къ чему выдала меня? я никого не боюсь: ни васъ, ни марги". При этомъ гагданчу ударялъ себя, трижды, по заду; по первом удару всѣ упали навзничь и заснули, но марга и дѣвушка остались невредимы; послѣ второго удара гагданчу, марга почувствовалъ головокруженіе, а послѣ третьяго удара свалился н полъ фанзы. Дѣвушка подхватила маргу, обняла его и начала горько плакать; марга едва прошепталъ: „приподними меня, посади къ стѣнѣ, мнѣ будетъ легче". Дѣвушка исполнила его просьб и маргѣ сдѣлалось легче.

Послѣ этого марга, обращаясь къ дѣвушкѣ, сказалъ: „неужели я погибну? у меня дома есть бурханъ джули, сдѣланны изъ мягкаго камня, у него на груди виситъ половина толи я прошу тебя, джули, приди, помоги мнѣ". Лишь толь онъ выговорилъ эти слова, какъ его схватилъ сильный озноб и начало всего трясти, послѣ чего марга вдругъ выздоровѣлъ, всталъ на ноги и говоритъ гагданчу: „пойдемъ на улицу бороться"; тотъ согласился и они пошли.

Марга схватилъ гагданчу за плечи и началъ размахива имъ по воздуху, приговаривая: „въ трехъ дняхъ ходу отсюд вверхъ по Амуру, съ лѣвой руки, впадаетъ въ Амуръ рѣка, у устьѣ которой живетъ хуель-мама (рогатая старуха), дочь которой, Хунчунка-Фуди, будетъ моею женою. Она большая шаманк я видѣлъ сонъ, будто Фуди, превратившись въ акулу, приплыветъ сюда, послѣ чего вода въ Амурѣ сдѣлается горяче и я брошу тебя въ пасть этой акулѣ". При этихъ словах появилась акула, подплыла къ берегу, широко разинув па

а марга, еще разъ махнувъ гагдачу въ воздухѣ, бросилъ его акулѣ въ пасть.

Послѣ этого марга вернулся домой, гдѣ всѣ продолжали лежать замертво; тогда онъ всталъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ гагдачу и хлопнулъ три раза въ ладоши, и всѣ ожили. Одни изъ проснувшихся разсказывали, [illegible] они [illegible] спали, другіе были убѣждены, что были [illegible] Хайланъ-Ту[illegible] марга, поблагодарилъ его за спасеніе и объявилъ, что состязаніе изъ-за руки его дочери Хамза-Хатала является не нужнымъ, такъ какъ дочь его и вся его деревня отнынѣ принадлежатъ маргѣ. При этомъ Хайланъ приказалъ строить баркасы и готовиться къ отплытію и къ свадьбѣ, которая вскорѣ и состоялась.

Трое сутокъ шло веселье, какъ вдругъ пришелъ Джиренту-Мафа, очень обрадованный, что дочь Хайлана досталась марга. Мафа разсказалъ, что, проходя мимо одной деревни, [illegible] времени, когда онъ питался человѣческимъ мясомъ, онъ помиловалъ одну женщину, заявившую ему, что она жена его сына, Мафы.

Когда торжества окончились и баркасы были готовы, то вся деревня собралась къ берегу; на первомъ баркасѣ помѣстились Мафа съ сыномъ, марга съ молодой женой и старуха мать, а на остальныхъ размѣстились работники. Однажды, во время плаванія, марга стоялъ на носу баркаса и задумчиво глядѣлъ на воду; но его думы были прерваны неожиданнымъ образомъ: выглядывая по поясъ изъ воды, показался гагдачу и закричалъ ему: „ты увозишь мою дѣвку! ты взялъ ее себѣ въ жены! но я послѣ тебя женюсь на ней. Акула проглотила меня, а я выскочилъ изъ ея пупа“. Съ этими словами гагдачу исчезъ.

Долго плыли баркасы, наконецъ доплыли до той деревни, гдѣ марга оставилъ дѣвушку, которую онъ спасъ отъ аппетита Мафы, и, взявъ ее себѣ также въ жены, поплылъ дальше.

Пріѣхавъ къ дому, марга началъ обстраиваться и скоро образовалась большая деревня. Однажды Джиренту-Мафа пришелъ прощаться съ маргой, говоря: „я ухожу; у меня есть дочь, она большая шаманка, я отдаю ее тебѣ въ жены; она сама явится къ тебѣ. Если когда нибудь тебѣ будетъ трудно, я къ тебѣ явлюсь по первому зову.“

Вскорѣ явилась дочь Мафы и та дѣвушка, которая была акулой и были отпразднованы еще двѣ свадьбы и сталъ марга жить съ четырмя женами.

Однажды, когда марга ушелъ на охоту, въ деревню явился гагданчу, собралъ всѣхъ на баркасъ и уплылъ съ ними вверхъ по Амуру. Но лишь только баркасы отплыли, вернулся домой марга и, понявъ въ чемъ дѣло, схватилъ лукъ и стрѣлы и побѣжалъ по берегу, въ обходъ баркасовъ; спрятавшись въ кустахъ, онъ сталъ выжидать плывущихъ и скоро увидалъ приближающіеся баркасы, на мачтѣ одного изъ которыхъ висѣла, въ кулѣ, его жена Хамза, а гагданчу, сидя на носу этого передового баркаса, командовалъ всей флотиліей. Марга вложилъ стрѣлу, натянулъ тетиву, прицѣлился и стрѣла, съ визгомъ, вонзилась прямо въ грудь гагданчу. Падая въ воду, гагданчу вытащилъ стрѣлу изъ груди и бросилъ ее. Марга вернулъ баркасы обратно.

Прошелъ годъ. Однажды марга, въ теплый солнечный день, пожелалъ отдохнуть на улицѣ; жены его устроили ему палатку, онъ легъ и послалъ одну изъ женъ за трубкой; жена, исполнивъ порученіе, вернулась обратно къ палаткѣ; марга потянулся за поданной ему трубкой и, со стономъ, упалъ съ досокъ. Въ груди у марга оказалась стрѣла, которая, выйдя черезъ спину, соединилась съ своимъ хвостомъ, образовавъ плотное желѣзное кольцо, охватившее его лѣвый бокъ; марга лежалъ мертвымъ. На берегу появился гагданчу и закричалъ женамъ марги: „ну, что, на этотъ разъ марга, кажется, мертвъ. Готовьтесь къ отъѣзду: черезъ трое сутокъ я пришлю за вами работниковъ". Съ этими словами онъ исчезъ.

Жены перенесли своего мужа въ фанзу и, положивъ на доски, около наръ, старались вынуть стрѣлу, но всѣ ихъ старанія оказались напрасны. Тогда онѣ начали шаманить и звать своихъ родителей-шамановъ на помощь; явились Хуель-мама и Джиренту-Мафа, которые шаманили всю ночь, пока наконецъ, не вынули стрѣлу и не воскресили маргу.

Преисполненный жаждой мщенія, марга, на слѣдующее же утро отправился искать гагданчу. Старики посовѣтовали ему отыскать душу гагданчу. Хуель-мама, ея дочь и дочь Джиренту-мафа превратились въ птицъ ([illegible]) и полетѣли на помощь марга, который, вмѣстѣ съ Джиренту-Мафа, пошелъ пѣшкомъ.

Еще солнце стояло высоко на небѣ, когда марга дошелъ до деревни гагданчу. Хозяина деревни не было дома; жены встрѣтили маргу ласково, накормили и угостили табакомъ, а къ вечеру пришла Хуель-мама, которой удалось отыскать душу гагданчу. Поздно вечеромъ вернулся и самъ гагданчу, поѣлъ, не

раздѣваясь, закурилъ трубку и спрашиваетъ своихъ женъ: „угощали ли гостей, давали ли имъ ханшины?“ При этомъ онъ приказалъ снова разогрѣть кувшинчикъ съ ханшиной, взялъ его въ руки и началъ кланяться марга въ ноги, прося, чтобы тотъ возвратилъ ему его ерга, чтобы его не убивали. Марга, отказавшись отъ ханшины, сказалъ: „проси у Хуель-мама, ерга находится у нея“. Гагданчу до полуночи просилъ марга вернуть ему его душу: „я первый не стрѣлялъ въ марга, я только мстилъ ему за его выстрѣлъ по мнѣ“. Долго молилъ гагданчу Хуель-мама, пока наконецъ она не согласилась не убивать его, но съ тѣмъ, что ерга вѣчно будетъ находиться у нея и что гагданчу выдастъ свою сестру за марга и самъ, со своими женами, переселится къ нимъ въ деревню.

Такъ и случилось: черезъ нѣсколько дней гагданчу перекочевалъ къ марга, который, въ лицѣ сестры гагданчу, пріобрѣлъ хорошую жену, а въ самомъ гагданчу отличнаго работника. Ерга осталась у Хуель-мама.

Сказаніе о бездѣтныхъ супругахъ.

Нѣкогда жили двое бездѣтныхъ гольдовъ, мужъ и жена. Мужъ ежедневно ходилъ на охоту и былъ хорошимъ промышленникомъ. Однажды, когда онъ вернулся съ охоты, жена говоритъ ему: „мы живемъ одиноко, ты уходишь на охоту, я шью, хожу по воду, готовлю пищу; мнѣ необходимъ помощникъ, работникъ“.

На другой день, когда гольдъ ушелъ на охоту, въ полдень пришли въ фанзу двое неизвѣстныхъ людей, которыхъ хозяйка накормила и спрашиваетъ: „куда вы идете?“ —„Вчера вечеромъ, отвѣтили пришедшіе, мы слышали вашъ разговоръ, что вамъ необходимъ работникъ, вотъ мы и пришли. Будемъ бороться съ тобой: если ты насъ обоихъ поборешь, то мы поступимъ къ тебѣ въ работники; одинъ изъ насъ будетъ ходить по дрова, другой по воду; въ противномъ случаѣ, ты сдѣлаешься женою одного изъ насъ, а мужъ твой будетъ его работникомъ“. Женщина положила свою работу на нары, расчесала волосы, заплела ихъ въ двѣ косы, причемъ одною обвила голову, а другою поясницу и вышла

на улицу. Долго они боролись, пока, наконецъ, она не поборола обоихъ. После того она дала одному изъ нихъ топоръ, другому ведро и послала ихъ работать. Къ вечеру вернулся домой хозяинъ и видитъ, что въ домѣ есть работники, однако, не спросилъ, откуда они взялись.

На утро хозяинъ снова ушелъ на охоту, а работники, вечеромъ, пошли въ лѣсъ и принесли его добычу домой; это повторялось и въ слѣдующіе дни. Зажили гольды тихою, спокойною жизнью.

Однажды, работники услышали шаги около фанзы, по снѣгу. Они вышли посмотрѣть и видятъ, что къ фанзѣ приближается сѣдой старикъ съ кабаньей головой, который затѣмъ вошелъ въ фанзу и сѣлъ на нары. Ему подали рыбу и кашу, затѣмъ женщина подала ему трубку, а сама сѣла шить. Старикъ говоритъ ей: „я слыхалъ, что вамъ нуженъ работникъ, что мужъ твой лучшій охотникъ на Амурѣ, а ты самая хитрая женщина, сумѣвшая побороть самыхъ сильныхъ и ловкихъ мужчинъ. Я живу далеко за моремъ, въ большой деревнѣ. Давай бороться: если ты побѣдишь, то я со всей деревней перекочую къ тебѣ, если же я тебя поборю, то ты будешь моею женою, а мужъ твой моимъ работникомъ“.

Женщина заплела свои волосы въ двѣ косы, одною обвила голову, другою поясницу, за пазуху положила небольшой ножикъ и вышла на улицу. Началась борьба; долго боролись они, наконецъ старикъ, побѣжденный, упалъ, а женщина сѣла на него, достала ножикъ, надрѣзала ему на носу кожу и говоритъ: „теперь ты отъ меня не уйдешь, ты клейменый; иди къ себѣ въ деревню, гони всѣхъ сюда жить“. Старикъ ушелъ. Когда вернулся домой хозяинъ, жена ему ничего не сказала о случившемся.

Черезъ три дня, когда мужъ ея, по обыкновенію, ушелъ на охоту, работники отправились въ лѣсъ за добычей, а женщина осталась одна въ фанзѣ. Вдругъ, изъ одной печки вышла головешка и перешла въ другую печку, а изъ этой послѣдней вышла другая головешка и перешла въ первую печь; въ котлѣ забурлила вода, земля на полу фанзы заколебалась и изъ подъ земли появилась громадная фигура человѣка съ желѣзною охотничьею шапкою на головѣ. Женщина испугалась, сварила наскоро кашу и рыбу и стала угощать гостя, но тотъ отказался отъ угощенія и говоритъ женщинѣ: „я пришелъ за тобой, собирайся скорѣе, пойдемъ ко мнѣ“. Женщина онѣмѣла отъ испу-

га и не могла вымолвить ни слова. Тогда человѣкъ схватилъ ее за косу и началъ тащить въ подземелье, но, встрѣтивъ съ ея стороны серьезное сопротивленіе, провозился съ нею до вечера, но все таки не могъ стащить ее съ наръ. Видя же, что ему одному не справиться и что наступаетъ пора, когда хозяинъ и работники должны вернуться домой, онъ началъ звать свою жену: „иди скорѣй на помощь, не могу справиться съ этой женщиной, у нея волосы желѣзные; иди, помоги, да захвати съ собой желѣзный мѣшокъ". На его зовъ появилась изъ подъ земли старуха, схватила женщину за косы и засадила въ мѣшокъ. Затѣмъ они исчезли въ подземелье, унеся съ собой и хозяйку фанзы, послѣ чего земля закрылась надъ ними и все сдѣлалось по прежнему.

Вечеромъ вернулся хозяинъ, удивился, что въ фанзѣ темно и сталъ звать свою жену, но, не получая отвѣта, зажегъ лучину и увидѣлъ, что нары поломаны и вещи разбросаны; вышелъ на улицу, но и тамъ не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ.

Крайне удивленный, онъ легъ спать и увидѣлъ сонъ, будто надъ его головой зашевелились висѣвшіе на стѣнѣ два бурхана аджеха, принадлежавшіе его женѣ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „аджемарга, зачѣмъ ты спишь, твою жену похитили; пришелъ изъ подъ земли человѣкъ, ендури-оха-муха, и унесъ твою жену къ себѣ въ Емангу-Солсалани, на верхнемъ Амурѣ".

Проснувшись, съ разсвѣтомъ, хозяинъ дѣйствительно увидѣлъ висящихъ на стѣнѣ аджеха, снялъ ихъ и надѣлъ себѣ на грудь, а затѣмъ взялъ лукъ и стрѣлы и пошелъ вверхъ по Амуру.

Шелъ онъ, на лыжахъ, очень скоро, шелъ два дня и двѣ ночи. На третій день, послѣ полудня, онъ увидѣлъ, на лѣвой сторонѣ Амура, утесъ, съ фанзой на вершинѣ. Обрадовался гольдъ, что дошелъ, наконецъ, до жилища. Подойдя къ утесу и увидѣвъ вездѣ разбросанныя кости, онъ, какъ страстный охотникъ, позавидовалъ этому промысловому мѣсту: „останусь я здѣсь на нѣсколько дней, подумалъ онъ, поохочусь, отдохну", и направился къ фанзѣ, у дверей которой валялось множество человѣческихъ череповъ. Изъ фанзы вышелъ маленькій, совершенно лысый человѣкъ, Хого-Наочка, поздоровался съ охотникомъ и пригласилъ его въ фанзу.

Войдя туда, гольдъ увидѣлъ, что на боковыхъ нарахъ сидѣли двѣ женщины, изъ которыхъ одна грызла человѣческую

голову, а другая руку. Увидя вошедшаго, женщины бросили свою ѣду въ сторону и занялись разведеніемъ огня. Хото угостилъ гостя табакомъ и спросилъ его, не хочетъ ли онъ вареннаго человѣческаго мяса. -„Хочу, отвѣтилъ гость, я ѣмъ человѣческое мясо". Тогда женщины притащили трупъ человѣка, изрубили его на мелкіе куски, положили въ котелъ и, когда мясо сварилось, подали гостю. Гольдъ подумалъ: „какъ же я буду ѣсть человѣческое мясо?" Онъ выкопалъ потихоньку, одною рукою, на нарѣ ямку, положилъ туда половину поданнаго ему мяса и сказалъ Хото: „убирай мясо, я насытился и больше не хочу". Хото чрезвычайно удивился, что гость ѣстъ человѣческое мясо.

Наступила ночь. Всѣ легли спать; гостя накрыли старыми платьями; Хото положилъ къ себѣ длинный топоръ. Но гольдъ не могъ заснуть, его одолѣвало чувство страха, что Хото замышляетъ убить его. Поднявшись осторожно, онъ рѣшилъ: „пойду я къ одной изъ женщинъ и лягу съ ней, тогда Хото не посмѣетъ меня убить". Но, пробираясь, ощупью, ползкомъ по нарамъ, онъ нечаянно задѣлъ, за грудь, одну изъ женщинъ, та проснулась и спрашиваетъ его: „чего тебѣ надо, хочешь выйти на улицу, или, можетъ быть, пить хочешь?" „Нѣтъ, отвѣтилъ гольдъ, я пришелъ къ тебѣ спать". — „Я не человѣкъ, говоритъ ему женщина, я вѣдьма; если ты меня не боишься, то ложись". Гольдъ легъ рядомъ съ вѣдьмой, но, замѣтивъ, что кожа у нея какъ бы покрыта иглами, невольно отодвинулся отъ нея. Въ это время Хото проснулся, взялъ топоръ и направился къ тому мѣсту, гдѣ спалъ гольдъ, но, приподнявъ тряпье, покрывавшее его постель, и уже замахнувшись топоромъ, страшно разсердился, не нашедши гольда на своемъ мѣстѣ; онъ пошелъ по нарамъ искать его и уже, было, приблизился къ нему, но въ это время вѣдьма застонала. Хото отскочилъ въ другой уголъ фанзы, притаился, на время, и вновь попробовалъ подкрасться къ гостю, но второй стонъ вѣдьмы, сильнѣе перваго, заставилъ его опять удалиться.

Съ разсвѣтомъ, вѣдьма, въ образѣ женщины, у которой спрятался гольдъ, встала, начала подметать фанзу и затапливать печь, но печь совершенно не разгоралась, благодаря отсутствію тяги въ трубѣ; начали искать причину и нашли сдѣланную, наканунѣ, гольдомъ въ нарѣ дыру, черезъ которую онъ просунулъ въ трубу несъѣденное имъ человѣческое мясо. Другая женщина, старуха, разсердилась и говоритъ вѣдьмѣ: „этотъ человѣкъ обманулъ

тебя, онъ не ѣстъ человѣческаго мяса. Вмѣсто того чтобы убить его, ты взяла его къ себѣ ночевать“.

Гольдъ, поѣвши каши, началъ собираться въ путь. Вѣдьма стала упрашивать его: „останься еще на одинъ день: ты успѣешь догнать свою жену, она еще жива: сидури-охо-муха повѣсилъ твою жену, въ желѣзной клѣткѣ, въ фанзѣ своей дочери, надъ печкой, а дочь муха человѣческаго мяса не ѣстъ, она не вѣдьма. Муха со старухой будутъ трое сутокъ плясать во вселенной, шаманить, и ты успѣешь еще дойти. Дочь муха сжалилась надъ твоей женой, выпустила ее изъ клѣтки, кормитъ ее и ждетъ твоего прихода, чтобы отдать ее тебѣ. Завтра утромъ ты уйдешь отъ насъ, съ разсвѣтомъ, и еще рано дойдешь до муха; дочь муха укажетъ тебѣ, что нужно далѣе дѣлать“.

Гольдъ остался у вѣдьмы до утра. На другое утро вѣдьма дала ему пару бурхановъ аджеха и монои-буччу, сказавъ при этомъ: „иди къ муха, я буду слѣдовать за тобой и, въ случаѣ опасности, приду къ тебѣ на помощь“.

Послѣ полудня гольдъ дошелъ до деревни муха, гдѣ, отыскавъ домъ его дочери, осторожно подошелъ къ окну; намочивъ слюной замѣнявшую оконныя стекла бумагу и сдѣлавъ ее, такимъ образомъ, прозрачной, онъ посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что на нарахъ, въ фанзѣ, сидитъ его жена, худая какъ тѣнь, а рядомъ съ ней лежитъ, полупьяная, дочь муха. Вошедши въ фанзу, гольдъ поздоровался; его встрѣтили съ выговоромъ, что онъ долго не приходилъ: „завтра, говорила дочь муха, настанетъ послѣдній день ожиданія: послѣ полудня вернется муха со старухой, чтобы заколоть насъ, а потому нужно приготовиться“. Угостивъ пришедшаго кашей, халшиной и табакомъ, дѣвушка сказала гостю: „ты славишься первымъ стрѣлкомъ на Амурѣ. Завтра будетъ ясный, тихій день: въ полдень, высоко на небѣ, будешь видѣть большой шаръ, висящій на волоскѣ: нужно перебить этотъ волосокъ и поймать шаръ, въ которомъ находятся черныя яйца, души (ерга) моего отца и матери. Если ерга достанутся намъ, то и жизнь стариковъ будетъ въ нашихъ рукахъ и мы спасены“.

На другой день, въ полдень, высоко въ небесахъ, ясно показался шаръ, какъ бы висящій въ воздухѣ. Гольдъ, увидѣвъ его, быстро схватилъ лукъ и стрѣлу и прицѣлился повыше шара: стрѣла засвистала въ воздухѣ и шаръ началъ медленно опускаться

на землю. Вдругъ земля покрылась густымъ туманомъ; женщины, съ испугу, начали метаться во всѣ стороны; гольдъ же остался на мѣстѣ и, поймавъ падающій шаръ, спряталъ ерга за пазуху. Когда туманъ исчезъ, гольдъ спрашиваетъ женщинъ: „ну, что, поймали шаръ?"—„Нѣтъ, не поймали, онъ, вѣроятно, улетѣлъ и намъ сегодня будетъ конецъ". „Не тревожтесь, я поймалъ его", сказалъ гольдъ и съ этими словами, вытащивъ шаръ изъ за пазухи, разбилъ его и вынулъ изъ него два черныхъ яйца, представлявшія собою не что иное, какъ души (ерга) старика и старухи.

На слѣдующее утро издалека послышался шумъ отъ полета муха со старухой. Полетъ ихъ сопровождался веселыми звуками, которые, становясь все веселѣе, по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, вдругъ прекратились. Дѣвушка, въ тревогѣ, говоритъ гольду: „муха узналъ, что черныя яйца находятся у тебя; онъ пошлетъ къ тебѣ работниковъ, звать тебя къ себѣ въ гости и ласковыми словами, лестью и хитростью постарается выманить у тебя яйца; будь остороженъ". Дѣйствительно, только что дѣвушка успѣла произнести послѣднія слова, какъ въ фанзу вошли посланные муха. Гольдъ спряталъ ерга за пазуху и послѣдовалъ за посланными, въ фанзу муха, который встрѣтилъ его очень любезно, сталъ угощать, чѣмъ только могъ и затѣмъ началъ просить его: „не убивай меня, я виноватъ передъ тобой въ томъ, что похитилъ твою жену; но ты нашелъ ее, возьми ее обратно; возьми также, если хочешь, и мою дочь, но только отдай мнѣ черныя яйца; я всегда буду помогать тебѣ въ будущемъ". — „Хорошо, сказалъ гольдъ, я отдамъ тебѣ яйца; куда положить ихъ? открой ротъ, я брошу ихъ тебѣ въ ротъ". Муха открылъ ротъ и гольдъ бросилъ яйца, но только не въ ротъ, а въ лобъ, при чемъ яйца разбились и муха со старухой погибли.

Вернувшись обратно въ фанзу, гдѣ оставались его жена и дочь муха, гольдъ приказалъ развести огонь и сжечь умершихъ.

На другой день гольдъ, съ обѣими женщинами, взявъ самую большую лодку, откочевалъ внизъ по Амуру. Проплывая мимо фанзы Хото, онъ отправилъ далѣе однихъ женщинъ на лодкѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, разсчитывая навѣстить вѣдьмъ, въ фанзѣ которыхъ онъ воспользовался ночлегомъ. Тамъ онъ засталъ обѣихъ женщинъ, бывшихъ ранѣе вѣдьмами, теперь же превратившихся въ людей, и забралъ съ собой обѣихъ сестеръ,

сдѣлавъ и вторую своей женой (первая стала его женой еще во время его ночлега въ этой фанзѣ).

По возвращеніи къ себѣ домой, гольдъ, вмѣсто одной, оставленной имъ фанзы, засталъ цѣлую большую деревню, такъ какъ старикъ уже перекочевалъ къ нему со всей своей деревней и сдѣлался у него работникомъ.

Съ тѣхъ поръ гольдъ сталъ жить привольно и богато со своими четырьмя женами; онъ продолжалъ по прежнему ходить на охоту, а работники, съ своей стороны, приносили ему пушнину, которую онъ отсылалъ для продажи цѣлыми баркасами.

Сказаніе о братѣ и сестрѣ.

Въ одинокой фанзѣ жили нѣкогда братъ и сестра; братъ ходилъ на охоту, а сестра работала. Однажды братъ не пришелъ ночевать; не вернулся онъ и на слѣдующій день. Въ полдень, въ отсутствіе брата, въ фанзу вошелъ высокій, сухой старикъ, къ которому дѣвушка обратилась съ вопросомъ, не видѣлъ ли онъ брата. Старикъ отвѣтилъ отрицательно. Дѣвушка сварила ему мяса и подала. Старикъ, дѣлая видъ, что ѣстъ поданное мясо, въ то время когда дѣвушка отворачивалась, бросалъ его въ сторону и, наконецъ, сказалъ ей: „не корми меня мясомъ, я только что, по дорогѣ, ѣлъ, не ожидая встрѣтить здѣсь жилье". Отказъ старика сильно перепугалъ дѣвушку, такъ какъ она подумала, что это чертъ, людоѣдъ (буссу), избѣгающій обыкновеннаго мяса и предпочитающій питаться человѣческимъ.

Вечерѣло. Старикъ остался ночевать. Едва только дѣвушка успѣла забыться, ей приснился сонъ, будто къ ней явилась какая то женщина и говоритъ: „не спи, у тебя въ фанзѣ буссу, онъ утромъ убьетъ тебя и съѣстъ; онъ встрѣтилъ въ лѣсу твоего брата и уже убилъ и съѣлъ его, почему сейчасъ сытъ и крѣпко спитъ, но утромъ тебѣ не миновать смерти". Проснувшись въ сильномъ испугѣ, дѣвушка выбѣжала на улицу и хотѣла убѣжать, но куда? Фанза стояла совершенно одиноко и кругомъ не было никакого жилья. Она вернулась въ фанзу и, стараясь себя успокоить, кое какъ заснула. Но ей опять яви-

лась во снѣ та же женщина и говоритъ: „иди на берегъ Амура, тамъ стоитъ оморочка, сядь въ нее, оттолкнись и оморочка сама поплыветъ, куда тебѣ нужно; положись на меня". Дѣвушка вновь проснулась, вышла потихоньку на берегъ и дѣйствительно нашла тамъ оморочку, сѣла въ нее, оттолкнулась и поплыла по широкому Амуру.

Дѣвушка плыла всю ночь и весь день, послѣ чего, къ вечеру, оморочка пристала къ одной деревнѣ. Дѣвушка увидѣла на берегу ту самую женщину, которая являлась ей во снѣ и которая теперь кричала: „не ходи сюда, плыви дальше: здѣсь живетъ буссу; онъ теперь играетъ въ бубенъ, шаманитъ, ищетъ тебя". Съ этими словами она подошла къ дѣвушкѣ, ударила ее по головѣ и дѣвушка тотчасъ превратилась въ здороваго мужчину. „Иди теперь въ фанзу, но не показывай черту виду, кто ты и помогай ему разогрѣвать бубенъ и пляши съ нимъ". Когда онѣ вошли въ фанзу, тамъ въ это время плясала мать буссу, говоря: „дѣвушка уплыла на оморочкѣ и утонула". Послѣ этого взялъ бубенъ самъ буссу, ударилъ въ него два раза и закричалъ, указывая на превратившуюся въ мужчину дѣвушку: „схватите этого мужчину за плечи, ударьте его объ землю и тогда увидите, гдѣ дѣвушка". Приказаніе буссу было исполнено: мужчину схватили, ударили объ землю и онъ опять превратился въ дѣвушку, которую тотчасъ же запихали въ куль и повѣсили надъ печкой. Женщина же, покровительница дѣвушки, исчезла неизвѣстно куда. Послѣ того буссу легъ отдохнуть, отдавъ приказаніе готовиться завтра къ жертвоприношенію въ честь бурхана сооиъ, свиньи.

Наступила ночь, всѣ легли спать; буссу же долго притворялся спящимъ, посматривая однимъ глазомъ за мѣшкомъ; но наконецъ и онъ заснулъ.

Вися подъ потолкомъ, дѣвушка увидѣла чрезъ дыру въ потолкѣ, что по вышкѣ бѣгаетъ лиса: подбѣжавъ къ жердямъ, на которыхъ висѣлъ куль съ дѣвушкой, она перегрызла прикрѣплявшій куль веревку, и куль съ шумомъ упалъ на полъ. Буссу проснулся, простоналъ и опять заснулъ. Послѣ этого лиса, превратившись въ палку, осторожно спустилась черезъ потолокъ въ фанзу и, претерпѣвъ обратное превращеніе, развязала куль, послѣ чего превратилась уже въ женщину и увела съ собой дѣвушку изъ фанзы.

Онѣ шли всю ночь; наконецъ, съ разсвѣтомъ, дошли до утеса, на которомъ стояла фанза. Здѣсь, по словамъ женщины спасительницы, жили братъ и сестра, оба большіе шаманы. Идя въ фанзу, женщина ободряла дѣвушку: „шамана нѣтъ дома и женщина, одна, сидитъ на нарахъ, спиною къ дверямъ; поклонись ей до земли три раза, первый разъ въ дверяхъ, второй посреди фанзы и въ третій передъ нею: если она повернется и посмотритъ на тебя, то все будетъ хорошо, если же не обратитъ на тебя вниманія, то ты все таки не отчаявайся и садись около печи, но ни въ какомъ случаѣ не на нары, и сиди тамъ до вечера. Бусеу, слѣдовательно, и твое спасеніе, у нея въ рукахъ, если только она будетъ милостива съ тобой и пригласитъ тебя переночевать“.

Дѣвушка точно выполнила полученный совѣтъ и, войдя въ фанзу, трижды поклонилась хозяйкѣ и сѣла около печи. Долго она сидѣла въ страхѣ; наконецъ, женщина шаманка встала, чтобы выдти на улицу и, увидѣвъ дѣвушку, разспросила ее обо всемъ и сказала ей: „да, бусеу бѣдовый, даже мы едва съ нимъ справляемся; оставайся у насъ ночевать“.

Вечеромъ вернулся домой шаманъ. Они накормили дѣвушку и уложили ее спать. Ночью, братъ шамана, во снѣ, громко запѣлъ: „бусеу идетъ; не пущу его, выйду къ нему навстрѣчу“; послѣ чего они оба, братъ и сестра, вышли на улицу, встрѣчать бусеу, говоря дѣвушкѣ: „убить бусеу мы не можемъ, мы можемъ его лишь временно отгонять отъ нашей фанзы, тебя же онъ все равно найдетъ. Уходи скорѣй отъ насъ, пока мы будемъ съ нимъ бороться“. Дѣвушка встала, одѣлась и, съ разсвѣтомъ, пошла, куда глаза глядятъ.

Шла она черезъ горы и черезъ рѣки въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, пока, наконецъ, отъ изнеможенія не упала и крѣпко заснула. Долго ли спала, она не могла припомнить, но когда проснулась, то увидѣла сидящую съ ней рядомъ какую то женщину, которая предлагала ей подкрѣпить свои силы мясомъ. „Для чего ты меня хочешь кормить? дай мнѣ умереть съ голоду“, воскликнула съ горечью дѣвушка. „На, вкуси, что я тебѣ предлагаю, возразила женщина и ты увидишь, что произойдетъ“. Съ этими словами женщина подала дѣвушкѣ какой то пирожокъ, который дѣвушка съѣла и сразу почувствовала себя окрѣпшей. Послѣ этого женщина превратилась въ птицу гаазу, посадила на себя дѣвушку и улетѣла съ ней.

Опустившись уже далеко на берегу Амура, гааза сказала дѣвушкѣ: „я не большая шаманка, а потому и не могу высоко и долго летѣть; пойдемъ пѣшкомъ. Черезъ сутки ходу мы дойдемъ до утеса, на которомъ стоитъ фанза и въ ней живетъ дѣвушка, моя подруга; раньше она была только большой шаманкой, а недавно сдѣлалась вѣдьмой, бусеу, и стала питаться человѣческимъ мясомъ. Иди къ ней и попроси у нея помощи; если она тебѣ не поможетъ, то я тѣмъ болѣе должна буду отказаться отъ тебя“.

Когда онѣ подошли къ фанзѣ, дѣвушка увидѣла передъ домомъ поставленные торо *); ихъ было такъ много, что они образовали какъ бы цѣлый лѣсъ. Около дверей лежалъ помощникъ шаманки, красный волкъ. Введя дѣвушку въ фанзу, женщина попросила шаманку, мать бусеу, помочь ей и затѣмъ сама ушла. Старуха сказала дѣвушкѣ: „вечеромъ придетъ моя дочь; подъ лѣвою рукою она принесетъ убитаго человѣка, а подъ правою козулю; сюда она броситъ козулю, для меня, а туда человѣка, для себя. Лишь только она это сдѣлаетъ, ты тотчасъ же возьми ножъ, разрѣжь человѣка на части и свари его; этимъ ты расположишь къ себѣ бусеу и она, можетъ быть, будетъ къ тебѣ милостива“.

Въ сумерки вернулась бусеу и дѣйствительно принесла человѣка и козулю. Дѣвушка, помня полученное наставленіе, тотчасъ взяла ножъ и, согласно указанію старухи, сварила для вѣдьмы ужинъ и когда ужинъ поспѣлъ, стала угощать бусеу, которая, однако, не обратила на дѣвушку никакого вниманія. Затѣмъ дѣвушка все убрала и подала вѣдьмѣ трубку съ табакомъ и тлѣющую головешку, для раскуриванія. Закуривъ трубку, бусеу обратилась къ своей матери съ вопросомъ: „откуда эта дѣвушка?“ — „Ее привела Анда, съ просьбой помочь ей, отвѣтила мать, такъ какъ за дѣвушкой гонится бусеу“. Послѣ этого вѣдьма позвала дѣвушку къ себѣ: „иди сюда, садись рядомъ со мной; возьми вышей этотъ узоръ“, сказала вѣдьма, протягивая дѣвушкѣ работу. Дѣвушка повиновалась, а сама бусеу принялась за другой узоръ.

Дѣвушка вышила свой узоръ скорѣе бусеу, а когда бусеу окончила свой, тогда она взяла ихъ и начала тщательно сравнивать; при

*) Вбитые въ землю, передъ домомъ, колья, предназначенные для камланія. По вѣрованію гольдовъ, на торо садятся птицы коори, гаазы и др. Около торо ставятся бурханы.

этомъ она посмотрѣла ихъ сначала у окна, затѣмъ на полу, наконецъ понесла ихъ старухѣ матери, съ вопросомъ: „мама, который изъ узоровъ вышитъ лучше? Говори правду; если скажешь неправду, то я тебя убью“. Старуха посмотрѣла и отвѣтила: „прежде, когда ты не была вѣдьмой, вышивала хорошо, теперь же дѣвушкинъ узоръ сдѣланъ лучше“. Бусеу засмѣялась и согласилась съ старухой.

Дѣвушка прожила въ фанзѣ еще нѣсколько дней. Однажды вѣдьма спрашиваетъ ее: „скажи, дѣвушка, гдѣ твой братъ?“ Дѣвушка разсказала ей о своемъ несчастьѣ и передала всѣ свои похожденія, приведшія ее къ ней. Въ отвѣтъ на это вѣдьма сказала: „я твоего брата верну тебѣ и выйду за него замужъ“.

Прошло еще четыре дня и бусеу говоритъ дѣвушкѣ: „чертъ, который гнался за тобою, узналъ, что ты спрятана у меня. Я пойду къ нему навстрѣчу, помѣряться силами. Пять сутокъ на землѣ будетъ мракъ; я буду бороться со всѣми бусеу, которыхъ на землѣ цѣлыя тысячи“. Сказавъ это, вѣдьма исчезла.

Пять сутокъ на землѣ былъ глубокій мракъ и дрожала земля; на шестой день прояснилось. Старуха говоритъ: „дочь моя жива, она всѣхъ побѣдила. Выйду я къ торо и зажгу тамъ благовонныя листья вереска“. Разложивъ костеръ, старуха усѣлась около торо и видитъ, что высоко, по направленію къ фанзѣ, летитъ гага, большой журавль, который сперва долго кружился надъ фанзой, а затѣмъ обратился къ старухѣ съ словами: „лови куль, чтобы онъ не упалъ на землю и снеси его въ фанзу“. Съ этими словами гага бросила куль, который старуха поймала, снесла въ фанзу и, посмотрѣвъ тамъ въ него, увидѣла, что онъ былъ полонъ человѣческими костями. Журавль спустился на землю и превратился въ женщину, бывшую вѣдьмой. У нея оказалась оторванной одна рука. Вѣдьма взяла эту руку, положила ее около печи, намочила въ водѣ листья вереска, затѣмъ, приложивъ руку къ плечу, обмыла настоемъ вереска и рука приросла въ одинъ мигъ.

Немного спустя, отдохнувъ, вѣдьма, указывая на куль, сказала дѣвушкѣ: „въ этомъ кулѣ кости твоего брата, я ихъ собрала, послѣ того какъ побѣдила всѣхъ бусеу“; съ этими словами она взяла громадную каменную ступку, высыпала въ нее изъ куля кости и начала ихъ толочь; послѣ чего, сдѣлавъ изъ образовавшагося костяного порошка, разбавленнаго водой, тѣсто,

сдѣлала изъ него человѣческую фигуру, чертами лица совершенно похожую на брата дѣвушки, а вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, она взяла бубенъ и начала шаманить, съ цѣлью воскресить бездушную фигуру.

Ровно въ полночь братъ воскресъ. Сестра несказанно обрадовалась ему; обрадовался и братъ свиданію съ сестрой и сталъ кланяться бусеу, благодарить ее за возвращеніе къ жизни.

Съ этого времени молодой человѣкъ остался жить въ этой фанзѣ, ежедневно отправлялся на охоту и каждый разъ приносилъ домой богатую добычу.

Прошелъ мѣсяцъ. Охота юноши продолжала быть удачной по прежнему и шаманка рѣшила устроить празднество для бурхановъ, способствовавшихъ его удачному промыслу; она стала шаманить и накормила всѣхъ бурхановъ мясомъ и кашей. Вечеромъ послѣ окончанія камланія, дѣвушка обратилась къ брату: „ты долженъ жениться на бусеу; иди къ ней сегодня спать"; но братъ побоялся и не пошелъ. На другой день, когда его не было дома, вѣдьма говоритъ дѣвушкѣ: „всѣ черти убиты, вы теперь свободны и можете уходить домой". Дѣвушка одѣлась и пошла навстрѣчу брату; встрѣтивъ же его, сказала: „насъ бусеу гонитъ отъ себя; она сердится за то, что ты не хочешь жениться на ней. Иди сегодня ночью спать съ нею, иначе она насъ убьетъ".

Когда наступили сумерки и бусеу легла спать, юноша пошелъ къ ней; бусеу обрадовалась, забыла накопившееся противъ него неудовольствіе и говоритъ: „сперва нужно пошаманить, чтобы изгнать изъ меня злого духа". Началась пляска. Сначала плясала съ бубномъ дѣвушка, затѣмъ пошелъ плясать-ся братъ и наконецъ, когда дошла очередь до бусеу, она дала ему волшебный ножъ, говоря: „руби меня во время пляски ножемъ по лицу, тогда я превращусь въ обыкновенную женщину и злой духъ выйдетъ изъ меня". Послѣ этого вѣдьма начала плясать; долго плясала она, наконецъ юноша замахнулся на нее ножомъ и ударилъ прямо по лицу; бусеу закричала: „пускай моя шаманская шкура уйдетъ въ землю, а человѣчья на небо"! И не успѣла бусеу окончить свое заклинаніе, какъ съ нее сошла вся кожа, лѣвая половина которой ушла въ землю, а правая вылетѣла изъ фанзы черезъ дымовое отверстіе. Бусеу превратилась въ обыкновенную дѣвушку, уже не имѣвшую прежней силы

къ выходу замужъ за молодого человѣка. Она сдѣлалась его женой.

На другое утро, проснувшись, молодой мужъ посмотрѣлъ въ окно и замѣтилъ, что фанза вмѣстѣ съ ними летѣла по воздуху, по направленію къ его прежнему жилищу. Проснулась и его жена и говоритъ ему: „нужно остановиться и поблагодарить ту женщину, которая привела тебя ко мнѣ“. При этомъ она взяла кусокъ бересты, вырѣзала изъ нея форму коня, дунула на нее и берестяной конь превратился въ живого. „Видишь вонъ ту фанзу, указала жена мужу, садись на этого коня, захвати съ собою угощеніе и слетай къ твоей покровительницѣ, которая тамъ живетъ, отблагодари ее“. Мужъ полетѣлъ къ фанзѣ, нашелъ тамъ свою спасительницу и началъ горячо благодарить ее.

Вечеромъ вернулся домой, съ охоты, братъ этой женщины, хозяин фанзы, и сталъ просить гостя отдать ему въ жены свою сестру; гость согласился и, посовѣтовавъ молодому человѣку пріѣзжать къ нему сватать его сестру, простился съ хозяевами и улетѣлъ обратно.

Скоро фанза закончила свой полетъ и опустилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жили братъ съ сестрой. Многое изъ хозяйства, за время ихъ отсутствія, пришло въ упадокъ и они начали обстраиваться. Не заставилъ себя долго ждать и женихъ, претендентъ на руку возвратившейся домой дѣвушки и, вмѣстѣ съ своей сестрой и всѣми работниками, перекочевалъ къ своей будущей роднѣ, гдѣ, отпраздновавъ свадьбу, всѣ зажили тихо и спокойно.

Сказаніе о братѣ и сестрѣ.

Нѣкогда жили братъ съ сестрой; сестру звали Фандаджо-Муля.

Однажды, отправившись на охоту, марга напалъ на слѣдъ сохатаго и, погнавшись за нимъ, убилъ звѣря только передъ закатомъ солнца. Сохатый былъ очень большой и жирный. Марга началъ сдирать съ него шкуру и, разведя костеръ, рѣшилъ пере-

ночевать въ лѣсу. Когда онъ сталъ жарить, на рожкѣ, мясо, передъ нимъ появился незнакомый человѣкъ, сухой какъ щепка. Марга поздоровался съ нимъ: „здравствуй, сухой человѣкъ“! „Здравствуй, отвѣтилъ незнакомецъ, я бурханъ сео, кормившій тебя, сироту, здравствуй“. И сео остался ночевать. Марга разрѣзалъ шкуру пополамъ, одну половину отдалъ гостю, затѣмъ нарѣзалъ мясо на куски и поставилъ къ огню вариться. Когда оно сварилось, онъ предложилъ сео поужинать, но, получивъ отказъ, сильно перепугался, такъ какъ былъ убѣжденъ, что имѣетъ дѣло съ бусеу (чертъ, людоѣдъ). Когда они улеглись спать, марга никакъ не могъ заснуть отъ страха, а потому, убѣдившись, что бусеу крѣпко спитъ, онъ всталъ, захватилъ съ собой кусокъ мяса, одѣлъ лыжи и посиѣшилъ вернуться домой.

Подходя къ своей фанзѣ, марга увидѣлъ, что сестра поджидала его все время на дворѣ, такъ что все платье ея покрылось снѣгомъ: она съ нетерпѣніемъ ждала брата. Братъ поцѣловалъ сестру, повелъ въ фанзу и говоритъ ей: „худо намъ теперь будетъ: я встрѣтилъ бусеу, онъ придетъ сюда по моему слѣду; его нужно встрѣтить. Когда онъ захочетъ съѣсть насъ, то начнетъ съ меня, а затѣмъ примется и за тебя“.

Дѣйствительно, послѣ полудня пришелъ бусеу и обратился съ вопросомъ къ брату: „зачѣмъ ты отъ меня ушелъ?“ Марга ему отвѣтилъ: „я зналъ, что ты придешь сюда, а потому и пошелъ впередъ, чтобы приготовить тебѣ обѣдъ; сестра моя малолѣтка и безъ меня ничего не сумѣетъ приготовить“. Когда же стали обѣдать, бусеу вновь отказался отъ всего, отозвавшись, что онъ поѣлъ въ лѣсу.

Бусеу остался ночевать въ фанзѣ. Въ полночь марга проснулся; прислушавшись, что бусеу спитъ, онъ разбудилъ сестру и пошелъ съ собой на улицу; затѣмъ онъ взялъ лопату и вырылъ подъ домомъ яму, гдѣ были зарыты три глиняныхъ кувшина *). Поднявъ крышку одного изъ кувшиновъ, марга нашелъ тамъ крылатаго бурхана дыгдыма-мухапъ-сео, положилъ его на землю и посадилъ на него сестру, говоря: „мухапъ-сео, вези мою сестру, а я пойду на лыжахъ; въ обѣдъ и ужинъ останавливайся и поджидай меня“. Съ этими словами марга ударилъ мухана по хвосту и бурханъ улетѣлъ. Марга тщательно засыпалъ яму, надѣлъ лыжи и пошелъ по берегу Амура.

*) Еланъ-соула, двухъ аршинной высоты сосуды, въ которыхъ китайцы засаливаютъ овощи.

Въ полдень онъ дошелъ до большого болота, на которомъ стояли три огромныя лиственницы; подъ этими лиственницами его дожидали муханъ и сестра. Марга же только что передъ этимъ убилъ козулю и принесъ ее еще совершенно теплую. Распоровъ брюхо козули, марга сунулъ туда морду мухана, который съ жадностью началъ упиваться кровью. Затѣмъ принялись за обѣдъ и они съ сестрой. Послѣ обѣда муханъ полетѣлъ съ дѣвушкой дальше, а марга остался отдыхать.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что по болоту крадется бусеу. Марга, желая скрыться, уже одѣлъ лыжи, но бусеу закричалъ: „марга! подожди меня“. Но марга, крикнувъ черту: „ранѣе какъ черезъ годъ ты меня не догонишь“, быстро удалился. Тогда бусеу закричалъ ему вслѣдъ: „зачѣмъ ты ходишь по тайгѣ? ходи черезъ людныя мѣста, я голоденъ, я ѣсть хочу“; но марга не слушалъ его и быстро исчезъ.

Къ вечеру марга дошелъ до деревни Ирга, гдѣ, въ крайней фанзѣ, нашелъ свою сестру съ муханъ-гео и рѣшилъ провести тутъ день, отдохнуть. Въ полдень на улицѣ послышался шумъ и чей то голосъ: „идетъ чертъ; берегитесь, кого онъ поймаетъ, того и съѣстъ“. Черезъ нѣкоторое время шумъ смолкъ.

Вечеромъ въ фанзу вошелъ посланный отъ хозяина деревни работникъ и сказалъ: „мафа и мама (старикъ и старуха) зовутъ васъ на свадьбу; въ деревню пришелъ чертъ и мафа отдаетъ ему въ жены свою дочь, чтобы только спасти деревню“. Хозяева фанзы приняли приглашеніе и пошли на свадьбу, а марга съ сестрой остались. По возвращеніи со свадьбы домой, въ полдень слѣдующаго дня, послѣ обѣда, старуха все время обливалась горючими слезами, жалуясь молодому человѣку, что лучшую во всей деревнѣ дѣвушку отдали замужъ за черта.

Ночью, когда уже всѣ заснули, марга осторожно вышелъ на улицу, подкрался къ фанзѣ, гдѣ была свадьба, прорвалъ пальцемъ оконную бумагу и сталъ смотрѣть, что дѣлается въ фанзѣ. Фанза была ярко освѣщена и всѣ гости спали пьяные; на краю наръ спалъ бусеу, а рядомъ съ нимъ сидѣла отданная ему въ жены дѣвушка и, заливаясь горькими слезами, со злости рѣзала нары ножемъ. Открывъ осторожно дверь, марга вошелъ въ фанзу и, подойдя къ дѣвушкѣ, дотронулся до ея плеча, говоря: „тебя выдали за черта, но я тебя спасу; одѣвайся и иди въ крайнюю фанзу, тамъ ты найдешь мою сестру“. Дѣвушка вышла.

Бусеу продолжалъ спать, растянувшись на спинѣ, съ открытой грудью, съ парой бурхановъ аджеха на шеѣ. Марга досталъ ножъ и хотѣлъ перерѣзать проволоку, на которой привѣшены были бурханы, но ножикъ сломался. Тогда марга сталъ шептать заклинаніе: „у меня дома подъ поломъ фанзы въ правомъ горшкѣ спрятанъ гуранъ-челчи (большой хорекъ); зубы у него какъ клещи; иди, гуранъ, скорѣе сюда, перегрызи желѣзный прутъ и освободи мнѣ аджеха. Вся сила бусеу находится въ этихъ бурханахъ; не будетъ у него аджеха, не будетъ онъ болѣе и чертомъ“. Гуранъ-челчи прибѣжалъ и, лишь только марга исполнилъ его приказаніе и положилъ желѣзный прутъ ему въ пасть, мгновенно оба аджеха были освобождены и спрятаны у марга за пазухой.

Вернувшись къ сестрѣ, марга посадилъ на мухана обѣихъ дѣвушекъ, ударилъ мухана палкой и приказалъ ему: „лети, муханъ, дальше, а въ полдень и вечеромъ спускайся на землю и дожидай меня“. Муханъ улетѣлъ.

Съ разсвѣтомъ пошелъ и марга; въ полдень, около утеса, по правому берегу Амура, онъ нашелъ мухана, котораго накормилъ горячею кровью убитой имъ передъ тѣмъ козули и самъ пообѣдалъ съ дѣвушками. Когда ихъ обѣдъ подходилъ уже къ концу, съ утеса скатился какой то человѣкъ, на лыжахъ, обдѣланныхъ въ конгокто, подбѣжалъ къ табору марга и остановился, не снимая лыжъ; опираясь на посохъ, онъ говорилъ: „марга, я тебѣ далъ обѣщаніе быть твоимъ работникомъ; ты не захотѣлъ меня взять. Тебя ли зовутъ сео-марга? я братъ кофо-марга, а зовутъ меня конголдо-марга. Ты взялъ у брата его аджеха и увезъ его жену. Давай состязаться, побѣжимъ на лыжахъ до моего дома; если ты меня опередишь, то аджеха и дѣвушки останутся твоими; если же я приду раньше тебя, тогда ты отдашь все брату и онъ съ тобою расправится по своему“. Проговоривъ это, конголдо убѣжалъ. Марга опять посадилъ дѣвушекъ на мухана, ударилъ его и муханъ улетѣлъ дальше; затѣмъ и онъ самъ двинулся въ путь.

Къ закату солнца марга дошелъ до того мѣста на Амурѣ, гдѣ рѣка протекаетъ въ узкомъ ущельѣ, между береговыми скалами, на которыхъ, по обѣимъ сторонамъ, были расположены деревни, по лѣвую деревня конголдо, а по правую кофо-марги. Марга пошелъ въ первую изъ нихъ и нашелъ тамъ мухана. Въ домѣ конголдо онъ засталъ только двухъ его женъ, самого же кон-

голдо еще не было дома и онъ вернулся лишь поздно ночью, сердитый; затѣмъ, спросивъ женъ, накормили ли онѣ гостей и закуривъ трубку, конголдо сказалъ: „марга! аджеха, жена моего брата и моя сестра теперь твои и обѣ наши деревни идутъ тебѣ въ работники“.

Марга пробылъ въ этой деревнѣ пять сутокъ; на шестыя кофо-марга прислалъ къ нему посланныхъ, просить обратно аджеха, безъ которыхъ онъ пересталъ быть бусеу и ему пришлось совсѣмъ плохо. „Гони посланныхъ, посовѣтовалъ конголдо маргѣ, да и самъ лучше не выходи изъ дому, такъ какъ братъ хочетъ выманить у тебя аджеха“.

Долго послѣ этого марга не ходилъ на охоту, но однажды, соскучившись, онъ надѣлъ олочи, взялъ топоръ и лучекъ и вышелъ за деревню; скоро онъ напалъ на слѣдъ козули и пошелъ по этому слѣду. Шелъ онъ очень долго, но догнать животное не могъ. На этомъ же слѣду онъ замѣтилъ золотой пометъ, что его сильно заинтересовало, такъ какъ раньше ему никогда не приходилось встрѣчать такого помета, а потому онъ и направился далѣе по слѣду, пока не наступила ночь. Наконецъ слѣдъ внезапно исчезъ и всѣ поиски его оказались безуспѣшны. Розыскивая слѣдъ, марга увидѣлъ на горѣ горящій костеръ. Обрадовавшись этому, онъ, усталый, подошелъ къ костру, у котораго сидѣлъ и грѣлся кофо-марга, тотчасъ обратившійся къ нему, со смѣхомъ: „ну, что, марга, добровольно ты не отдалъ мнѣ аджеха, а теперь самъ принесъ ихъ мнѣ?“ Марга отгребъ сѣлъ отъ костра и самъ примостился погрѣться; кофо-марга продолжалъ смѣяться. Марга разсердился, взялъ лучекъ, прицѣлился въ старика и произнесъ: „стрѣла, стрѣла, унеси его сердце и легкія далеко за море“. Съ этими словами онъ выстрѣлилъ въ кофо-марга: стрѣла пролетѣла насквозь, вынесла сердце и легкія, но кофо-марга остался сидѣть, не шевельнувшись; глаза его все еще смотрѣли на противника, губы улыбались. Тогда марга развелъ огромный костеръ, бросилъ туда трупъ черта и самъ пошелъ домой.

Конголдо-марга, испугавшись, что марга исчезъ, пошелъ искать его, но, побродивъ по лѣсу цѣлый день, вернулся домой поздно вечеромъ и былъ очень обрадованъ, нашедши маргу живымъ. Когда первый порывъ радости прошелъ, онъ заявилъ: „съ этихъ поръ это мѣсто стало не хорошимъ: здѣсь будетъ

витать душа кофо-марга, а потому необходимо куда нибудь перекочевать".

Въ скорости всѣ собрались и уѣхали. Марга взялъ себѣ въ жены сестру конголдо, а ему отдалъ свою сестру. Кромѣ того, по дорогѣ, онъ захватилъ свою первую жену и, вернувшись домой, обстроился и началъ спокойно и тихо жить съ тремя женами.

Сказаніе о головѣ.

Въ одной фанзѣ жила голова мужчины, безъ туловища; она всегда лежала на нарахъ.

Прошло много лѣтъ. Однажды къ фанзѣ прибѣжалъ конь, вбѣжалъ въ фанзу, обѣжалъ кругомъ нѣсколько разъ и, остановившись передъ головой, заржалъ. Голова начала качаться, затѣмъ покатилась по нарамъ и скатилась на спину коню; конь опять заржалъ и умчался съ головой, внизъ по Амуру.

Сперва конь бѣжалъ по берегу Амура, затѣмъ свернулъ по лугамъ, добѣжалъ до рѣки Опи и свернулъ по ея берегу, къ верховьямъ. Берега рѣчки начали суживаться, высокія горы подступали къ ней все ближе и ближе. Конь бѣжалъ долго. Наконецъ, по лѣвой сторонѣ, въ ущельѣ показалось фанза, къ которой вела тропа. Передъ фанзой было вбито въ землю много торо, добѣжавъ до которыхъ, конь остановился и заржалъ. На его голосъ изъ фанзы вышла очень красивая женщина, взяла бережливо голову, положила ее въ подолъ своего халата и понесла въ фанзу.

Женщину звали Амфуди-амуча, одинокая женщина. Она была большая шаманка и имѣла въ работникахъ множество бурхановъ, съ которыми находилась въ сожительствѣ. Она постелила на нарахъ коверъ, положила на него голову и начала готовить ей кушанья. Вечеромъ, ложась спать, Амфуди положила голову рядомъ съ собой, подъ одѣяло.

Такъ они жили пятеро сутокъ. На шестой день Амфуди встала, сварила котелъ каши, накормила большого бурхана дяули и, спросивъ его, сытъ ли онъ, взяла желѣзный мѣшокъ,

положила въ него голову и сказала бурхану: „иди вверхъ по рѣчкѣ и въ ея верховьяхъ увидишь бѣлую сопку; перевали черезъ нее и по ту сторону сопки, на вершинѣ ея, найдешь небольшое озеро *), въ которое и брось голову". Джули исполнилъ данное ему порученіе, бросивъ въ это озеро желѣзный мѣшокъ съ головою, послѣ чего вода въ озерѣ сразу поднялась выше самыхъ высокихъ деревьевъ; затѣмъ озеро мгновенно высохло, обнаживъ песчаное дно, по которому протекала рѣчка, несущая на своей поверхности серебряную палку, снабженную на концѣ крючкомъ; скоро эта палка исчезла, унесенная быстрымъ теченіемъ рѣки.

Вернувшись домой, джули разсказалъ обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Выслушавъ его разсказъ, Амфуди, встревоженная, быстро одѣлась и вышла на улицу; тамъ она нѣсколько разъ махнула руками и, превратившись въ гаазу (утку), полетѣла. Все время, отдаваясь на волю охватившему ее горю, она причитала: „жаль мнѣ голову; я думала, что она превратится въ красиваго мужчину, который будетъ моимъ мужемъ. Вѣдь я этого ждала 5 дней: для этого я и приказала бросить голову въ озеро. Гдѣ бы мнѣ теперь найти ее?" И она полетѣла внизъ по рѣчкѣ.

Тѣмъ временемъ палка продолжала плыть по рѣчкѣ до полуночи, когда теченіемъ натолкнуло ее на нависшую надъ водой березу, за одинъ изъ сучковъ которой палка зацѣпилась своимъ крючкомъ и остановилась. Въ это время прилетѣла гааза, продолжая свои причитанія: „жаль мнѣ голову; она была бы теперь моимъ мужемъ, гдѣ бы мнѣ ее найти?" Утка спустилась на воду и поплыла; доплыла она до той березы, гдѣ зацѣпилась палка, вылѣзла на корягу и сѣла отдохнуть. Палка промолвила едва слышно: „гааза, гааза! ты меня теперь ищешь, а раньше хотѣла убить; я знаю, ты меня и теперь обманываешь, что любишь. Пропади же ты здѣсь, гдѣ сидишь! какъ только захочешь улетѣть, не успѣешь расправить свои крылья, какъ они мгновенно прирастутъ къ корягинѣ и ты навѣки останешься здѣсь". Сказавъ это, палка отцѣпилась и поплыла. Гааза, увидя палку, хотѣла было полетѣть, но ея расправленныя крылья, при первомъ

*) **Озеро Айси-Арма-Тутчи-Тунгу, по легендѣ, переполнено гадами,** благодаря которымъ, все въ него брошенное исчезаетъ безслѣдно. Вода въ немъ подымается иногда высоко къ небу, иногда же опускается до дна.

ея взмахѣ, приросли къ каряжинѣ и гааза осталась, не будучи въ состояніи шевельнуться.

Двое сутокъ плыла палка; на третій день она выплыла въ Амуръ, къ одной деревнѣ, расположенной на правомъ берегу. Передъ деревней, на берегу въ водѣ были воткнуты три кола для привязыванія лодокъ и къ первому изъ нихъ была прикрѣплена новая лодка.

Плывя мимо, палка своимъ крючкомъ задѣла за ближайшій къ берегу колъ и остановилась. Въ это время шла по воду красивая дѣвушка, пріѣхавшая только что утромъ въ деревню къ жениху, на свадьбу. Увидѣвъ серебряную палку, дѣвушка сняла свои олочи и пошла, по колѣна, въ воду за палкой; но только что она протянула руку, чтобы схватить палку, какъ послѣдняя, отъ колебанія воды, отцѣпилась и, нѣсколько отплывъ, задѣла за слѣдующій колъ. Дѣвушка пошла дальше въ воду, но палка вновь отцѣпилась и задѣла за третій колъ; дѣвушка влѣзла въ воду по самую грудь, замочила одежду, но палку все таки не достала, такъ какъ та, движеніемъ воды, унесена была внизъ по теченію, придерживаясь праваго берега. Но тутъ дѣвушка замѣтила, что у этого берега, нѣсколько впереди, находится излучина, у которой, по ея разсчетамъ, палка должна была задержаться и остаться на пескѣ. Она быстро побѣжала къ этой излучинѣ, поймала палку, вытащила ее изъ воды и положила тутъ же на песокъ. Но какъ возвратиться домой мокрою? Дѣвушка раздѣлась до гола и стала сушить на солнцѣ свои платья, разложивъ ихъ на берегу, а сама прилегла на песокъ. Вдругъ, она слышитъ рядомъ съ собой смѣхъ: поворачивается и видитъ, что вмѣсто палки рядомъ съ ней сидитъ красивый марга. Дѣвушкѣ стало стыдно, она взяла мокрое платье и начала одѣваться. Марга же началъ подсмѣиваться надъ ней, говоря: „торопись, дѣвка, тебя ждутъ; ты вѣдь пошла по воду, а вотъ уже прошло много времени, торопись“. — „Не пойду, отвѣтила дѣвушка, мнѣ стыдно“.

Между тѣмъ вся деревня, встревоженная продолжительнымъ отсутствіемъ дѣвушки, высыпала на берегъ, на ея поиски и, увидѣвъ марга, который, какъ всѣ думали, задумалъ похитить дѣвушку, злобно накинулась на него съ упреками и стала забрасывать его вопросами: „кто ты такой? откуда пришелъ? зачѣмъ укралъ у насъ дѣвушку?“ Марга разсердился, бросился на пришедшихъ и всѣхъ перебилъ. Послѣ этого онъ сказалъ

дѣвушкѣ: „иди въ деревню и жди моего возвращенія: на обратномъ пути я зайду и возьму тебя въ жены". И съ этимъ онъ ушелъ.

Долго шелъ марга, наконецъ дошелъ до синяго моря, на берегу котораго, на сушѣ, стоялъ большой баркасъ, а по берегу былъ замѣтенъ свѣжій слѣдъ человѣка. Марга остановился въ размышленіи и, наконецъ, рѣшилъ: „подожду я этого человѣка и узнаю, что это за силачъ, который могъ втащить на берегъ такой большой баркасъ?" Въ это время затрещали вѣтки подъ ногами шедшаго по берегу, по направленію къ марга, здоровеннаго мужчины, который тащилъ за собой, на веревкѣ, громаднаго медвѣдя, 9 саж. длины и 7 саж. ширины. Марга поклонился незнакомцу до земли, а тотъ, въ отвѣтъ на это, приподнялъ его, поцѣловалъ и говоритъ: „у меня умеръ отецъ; передъ смертью онъ наказалъ мнѣ, для поминокъ его, убить самаго большого медвѣдя, я вотъ приплылъ сюда и исполнилъ его завѣтъ".— „Зачѣмъ ты одинъ плаваешь на такомъ большомъ баркасѣ, когда можно плыть на лодкѣ", спросилъ его марга.— „Это не рѣка, отвѣтилъ незнакомецъ, здѣсь на лодкѣ плавать нельзя: иногда бываетъ слишкомъ сильный вѣтеръ и большія волны и вода то прибываетъ, то убываетъ: это большое море".— „А широко ли ваше море? можно ли черезъ него перебросить палку, продолжалъ допрашивать марга, можно ли выстрѣлить изъ ружья на противоположный берегъ: почему не видать другого берега? Давай спорить: разрѣжемъ медвѣдя поперекъ и бросимъ его на тотъ берегъ. Ты говоришь, что палку нельзя перекинуть, а я вотъ переброшу черезъ море половину этого медвѣдя". Съ этими словами марга взялъ переднюю половину медвѣжьей шкуры за одно ухо, бросилъ ее и она полетѣла черезъ море. Неизвѣстный сказалъ ему: „ну, и что жъ? Вѣдь голова не долетѣла; она упала въ воду". „Неправда, возразилъ марга, голова долетѣла на тотъ берегъ и упала около шю (балаганъ, дѣлаемый на поминкахъ)".

Для провѣрки, они сѣли на баркасъ, захвативъ съ собой заднюю половину медвѣжьей туши и поплыли, но лишь только они отплыли немного, марга, сѣвшій на весла, гребнулъ недолго весломъ и оно сломалось; тогда незнакомецъ далъ ему желѣзную гребь, но марга сломалъ и ее; наконецъ тотъ далъ ему каменную гребь, но и эта не выдержала. Неизвѣстный разсердился и накинулся на маргу: „что будетъ съ нами, если подымется

бури? спасенія не будетъ и придется погибнуть. А если такъ, то все равно, я пойду спать", и неизвѣстный ушелъ въ закрытое помѣщеніе баркаса.

Марга ходилъ, задумчивый, по палубѣ. Куда ихъ несетъ— онъ не знаетъ. Марга предался воспоминаніямъ: „когда я былъ голодный и лежалъ на нарахъ въ своей фанзѣ, я видѣлъ на жердяхъ желѣзный прутъ; если бы этотъ прутъ былъ теперь у меня, мы были бы спасены". И не успѣлъ онъ закончить своей мысли, какъ раздался въ воздухѣ свистъ и прутъ съ шумомъ упалъ на палубу баркаса. Марга взялъ прутъ, махнулъ имъ по воздуху, затѣмъ ударилъ этимъ прутомъ по носу баркаса, ударилъ по кормѣ и, наконецъ, по борту и баркасъ полетѣлъ впередъ подобно вихрю. „Вставай, закричалъ марга неизвѣстному, смотри, какъ мы летимъ безъ веселъ: держи руль вонъ на ту деревню". Баркасъ скоро перелетѣлъ море и присталъ къ расположенной на другомъ берегу деревнѣ Што, около которой лежала и медвѣжья голова, брошенная маргой съ противоположной стороны моря, во время его спора съ незнакомцемъ.

Тотчасъ начались празднества поминокъ, которыя они устроили богато и провели съ большимъ весельемъ. Марга въ первый день сильно напился. Хозяинъ деревни уложилъ его въ своей фанзѣ и сказалъ своей младшей женѣ: „смотри, ухаживай за марга, дай ему лучшую подушку, покрой его лучшимъ покрываломъ". Маргу, безчувственнаго, положили около печи и младшая жена хозяина сѣла около него, присматривать за нимъ.

Вдругъ, въ полночь, въ фанзѣ раздался пробудившій всѣхъ чей-то голосъ: „хозяинъ, ты напрасно любишь маргу, онъ въ твое отсутствіе пошаливалъ съ твоей женой". Марга, взбѣшенный непрошенной выдачей его тайны, вскочилъ съ наръ, бросился въ то мѣсто, откуда доносился голосъ и схватилъ въ темнотѣ кого-то за горло: это оказалась женщина, которую марга уже, было, поволокъ, но она вдругъ исчезла изъ его рукъ. Хозяинъ также вскочилъ и набросился на маргу, говоря ему: „я думалъ, что ты мнѣ братъ, а ты волочишься за моей женой"! и онъ затѣялъ не шуточную ссору, которую рѣшено было покончить единоборствомъ. Для этого они вышли на улицу и стали бороться, провели въ борьбѣ цѣлый день, пока, къ вечеру, марга не одолѣлъ хозяина и не убилъ его. Послѣ этого маргѣ стало жаль убитаго и онъ началъ горько плакать надъ нимъ. Затѣмъ,

нь внесъ покойника въ фанзу, положилъ его на доскѣ, сдѣлалъ
адъ нимъ родъ навѣса и покрылъ трупъ одѣялами; наконецъ, онъ
зялъ лукъ и стрѣлы и пошелъ на берегъ моря.

Шелъ марга цѣлый день вдоль морского берега и къ ве-
ру дошелъ до устья одной рѣчки, по теченію которой и по-
рнулъ вверхъ. Вечеромъ, желая передохнуть, онъ остановился,
бираясь подкрѣпить свои силы пищею.

Въ это время онъ увидѣлъ, что около самаго берега пла-
ютъ два ерша; онъ быстро схватилъ копье, насторожилъ его
уже приготовился, было, заколоть одного изъ нихъ, какъ вдругъ
ъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ: „не коли ты насъ, мы
рыбы, мы женщины“, и съ этими словами рыбы превратились
женщинъ, продолжая говорить маргѣ: „мы сестры того, ко-
раго ты сегодня убилъ; но ты не виноватъ въ его убійствѣ,
новата одна лишь Амфуди-амучи, которая прокралась къ вамъ
домъ, руководимая жаждою мщенія къ тебѣ. Ей, при помощи ея
рхановъ, удалось избавиться отъ предназначенной ей тобою смер-
и съ тѣхъ поръ она всюду тебя преслѣдуетъ и мститъ тебѣ.
и вверхъ по рѣчкѣ и ты скоро увидишь высокій утесъ, посреди
ки; подъ этимъ утесомъ лежитъ большой камень. Амфуди,
образѣ гагары, прилетитъ сегодня туда отдыхать, превратив-
ись, предварительно, въ выдру“.

Марга отправился, нашелъ указанный ему камень, спрятал-
въ кустахъ, приготовилъ лучекъ и стрѣлы и сталъ вглядывать-
ся, кругомъ, въ окутанные сумерками предметы. Дѣйствитель-
но, скоро онъ сталъ различать все яснѣе обрисовывающіеся
гуры плывущаго по рѣкѣ предмета, оказавшагося выдрою,
я мѣръ длины, которая подплыла къ камню, обошла его
сколько разъ кругомъ, затѣмъ влѣзла на его верхушку и
говорила: „далеко я сегодня пробѣжала. Я знаю, марга убилъ
одня хозяина...“ но не успѣла она окончить своихъ словъ,
къ мѣткая стрѣла пронзила ея сердце. Амфуди, превратив-
шаяся въ выдру, упала, изрыгая пламя. Марга бросился въ
ду и заколоть Амфуди.

Вернувшись въ деревню, марга похоронилъ хозяина, за-
лъ съ собою обѣихъ его женъ и сестеръ и благополучно
правился обратно черезъ море; по дорогѣ онъ захватилъ
же свою первую жену и, по возвращеніи въ свою фанзу,

построилъ большую деревню и сталъ тихо и спокойно жить съ 5 женами, которыя были ему отмѣнными работницами и вѣрными супругами.

Сказаніе объ одинокомъ человѣкѣ.

Жилъ нѣкогда вверху Амура Сунхалди-марга, не выходившій никуда изъ фанзы со дня своего рожденія.

Однажды ему вздумалось посмотрѣть на свѣтъ божій и онъ вышелъ на берегъ Амура. Въ это время надъ водой пролетала утка, которая, увидѣвъ маргу, опустилась у берега и обратилась къ нему, говоря: „я прилетѣла издалека, изъ большой деревни Ихсоуха-муха. Въ этой деревнѣ живетъ красавица дѣвушка Ярьни-Геге, которая прислала меня за тобой; ея отецъ зналъ хорошо твоего отца: когда ея мать и твоя были одновременно брюхаты, то отцы дали взаимное обѣщаніе другъ другу, что если у ихъ женъ родятся сынъ и дочь, то они женятъ ихъ, если же два сына, то они будутъ какъ родные братья. Ярьни-Геге, узнавъ, что вся ваша деревня перемерла и что ты живешь сиротой, послала меня сказать тебѣ, что если ты не придешь, то отецъ продастъ ее другому“.

Юноша сталъ собираться въ путь на слѣдующій же день; онъ исправилъ старую оморочку, переѣхалъ на ней Амуръ и пошелъ по тропѣ. Дойдя до болота, марга встрѣтилъ высокаго старика, своимъ ростомъ смѣло могущаго поравняться съ хорошимъ деревомъ. Марга испугался, свернулъ съ тропы и побѣжалъ, но человѣкъ уже замѣтилъ маргу и, пустившись за нимъ, скоро его нагналъ. Марга, въ ужасѣ, бросился на колѣни и сталъ лепетать: „мафа, мафа!“ Высокій человѣкъ поднялъ маргу, обласкалъ его, поцѣловалъ и понесъ черезъ болото. Пройдя съ своей ношей до вечера, мафа рѣшилъ остановиться на ночлегъ, разложилъ костеръ, досталъ изъ за пазухи съѣдобное и отдалъ его маргѣ, который, поѣвъ, крѣпко заснулъ, а мафа снялъ съ себя одежду и бережно укрылъ юношу. Проснувшись, съ разсвѣтомъ, марга убѣдился, что мафа не только исчезъ, но нигдѣ не было видно даже его слѣда. Марга пошелъ одинъ, куда глаза глядятъ.

Къ полудню онъ дошелъ до сопки, у которой былъ замѣтенъ чей-то слѣдъ, а на вершинѣ сопки сидѣлъ мафа и что-то пилъ. Марга сталъ пробовать подняться на сопку, но не могъ и началъ звать мафу, крича ему: „мафа, мафа! я голоденъ, дай мнѣ поѣсть!“ — „Что я дамъ тебѣ? у меня ничего нѣтъ. Ты куда держишь путь? въ Яхсоуха? торопись: твою дѣвушку сватаетъ другой человѣкъ; ее сватаетъ Королдо, человѣкъ съ кабаньей головой и съ клыками, для своего меньшого брата Бородо-Бунгу. Люди они очень хитрые и тебя перехитрятъ; лучше возвращайся обратно. Что я тебѣ могу дать поѣсть? я не человѣкъ, я бурханъ. Открой ротъ, я брошу тебѣ, что у меня есть и если ты отъ съѣденнаго останешься живъ, то будешь богатыремъ“. Съ этими словами мафа что-то бросилъ маргѣ въ ротъ, марга съѣлъ и тотчасъ упалъ; долго онъ метался, въ судорогахъ, по землѣ, наконецъ всталъ и сдѣлался богатыремъ. „Иди теперь въ Яхсоуха, ты достоинъ имѣть эту дѣвушку“, сказалъ мафа и самъ исчезъ.

Марга дошелъ до деревни въ одни сутки и пошелъ прямо въ фанзу своей нарѣченной, которая жила отдѣльно отъ своихъ родителей и имѣла своихъ работниковъ. Вошедши въ фанзу, марга увидѣлъ сидѣвшую на нарахъ красивую дѣвушку, поклонился ей и назвался, кто онъ. Дѣвушка отвѣтила ему: „отецъ отдаетъ меня за Бородо-Бунгу, который, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Королдо, отличается большою хитростью: они большіе шаманы. Не ходи въ фанзу моихъ родителей, тамъ идетъ сватовство. Если ты пойдешь, то Королдо начнетъ драку и своимъ клыкомъ тебя распоретъ“. — „Я не боюсь его“, сказалъ марга и пошелъ въ фанзу родителей дѣвуки.

Во время прихода марга въ фанзу, тамъ на нарахъ сидѣлъ Королдо съ кабаньею головою и, рядомъ съ нимъ, Бородо-Бунгу. Королдо поклонился хозяину и завелъ съ нимъ разговоръ: „отецъ мой былъ твоимъ другомъ; еще когда я и твоя дочь были въ колыбели, мы были сосватаны другъ за друга. Отецъ мой заплатилъ тебѣ калымъ, отдай мнѣ твою дочь или возврати калымъ обратно“. Якео, отецъ невѣсты, встрѣтилъ эти слова полнымъ молчаніемъ, а за него отвѣчалъ Королдо: „калымъ платилъ твой отецъ, ты же ничего не давалъ. Что тебѣ нужно?“ Бородо подзадорилъ брата, затѣялъ съ маргою ссору и они вышли на улицу, чтобы разрѣшить вопросъ физическимъ превосходствомъ одного изъ нихъ. Соперники стали драться и марга, въ скорости, убилъ

Боролдо. Королдо, преисполненный жаждой мщенія за смерть брата, выбѣжалъ на улицу, бросился на маргу и хотѣлъ было распороть его своимъ клыкомъ, но въ это время клыкъ сломался; онъ ринулся на него съ другимъ клыкомъ, но и другой клыкъ постигла та же участь и Королдо погибъ подъ мощнымъ ударомъ кулака марги.

Вернувшись послѣ этого въ фанзу, марга обратился къ Янсо: „ну, что, отдашь мнѣ свою дочь?“ „Разумѣется отдамъ. Я не зналъ, что ты живъ, до меня дошли вѣсти, что вся ваша деревня перемерла“. Долго послѣ этого пировали въ деревнѣ, празднуя свадьбу марги и когда празднества кончились, начали сборы въ обратный путь. Марга послалъ работниковъ въ деревни Боролдо и Королдо съ приказомъ, всѣмъ немедленно перекочевать къ нему. Скоро привезли нѣсколько сотъ работниковъ и дочь Королдо, красивую дѣвушку, которую марга также взялъ себѣ въ жены.

Вернувшись на родину, марга богато отстроился и, по окончаніи работъ, тотчасъ же отправился на знакомую ему сопку, благодарить мафу за помощь. Мафа сказалъ ему, въ отвѣтъ на выраженія его благодарности: „я помогъ тебѣ, это правда, ибо я глава всѣхъ бурхановъ, я большой шаманъ Хунтю-Сяма; я помогъ тебѣ, чѣмъ могъ, а потому, вернувшись домой, когда пойдешь на охоту, не забудь принести мнѣ крови сохатаго и его сердце. Если я тебѣ буду нуженъ, обратись ко мнѣ и я тебѣ всегда помогу. Мое жилище на этой сопкѣ“.

Мафа исчезъ. Марга вернулся домой и сталъ жить хорошо и богато. Всякій разъ, когда онъ ходилъ на охоту и убивалъ сохатаго, то кровь его и сердце всегда относилъ къ сопкѣ въ дань мафѣ.

Сказаніе о человѣкѣ съ кабаньей головой.

Жили нѣкогда бездѣтные гольды, мужъ и жена. Мужъ, Пала-марга, ходилъ на охоту, а жена его работала. Однажды гольдъ говоритъ своей женѣ: „такъ мы и умремъ бездѣтными и некому будетъ оставить нашу фанзу и имущество“.

Однажды гольдъ увидѣлъ сонъ, что будто бы пришелъ къ нему сѣдой, какъ лунь, старикъ и говоритъ: „пойди въ лѣсъ, отыщи загороженную поскотину, около заброшеннаго жилья, и тамъ найдешь барана; сведи его въ лѣсъ къ громадному тополю хайла, и помолись бурхану піуха-мафа, который вырѣзанъ на корѣ ствола этого тополя и онъ пошлетъ тебѣ сына".

Утромъ старикъ разсказалъ старухѣ свой сонъ, затѣмъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ указанному мѣсту, гдѣ дѣйствительно нашелъ старую поскотину и въ ней одноглазаго барана. Притащивъ барана къ дереву хайла, на которомъ оказался очень старый надрѣзъ піуха, едва видимый глазомъ, старикъ привязалъ барана къ дереву и началъ приготовлять жертвенникъ. Въ это время прилетѣлъ воронъ и выклевалъ у барана его послѣдній глазъ. Старикъ разсердился, погнался на конѣ, по воздуху, за ворономъ, нагналъ его, вырвалъ ему оба глаза и отпустилъ его; воронъ, какъ стрѣла, полетѣлъ къ небу, къ санга-мафа, жаловаться на старика.

Удивился санга-мафа, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ, у котораго конь летаетъ по воздуху; позвалъ онъ бурхана сигуръ, волка, и приказалъ ему отправиться на землю и задушить этого коня. Волкъ, прибѣжавъ къ фанзѣ Наа-марга, задралъ коня, но, вслѣдствіе ошибки, не того, котораго ему было поручено, а другаго. Тогда марга, разсердившись, сѣлъ на своего хорошаго коня, поймалъ волка живьемъ, привязалъ его къ дереву, содралъ съ него шкуру, оставивъ только небольшой кусокъ кожи на носу, и затѣмъ отпустилъ волка на свободу. Волкъ прилетѣлъ къ санга-мафа и разсказалъ о случившемся. Мафа страшно разсердился на старика и рѣшилъ самъ отправиться на землю и расправиться съ конемъ и его владѣльцемъ.

Утромъ марга отправился, по обыкновенію, помолиться бурхану піуха-мафа. Подошедши къ дереву хайла, онъ увидѣлъ сидѣвшаго подъ нимъ дряхлаго старика, съ бѣлою бородою до земли; старикъ сидѣлъ на каменномъ табуретѣ. Марга, догадавшись, что это не кто иной, какъ самъ санга-мафа, опустился передъ нимъ на колѣни. Санга-мафа сказалъ: „ты одинокій человѣкъ, живешь безбѣдно, дѣтей у тебя нѣтъ; зачѣмъ ты такой сердитый: ворону выкололъ глаза, съ волка содралъ шкуру?" Марга, въ отвѣтъ на это, разсказалъ мафѣ свой сонъ. Мафа, во время разсказа гольда, ничего не говорилъ, только кивалъ головою; когда же тотъ окончилъ свой разсказъ, проговорилъ: „иди

домой, тамъ ты найдешь у себя въ изгороди другого одноглазаго барана, принесешь его въ жертву шуха-мафа и у тебя будетъ сынъ". Марга поклонился въ землю и когда приподнялъ голову, то передъ нимъ никого уже не было: санга-мафа исчезъ.

Вернувшись домой, марга принесъ барана въ жертву шуха-мафа, прося дать ему сына. Черезъ три мѣсяца жена марга забеременѣла и родила сына. Родители были рады и счастливы, въ особенности марга, который забылъ даже свою охоту.

Спустя нѣкоторое время, марга отправился съ утра на охоту. Въ полдень въ фанзу вошли двѣ неизвѣстныя женщины; ребенокъ лежалъ въ это время на нарахъ и мать кормила его. У пришедшихъ женщинъ половина лица была черная, а другая красная. Онѣ обратились къ матери: „анда *), отдай намъ мальчика".—„Не дамъ", отвѣтила мать. Тогда женщины вышли изъ фанзы и, въ дверяхъ, поманили пальцемъ мальчика и ушли. Мать, въ ужасѣ, замѣтила, что ребенокъ исчезъ и залилась горькими слезами. Она проплакала до вечера, пока вернулся съ охоты мужъ. Марга вернулся домой съ пустыми руками, въ полномъ изнеможеніи и, едва успѣвъ проговорить: „я сильно заболѣлъ, сейчасъ умру", тутъ же отдалъ богу душу.

Женщина, въ полномъ отчаяніи, уложила кое какъ покойника около наръ и стала его оплакивать, призывая своихъ отца и дядю. На ея зовъ пришли отецъ ея и дядя, а также и женщины, похитившія ребенка и сѣли отогрѣваться съ холоду около печки. Черезъ нѣкоторое время отецъ подошелъ къ маргѣ, внимательно осмотрѣлъ трупъ, затѣмъ схватилъ его за грудь и вытащилъ изъ за пазухи пару бурхановъ аджеха, которые задушили маргу. „Отдай намъ аджеха, они наши", просили его женщины, похитительницы ребенка. Отецъ покойнаго бросилъ убійцамъ ихъ аджеха и тѣ поспѣшили удалиться.

Въ это время марга очнулся и, придя окончательно въ себя, схватилъ большой ножъ, вскочилъ на коня и полетѣлъ за убійцами; догнавъ ихъ, онъ, съ ожесточеніемъ, принялся рубить ихъ, но женщины моментально исчезли, оставивъ на землѣ лишь одну руку, которую маргѣ удалось отрубить. Марга поднялъ эту руку, привезъ ее домой и привязалъ къ серединному бревну фанзы.

*) Обычное обращеніе къ женщинѣ у гольдовъ, отвѣчающее слову „сестра".

Жена благодарила отца за помощь и просила отыскать сына. „Не могу, отвѣтилъ ей отецъ, эти женщины амба-буссу, вѣдьмы; ты не найдешь своего сына". Въ это время рука, висѣвшая въ фанзѣ, начала просить маргу: „пусти меня, я отыщу тебѣ сына". Она просила до вечера; но марга, не довѣряя ей, оставался неумолимъ; наконецъ онъ согласился и отпустилъ ее. Въ одно мгновеніе она исчезла и одновременно ребенокъ очутился на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Марга и его жена несказанно обрадовались своему сыну и положили его спать между собою. Въ полночь, ребенокъ, который былъ не кто иной, какъ одна изъ амба-буссу, превратился въ старика, исполинскаго роста, запихалъ своихъ мнимыхъ родителей въ мѣшокъ; взвалилъ мѣшокъ себѣ на плечи и ушелъ; съ разсвѣтомъ, онъ дошелъ до большой деревни, на краю которой бросилъ куль, проговоривъ: „этихъ еще рано ѣсть, они не откормлены. Пойду—ка въ деревню, выберу себѣ тамъ кого нибудь пожирнѣе".

Буссу ушелъ. Вслѣдъ за нимъ проходили отецъ и дядя жены марга и, увидѣвъ куль, полюбопытствовали, что въ немъ находится. Каково же было ихъ удивленіе, когда они нашли тамъ недавно оставленныхъ дома, въ полномъ благополучіи, счастливыхъ родителей. Освободивъ ихъ изъ мѣшка, отецъ сказалъ: „я не могу помочь вамъ, ибо чертъ все таки возьметъ васъ, но я могу подать вамъ добрый совѣтъ: когда буссу схватитъ васъ вновь, то глядите, держите ухо остро, чтобы не прозѣвать благопріятнаго момента. Буссу понесетъ васъ все по прямому направленію и вы, когда будете проходить открытое мѣсто, большую поляну, и замѣтите на ней семь человѣкъ играющихъ, то попросите ихъ спасти васъ отъ буссу. Если эти люди не обратятъ на васъ вниманія, то вамъ не сдобровать, если же они васъ замѣтятъ, то вы спасены. Далѣе вы дойдете до высокаго утеса, на которомъ увидите огромнаго кабана—это шаманъ Боро-Айда, въ образѣ кабана, съ носомъ въ видѣ толи: просите также и у него помощи. Если Боро не взглянетъ на васъ, то нѣтъ надежды на ваше спасеніе; если же онъ на васъ посмотритъ, то вамъ отчаяваться нечего". Сказавъ это, отецъ положилъ ихъ обратно въ куль, завязалъ его и ушелъ.

Послѣ этого пришелъ буссу, взвалилъ себѣ куль на плечи и пошелъ. Въ полдень онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ играли семь человѣкъ. Въ это время узники крикнули имъ: „люди, умоляемъ [illegible] [illegible]!" Амба, [illegible], прошелъ мимо, но люди услыхали

ихъ мольбу, перестали играть и стали смотрѣть вслѣдъ уходившему амба, пока тотъ не исчезъ. Затѣмъ онъ дошелъ до утеса, на которомъ стоитъ кабанъ съ желѣзной шкурой и съ толи на носу. Марга вновь началъ кричать, призывая на помощь. Боро также остановилъ на амба свой взглядъ, которымъ и провожалъ его вслѣдъ.

Къ вечеру амба дошелъ до большой деревни Ирга, въ которой жили одни лишь черти и, вошедши въ одну изъ фанзъ, повѣсилъ куль надъ печкой. Въ этой же фанзѣ находились обѣ женщины, похитившія ребенка. Амба-бусеу, указывая на плѣнниковъ, сказалъ этимъ женщинамъ: „черезъ три дня принесенныя жертвы будутъ убиты. Идите, собирайте на праздникъ всѣхъ бурхановъ".

Всѣ черти деревни тотчасъ отправились созывать всѣхъ бурхановъ; остался караулить куль лишь одинъ амба, который началъ приготовлять все необходимое къ празднеству.

На третій день со всѣхъ сторонъ начали собираться бурханы; отовсюду были слышны удары въ бубенъ. Наконецъ, когда всѣ собрались и куль былъ поставленъ посреди фанзы, раздался страшный шумъ, какъ бы отъ приближающейся бури; откуда ни возьмись, чрезъ окно влетѣлъ въ фанзу Боро-айда, который, неожиданно для всѣхъ схвативъ куль, такъ же быстро исчезъ.

Боро быстро помчался къ своему утесу, долетѣлъ до него, бросилъ куль въ свою фанзу и приказалъ находившемуся у него въ услуженіи бурхану селе-секка (желѣзный секка): „береги ихъ, накорми хорошенько, а я скоро вернусь; я пойду бороться съ амба. Если амба явится сюда, то ты ни въ какомъ случаѣ не отдавай ему этихъ людей. Трое сутокъ будетъ повсюду мракъ, въ это время изъ фанзы никуда не выходите". Въ помощь селе-секка Боро оставилъ также бурхана моно-бучичу.

Трое сутокъ продолжался глубокій мракъ, земля дрожала; на четвертый день мракъ разсѣялся и смѣнился обычнымъ свѣтомъ. Секка обратился къ моно-бучичу, сказавъ: „Боро-айда побѣдилъ; нужно ему приготовить мясо и зажечь огонь".

Вечеромъ изъ подъ земли раздались удары въ бубенъ; оттуда вышелъ Боро, а за нимъ масса разныхъ бурхановъ: аями-бучичу и др. Вступивъ въ фанзу, Боро-айда превратился въ красивую молодую женщину, которая держала за руку 15 лѣтняго юношу, нѣкогда украденнаго бусеу сына марга. Послѣ угощенія

и пляски Боро, молодая шаманка сказала марга: „я хочу и буду женою вашего сына". При этомъ Боро прибавилъ: „сегодня ночью будетъ сильная буря".

Слова Боро оправдались: на утро они всѣ были перенесены въ фанзу марга, гдѣ, отпраздновавъ свадьбу сына, всѣ зажили опять тихо и спокойно.

Сказаніе о первой красавицѣ на Амурѣ.

Жилъ нѣкогда одинъ гольдъ, сирота; онъ славился отличнымъ охотникомъ.

Однажды, когда онъ не пошелъ на охоту и остался дома, къ его фанзѣ подъѣхали, въ полдень, пять человѣкъ, верхомъ на коняхъ, и остались у него ночевать. Вечеромъ одинъ изъ пріѣзжихъ притащилъ въ фанзу ящикъ ханшина, досталъ кувшинъ, разогрѣлъ въ немъ ханшину и началъ кланяться въ ноги марга. Марга сказалъ на это: „марга, я слыхалъ, что съ ханшиной безъ дѣла не кланяются; какая у васъ просьба ко мнѣ?" „Мы живемъ далеко, отвѣчали пріѣзжіе, ѣхали сюда болѣе 15 дней. Хозяинъ нашъ, богатырь Бая-мафа, живетъ въ большой деревнѣ; у него былъ единственный сынъ, который вотъ уже три года какъ умеръ. Сейчасъ въ деревнѣ идутъ поминки, которыя будутъ продолжаться семь лѣтъ; деревня полна народу. Бая-мафа приказалъ сказать тебѣ, что если ты пріѣдешь къ нему, то онъ отдаетъ тебѣ свою единственную дочь, Оаяръ-фуди, и когда поминки кончатся, то онъ перейдетъ къ тебѣ жить". Всю ночь хозяинъ и гости угощали другъ друга ханшиною, а на слѣдующій день начались сборы въ дальнюю дорогу, занявшіе все время до вечера; на второй день марга отпустилъ посланныхъ, обѣщая и самъ вскорѣ пріѣхать къ Бая-мафа.

Десять дней послѣ этого ходилъ марга на охоту, а на одиннадцатый отправился въ путь. Первыя сутки онъ шелъ на лыжахъ, нигдѣ не останавливаясь, а на второй день превратился въ медвѣдя и къ полудню добѣжалъ до деревни Пра, принадлежавшей Бая-мафѣ.

Во время его приближенія къ [illegible] народъ; головы всѣхъ были обращены кверху. Не рискуя обратить вниманіе людей на свою медвѣжью оболочку, марга подошелъ къ толпѣ, поднялъ свою голову также вверхъ и увидѣлъ висящій въ воздухѣ громадный амбаръ, на которомъ сидѣла Ойяръ-фуди, цѣль его прихода, и съ озабоченнымъ видомъ курила трубку; передъ ней лежалъ какой то узелъ. Выкуривъ трубку, дѣвушка отложила ее въ сторону, развязала узелъ и достала изъ него шапку—самолетъ; надѣвъ ее себѣ на руку, она громко произнесла: „родители хотятъ выдать меня замужъ, хотятъ меня продать; быть проданной я не хочу. Эту шапку я сама работала три года, составляя ее изъ кусочковъ лучшихъ соболей и другихъ цѣнныхъ звѣрей. Брошу я эту шапку, [illegible] быть моимъ мужемъ". Съ этими словами дѣвушка бросила шапку внизъ, въ толпу.

Шапка, спускаясь внизъ, начала кружиться надъ головами толпы. Всѣ бросились ловить ее, но это никому не удалось. Наконецъ шапка остановилась надъ медвѣдемъ и опустилась къ нему на голову. Толпа съ испугомъ разбѣжалась.

Бая-мафа, покорившись выбору своей дочери, взялъ веревку, накинулъ ее медвѣдю на шею и повелъ его къ себѣ въ домъ; тутъ медвѣдь превратился въ человѣка и, поселившись у Бая-мафа за хозяина, сталъ завѣдывать поминками.

Вскорѣ отпраздновали свадьбу дочери и когда поминки кончились, то марга съ своею молодою женою и ея родителями перекочевалъ къ себѣ.

Сказаніе объ одномъ гольдѣ и его двухъ женахъ.

Жилъ нѣкогда гольдъ съ двумя женами; онѣ были бездѣтны. Прошло нѣсколько лѣтъ и младшая изъ женъ забеременѣла. Наступило время родовъ и мужъ сказалъ женѣ: „нужно строить тебѣ родильный шалашъ; иди въ лѣсъ и когда пройдешь девять холмовъ и девять овраговъ, то увидишь толстый тополь, подъ которымъ и построй себѣ шалашъ; а для того,

чтобы тебѣ не заблудиться въ лѣсу, замѣть, что на полпути, на пятомъ холмѣ, стоитъ большой столъ изъ зеленаго камня".

Женщина отправилась въ указанное мѣсто, построила себѣ шалашъ и вернулась обратно. Черезъ нѣсколько дней, почувствовавъ приближеніе родовъ, она привѣсила къ поясу кулекъ буды и, опираясь на двѣ палки, тихо побрела къ шалашу; около зеленаго камня она отдохнула и къ вечеру дошла до цѣли. Но едва только она успѣла переступить порогъ шалаша, какъ на свѣтъ появился красивый здоровый мальчикъ. Мать сняла съ себя нижнюю шелковую рубаху, завернула въ нее ребенка, затѣмъ сняла съ себя шелковый поясъ, разорвала его пополамъ и запеленала сына; послѣ этого она поставила котелъ на огонь, сварила буды и поѣла, чтобы у нея явилось больше молока.

Подкрѣпившись сама и покормивъ ребенка, она положила его себѣ на плечо и влѣзла съ нимъ на дерево, до первой вѣтки, на которую положила сына и произнесла: „мой отецъ живетъ на небѣ; я отдаю ему своего сына. У отца небеснаго есть пятнистый звѣрь, котораго зовутъ Дуркуръ-боча: онъ прилетитъ за сыномъ. Прилети, Дуркуръ, возьми моего сына и найди кого-нибудь, кто бы его выкормилъ, такъ какъ я сейчасъ упаду на землю и не знаю, останусь ли жива". Съ этими словами женщина упала мертвая. Тотчасъ прилетѣлъ Дуркуръ, взялъ ребенка и куда-то унесъ.

Старшая жена долго ожидала возвращенія младшей, снѣдаемая любопытствомъ относительно исхода родовъ; наконецъ, любопытство взяло верхъ и она, спрятавъ за пазуху живого поросенка, отправилась къ родильному шалашу, гдѣ нашла одинъ лишь бездыханный трупъ своей младшей сестры. Она начала искать ребенка, но нигдѣ не могла найти его; тогда она заколола поросенка, вымазала лицо покойницы его кровью, а мясо поросенка, на обратномъ пути, спрятала подъ зеленый камень.

Вернувшись домой, она сказала мужу: „вотъ ты любишь свою меньшую жену больше меня, а между тѣмъ она родила тебѣ сегодня грязнаго сына и тотчасъ же съѣла его. Я ходила туда и видѣла, что она лежитъ, спитъ; животъ у нея полный и все лицо вымазано кровью ребенка. Жена твоя сдѣлалась бусоу (людоѣдка, вѣдьма). Она скоро проснется, придетъ сюда и намъ съ тобою не миновать смерти. Бѣги скорѣе, возьми топоръ и убей ее.

пока она еще не проснулась". Мужъ повѣрилъ наговору жены, схватилъ топоръ и побѣжалъ. Придя къ дереву, онъ увидѣлъ, что ребенка нѣтъ, а губы у матери въ крови и, не удостовѣрившись, жива ли жена, въ остервененіи, изрубилъ ее топоромъ на мелкіе куски.

Пятнистый крылатый олень Дуркуръ-боча понесъ младенца. Летѣлъ онъ съ нимъ много дней и много ночей. Однажды вечеромъ Дуркуръ началъ медленно спускаться на землю, прямо на деревню. Опустившись, онъ осторожно бросилъ свою ношу къ ногамъ стоявшей около фанзы женщины, которая, поднявъ ребенка, радостно воскликнула: „богомъ данный! у меня нѣтъ сына, возьму его и буду любить, какъ своего родного, а дочь моя будетъ любить его, какъ своего брата". Дочь женщины, жившая замужемъ въ сосѣдней фанзѣ и до этого очень рѣдко ходившая къ своимъ родителямъ, теперь стала бывать у нихъ ежедневно по нѣсколько разъ. Ребенокъ, при общей любви къ нему всѣхъ окружающихъ, росъ быстро, полнѣлъ и хорошѣлъ.

Съ малолѣтства мальчикъ пристрастился къ стрѣльбѣ изъ лука, стрѣляя сперва въ цѣль, а потомъ по маленькимъ птичкамъ. Онъ часто заходилъ къ своей сестрѣ и относилъ ей въ подарокъ перышки и крылышки убитыхъ имъ птицъ.

Однажды, когда ребенокъ уже достигъ семилѣтняго возраста и пошелъ пострѣлять изъ лука за деревню, онъ увидѣлъ маленькую, очень красивую птичку ніата, которую раньше ему никогда не приходилось встрѣчать. „Нужно убить ее, подумалъ ребенокъ, и спросить отца и мать, что это за птичка". Мальчикъ прицѣлился и выстрѣлилъ; птичка упала, повертѣлась, затѣмъ опять вспорхнула, сѣла на деревцо и заговорила человѣческимъ голосомъ: „зачѣмъ ты меня хочешь убить? чтобы показать отцу и матери? вѣдь ты круглый сирота, это не твои родители." Съ этими словами птичка улетѣла. Сиротка поднялъ два перышка отъ этой птички, спряталъ ихъ себѣ за пазуху и вернулся домой, гдѣ онъ горько заплакалъ. На его плачъ прибѣжали отецъ, мать и сестра и начали утѣшать ребенка, допрашивая, о чемъ онъ плачетъ. „Какъ же мнѣ не плакать, я привыкъ васъ называть отцомъ и матерью, а тебя сестрою, а между тѣмъ я вовсе не сынъ вашъ и не братъ! Скажи, мать, мнѣ правду, сынъ ли я твой?" — „Какъ же не сынъ, отвѣтила женщина, когда я тебя вскормила и выростила?" — „Нѣтъ, не правда. Скажи, сестра, ты мнѣ правду, братъ ли я тебѣ?" — „Не родной.

Я была единственною дочерью у моихъ родителей; они съ малолѣтства отдали меня въ чужой домъ въ работницы и я навѣщала ихъ рѣдко. Однажды, какъ то, когда я возвращалась отъ нихъ, мать пошла меня провожать и въ тотъ моментъ, когда мы прощались, по воздуху пролеталъ Дуркуръ, который бросилъ къ ногамъ матери ребенка; этотъ ребенокъ былъ ты". „Я сегодня хотѣлъ убить птичку, проговорилъ всхлипывая мальчикъ, и вышибъ ей вотъ эти два перышка; птичка молила не убивать ее и разсказала мнѣ мою горькую судьбу; затѣмъ она улетѣла". Проговоривъ это, мальчикъ поклонился трижды всѣмъ въ ноги, вышелъ изъ фанзы и крикнулъ: „Дуркуръ, Дуркуръ! если справедливо то, что ты меня привезъ сюда, то приди и возьми меня обратно". И не успѣлъ мальчикъ окончить своихъ словъ, какъ передъ нимъ явился Дуркуръ. „Прощайте! крикнулъ мальчикъ, вскочивъ на Дуркура, я полечу, посмотрю, гдѣ я родился, а затѣмъ вернусь обратно и буду васъ кормить," и быстро скрылся изъ вида, оставивъ своихъ названныхъ родственниковъ въ изумленіи.

Долго летѣлъ Дуркуръ; летѣлъ онъ высоко, высоко, подъ самымъ синимъ небомъ. Но вотъ онъ пріостановился и сказалъ строго: „въ тотъ день, когда ты родился, я, по приказанію твоей матери, которая умерла отъ родовъ, унесъ тебя и отдалъ хорошимъ людямъ, чтобы они тебя вскормили. У твоего отца было двѣ жены; мать твоя была младшая. Старшая жена, изъ зависти, что отецъ любитъ твою мать больше ея, убила поросенка, вымазала твоей матери, когда она была уже мертвая, кровью этого поросенка ротъ и сказала отцу, что мать твоя, сдѣлавшись бусоу, съѣла тебя живого. Отецъ, въ изступленіи, не разобравъ въ чемъ дѣло, изрубилъ трупъ твоей матери, думая, что она спитъ. Заколотаго же поросенка старшая жена твоего отца спрятала подъ зеленый камень. Отецъ до сихъ поръ увѣренъ, что твоя мать, сдѣлавшись вѣдьмой, съѣла тебя. Послѣ этого дѣдъ твой и бабушка, по умершей матери, живущіе на небѣ, послали на землю работниковъ, приказавъ собрать кости твоей матери и положить ихъ въ желѣзный гробъ; этотъ гробъ они заковали, въ трехъ мѣстахъ, въ цѣпи и подвѣсили къ небу; куда вѣтеръ подуетъ, туда гробъ и качается. Я промчусь мимо гроба вплотную и ты долженъ вскочить на него; если цѣпи оборвутся и гробъ полетитъ на землю, то мать твоя опять будетъ жива, иначе и тебѣ суждено погибнуть на ея костяхъ,

такъ какъ я за тобою болѣе не приду". И Дуркуръ полетѣлъ далѣе.

Подъ ногами всадника, далеко внизу, вновь замелькала земля, вновь запестрѣли лѣса и горы, между которыми, блисталъ своей стальной поверхностью, протекалъ могучій Амуръ, а по цвѣтущимъ его берегамъ раскинуты деревни. Смотритъ сирота, надъ одной изъ этихъ деревень виситъ на цѣпяхъ цѣль его стремленій, желѣзный гробъ и прямо на него направилъ свой полетъ Дуркуръ. Въ тотъ моментъ, когда они поровнялись съ гробомъ, отважный всадникъ вспрыгнулъ на него, цѣпи оборвались и онъ, вмѣстѣ съ гробомъ, стремительно полетѣлъ на землю. Ударившись о землю, гробъ разбился на мелкіе куски и сирота увидѣлъ свою мать въ живыхъ. Онъ бросился ей въ ноги, въ сыновнихъ изліяніяхъ, она же не знала, чему отдаваться: радости ли свиданія съ сыномъ, или благодарности къ нему за ея воскресеніе.

Послѣ этого они отправились къ дѣду на небо, чтобы выразить ему благодарность за тотъ благополучный конецъ, наступленіемъ котораго ему обязаны. Чтобы попасть къ нему, сынъ вырубилъ четыре рябиновыя палки, далъ двѣ матери, а двѣ взялъ себѣ и, оттолкнувшись этими палками отъ земли, они полетѣли на небо.

Скоро они прилетѣли къ дѣду. Послѣ доклада, ихъ впустили въ фанзу; дѣдъ поклонился имъ, угостилъ ихъ, обласкалъ и отпустилъ обратно.

Спустившись на землю, мать съ сыномъ поселились въ одной фанзѣ.

Однажды марга взялъ лучекъ и пошелъ погулять вверхъ по Амуру. Шелъ онъ чащей, среди которой неожиданно наткнулся на старую полуразвалившуюся фанзу; подойдя къ ней, марга началъ обивать у дверей снѣгъ съ олочей. Изъ фанзы вышелъ сгорбленный старикъ, въ изорванной одеждѣ, и спросилъ юношу: „ты кто такой? откуда? заходи погрѣться". Марга вошелъ и они разговорились. Среди разговора марга спросилъ старика: „а гдѣ твои дѣти?" и получилъ въ отвѣтъ: „былъ у меня одинъ сынъ отъ младшей жены, но она, родивши его, сдѣлалась вѣдьмой и съѣла ребенка; я ее зарубилъ". Отсюда марга заключилъ, что этотъ старикъ его отецъ и въ порывѣ сыновней радости воскликнулъ: „я твой сынъ! тебя твоя старшая жена обманула: она зарѣзала поросенка и вымазала груди моей матери.

умершей отъ родовъ, кровью этого поросенка, спряталъ ее подъ зеленымъ камнемъ". И юноша разсказалъ отцу всѣ главнѣйшія обстоятельства своей жизни. Услышавъ это, старикъ обезумѣлъ отъ гнѣва на обманщицу, схватилъ топоръ и бросился рубить свою старшую жену, спавшую въ это время на нарахъ. Марга, въ ужасѣ, убѣжалъ домой, гдѣ разсказалъ своей матери о встрѣчѣ съ отцомъ и о послѣдствіяхъ этой встрѣчи. „Онъ завтра придетъ къ намъ. Какой онъ жалкій, бѣдный"! — „Да, тебѣ его жалко, проговорила мать, въ негодованіи, а когда онъ рубилъ меня, то меня никто не пожалѣлъ". — „Да развѣ тебѣ, мать, было больно? вѣдь ты была тогда мертвой, а когда онъ сегодня рубилъ топоромъ старшую жену, живую, то ей навѣрное было больно".

На другой день пришелъ старикъ. Сынъ принялъ его ласково; мать сначала была недовольна его приходомъ, но затѣмъ смягчилась, угостила его обѣдомъ, обула, одѣла во все новое.

Черезъ нѣсколько дней дѣдъ прислалъ съ работниками свою дочь, которую онъ отдавалъ маргѣ въ жены.

Однажды марга сталъ говорить матери: „теперь все устроилось благополучно, пойду я къ своимъ молочнымъ родителямъ и приведу ихъ сюда; я обѣщалъ кормить ихъ всю жизнь". И наскоро собравшись въ путь, марга отправился, на лыжахъ, внизъ по Амуру, а черезъ трое сутокъ дошелъ до селенія. Обрадовались добрые люди, увидѣвъ своего молочнаго сына и брата. Марга поклонился имъ въ землю и пригласилъ пожаловать жить къ нему. Старики съ радостью согласились и перекочевали въ деревню къ марга, гдѣ всѣ потомъ стали жить тихо и спокойно.

Сказаніе о двухъ братьяхъ.

Жили нѣкогда двое родныхъ братьевъ, Ахондо-марга. Они не помнили, кто ихъ отецъ и никогда не видали никого изъ людей кромѣ другъ друга.

Однажды одинъ изъ братьевъ, бродя по лѣсу, напалъ на слѣдъ сохатаго и погнался за нимъ. Гналъ онъ звѣря до заката

солнца, послѣ чего замѣтилъ, что слѣдъ подошелъ къ болоту, посреди котораго находился укрытый деревьями холмикъ. Подкравшись къ холмику, марга удачнымъ выстрѣломъ положилъ сохатаго на мѣстѣ и сталъ сдирать съ него шкуру. Въ это время къ его табору приблизилась красивая дѣвушка, верхомъ на конѣ. Марга предложилъ дѣвушкѣ отдохнуть и она, согласившись на это, помогла юношѣ свѣжевать звѣря и сварить ужинъ. Когда наступило время ночлега, марга разрѣзалъ шкуру сохатаго на двѣ части и одну изъ нихъ постелилъ по одну сторону костра, для дѣвушки, а другую по другую сторону костра, для себя.

Едва лишь дѣвушка заснула, какъ марга сталъ бросать въ воздухъ горящія головни отъ костра, желая испугать дѣвушку чертями голоа *); но дѣвушка отъ усталости крѣпко заснула и затѣи марги не удались. На утро путники позавтракали тѣмъ же сохатинымъ мясомъ и собрались въ дальнѣйшій путь, дѣвушка верхомъ на конѣ, а марга на лыжахъ.

Шли они долго. Марга, заинтересованный таинственнымъ появленіемъ красивой дѣвушки, все время допытывалъ свою спутницу, кто она и откуда; но всѣ его вопросы оставались безъ отвѣта. Наконецъ, дѣвушка, выведенная изъ себя навязчивостью марга, разсердившись, сказала ему: „ты мнѣ надоѣлъ и я недовольна на тебя, марга, за то, что ты, на сколько я могла замѣтить сквозь сонъ, меня ночью пугалъ, желая обманнымъ образомъ жениться на мнѣ. Я пришла къ тебѣ издалека. За моремъ живутъ мои два брата Пьямо-ньо, а меня зовутъ Пьямонифуджи. Видишь, продолжала дѣвушка, въ концѣ этой пади чернѣетъ лѣсъ? онъ подходитъ къ самому Амуру. На берегу его стоитъ деревня, въ которой ранѣе жилъ старикъ съ женой, старухой, и дочерью Каккуни-фуджи. Мать съ дочерью еще живы и фуджи для меня все равно, что родная сестра. Въ настоящее время въ деревнѣ справляются поминки по старикѣ: хочешь, давай состязаться: если ты добѣжишь до деревни скорѣе меня, то я стану твоей женой, въ противномъ случаѣ ты будешь у моего мужа въ работникахъ". Марга согласился; онъ срубилъ себѣ двѣ палки, опираясь на которыя полетѣлъ какъ вихрь и вмигъ очутился въ деревнѣ, оставивъ дѣвушку далеко позади себя.

*) Голоа, изъ группы бусеу, чертъ, появляющійся по ночамъ, въ видѣ огненнаго столба.

Войдя въ первую фанзу, марга закурилъ трубку изъ мѣстнаго табаку, выкурилъ ее и высыпалъ пепелъ кучкою на столъ; затѣмъ выкурилъ другую трубку и сбросилъ вторую кучку пепла, рядомъ съ первой; такимъ образомъ онъ выкурилъ четыре трубки и уже закуривалъ пятую, когда къ фанзѣ подъѣхала дѣвушка, на взмыленномъ конѣ. Войдя въ фанзу и увидѣвъ на столѣ четыре кучки пепла, фудзи безпрекословно согласилась быть женою марга.

Послѣ этого дѣвушка сказала маргѣ: „сходи въ сосѣднюю деревню: въ ней нѣтъ хозяина, и спроси, можешь ли ты и твой братъ завѣдывать поминками?" Марга отправился и встрѣтился тамъ съ шедшей по воду дѣвушкой: онъ остановилъ ее, поздоровался и спросилъ: „какъ это вы будете праздновать поминки безъ хозяина? хочешь, я пошлю вамъ своего брата?" Дѣвушка согласилась и марга, отдавъ ей часть бывшаго у него мяса, вернулся къ женѣ, которой также отдалъ оставшуюся половину своего мясного запаса, послѣ чего возвратился къ себѣ домой. Придя въ свою фанзу, марга разсказалъ брату про свои дорожныя приключенія, какъ онъ нашелъ себѣ жену и какъ брата просили быть хозяиномъ на поминкахъ въ безхозяйной деревнѣ. Младшій братъ на это ничего не отвѣтилъ, но послѣ полуночи началъ потихоньку собираться, умылся, одѣлся въ новое чистое платье и опять легъ спать. Съ разсвѣтомъ, онъ всталъ, посовѣтовался съ старшимъ братомъ, достаточно ли хорошо онъ одѣтъ и куда ему идти и, получивъ одобрительный отвѣтъ, ушелъ.

Марга остался дома. Прошло десять дней; братъ все не возвращался и марга сталъ безпокоиться. Поджидая брата, онъ пересталъ ходить даже на охоту. Наконецъ, однажды въ полдень братъ возвратился, исхудалый, весь въ лохмотьяхъ и говоритъ маргѣ: „я былъ тамъ, куда ты посылалъ меня; дошедши до деревни Иго, я присѣлъ около одной изъ фанзъ и сталъ выжидать хозяйку: а такъ какъ на мой зовъ никто не откликался, то я вошелъ въ фанзу, гдѣ нашелъ очень много дѣвушекъ, закурилъ трубку и сталъ высматривать самую красивую изъ нихъ. Долго я сидѣлъ такимъ образомъ, наконецъ, спросилъ дѣвушекъ: „которая изъ васъ вызвала меня?" Трижды я спрашивалъ ихъ объ этомъ и не получалъ отвѣта; наконецъ, съ улицы раздался чей то женскій голосъ, произнесшій: „ты дуракъ! никто тебѣ не приготовилъ здѣсь жены, а если хочешь пріобрѣсти супружескія права надо мною, то выходи на шаманское состязаніе и кто

изъ насъ окажется хитрѣе и сильнѣе, тотъ тому и будетъ принадлежать". Я согласился и вышелъ на зовъ. Мы состязались въ полетѣ птицами, бѣгали звѣрями, но побѣдительницей осталась женщина, которая и сдѣлала меня бусеу. Я долго бродилъ по свѣту, но гдѣ я былъ, не помню. Посмотри, марга, какъ я измученъ, какъ я обносился", прибавилъ онъ съ горечью и со слезами на глазахъ, совершенно убитый, ушелъ, не присѣвъ отдохнуть даже на минуту.

Съ этихъ поръ марга сталъ тосковать и думать, какъ бы помочь брату. Однажды онъ взялъ лучекъ и стрѣлы и пошелъ въ лѣсъ. Вырубивъ себѣ новое топорище, онъ совершенно неожиданно наткнулся на бѣжавшую козулю, покрытую золотой шерстью. Марга пошелъ по ея слѣду, но слѣдъ ея, о трехъ ногахъ *), къ вечеру исчезъ, а марга не захватилъ съ собой даже огнива, чтобы развести огонь и отогрѣться. Но затруднительность положенія марги вскорѣ прекратилась, такъ какъ вдали показался огонь, которому несказанно обрадовался усталый и полузамерзшій юноша и направился на него. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что это было освѣщенное окно фанзы. Обледенѣлый марга, подойдя къ двери, попробовалъ было, снять лыжи, но не могъ, настолько онѣ обмерзли и пальцы его закоченѣли; пробовалъ онъ поналечь на дверь, чтобы открыть ее, но у него уже не хватило на это силъ, и онъ, прислонившись къ стѣнѣ, застылъ. Въ фанзѣ находились двѣ дѣвушки, хозяйки фанзы; услыша шумъ, онѣ пробовали открыть дверь, но дверь оказалась снаружи чѣмъ то припертой; тогда дѣвушки вылѣзли въ окно и съ ужасомъ замѣтили стоящую фигуру окоченѣвшаго человѣка и захлопотали около него. Обрѣзавъ тотчасъ же ремни на лыжахъ, онѣ снесли юношу въ избу, раздѣли, крѣпко его растерли и покрыли мѣховыми шкурами. Хлопоты дѣвушекъ не пропали даромъ и марга, придя въ полусознаніе, скоро заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ.

На слѣдующій день марга проснулся почти совершенно здоровымъ и спросилъ дѣвушекъ, кто его внесъ въ фанзу. Дѣвушки отвѣтили смущеннымъ смѣхомъ, говоря, что онъ самъ

*) По повѣрованію малокультурныхъ народовъ, сверхестественная сила принимаетъ, какъ извѣстно, форму разныхъ звѣрей; при воплощеніи ея въ образѣ козули, это животное, по представленію гольдовъ, обладаетъ только тремя конечностями, почему оставляетъ соотвѣтствующій, характерный для него, слѣдъ.

вошелъ въ фанзу и легъ спать. Марга взялъ обѣихъ дѣвушекъ себѣ въ жены и остался у нихъ жить.

Прошло нѣкоторое время, въ теченіе котораго они жили ласково и согласно. Однажды на улицѣ послышался шумъ: то возвращались домой, съ охоты, братья его женъ. Они жили въ сосѣдней фанзѣ. Зайдя къ сестрамъ и увидя неожиданную перемѣну въ ихъ семейномъ быту, братья стали высказывать сестрамъ неудовольствіе, что тѣ, безъ ихъ разрѣшенія, вышли замужъ за неизвѣстнаго человѣка. Они тотчасъ возвратились къ себѣ и послали своего работника, звать марга къ нимъ въ фанзу. Когда марга явился, братья сказали ему: „завтра мы пойдемъ на охоту, по тремъ разнымъ дорогамъ: если ты принесешь домой звѣря больше чѣмъ мы *), то только въ такомъ случаѣ наши сестры останутся твоими женами, иначе ты долженъ будешь сдѣлаться нашимъ вѣчнымъ работникомъ". Марга безмолвно согласился и братья отпустили его.

На утро братья отправились въ лѣсъ и по дорогѣ зашли къ марга, напомнить ему о заключенномъ условіи. Это оказалось не лишнимъ, такъ какъ марга и не думалъ собираться на охоту. Братья ушли. Прошло уже больше полудня, пока женамъ удалось поторопить маргу, который нехотя одѣлся и отправился. Скоро онъ напалъ на слѣдъ, направившись по которому, къ вечеру дошелъ до табора братьевъ, расположившихся у костра, на перекресткѣ трехъ дорогъ. На утро охотники разошлись: марга пошелъ по средней тропѣ, а братья по боковымъ.

Марга шелъ беззаботно, но промыселъ его оказался на столько удачнымъ, что превосходилъ всякія вѣроятія и къ полудню онъ, собравъ нѣсколько сотъ звѣриныхъ ноздрей, къ вечеру вернулся домой, гдѣ спряталъ свою добычу въ амбаръ. На разспросы женъ, почему онъ такъ скоро вернулся, марга отвѣтилъ неохотно, говоря, что ему не удалось догнать братьевъ; „все равно завтра, продолжалъ марга мистифицировать женъ, я отъ васъ совсѣмъ уйду и вы мнѣ больше не нужны".

Ночью вернулся старшій братъ, а въ полдень слѣдующаго дня младшій и послали работника за марга, который, уходя изъ фанзы, сказалъ женѣ: „Аси! принеси за мной изъ амбара того злосчастнаго зайца, котораго я вчера туда бросилъ". Войдя въ фанзу братьевъ, марга увидѣлъ, что на полу было брошено до

*) Количество убитаго звѣря опредѣляется въ такихъ случаяхъ количествомъ принесенныхъ охотникомъ домой звѣриныхъ ноздрей.

ро хоть подрядно 10 съ принадлежащихъ малымъ звѣрямъ, причемъ большинство изъ нихъ были крысы. На вопросъ братьевъ о добычѣ марги, послѣдній отвѣтилъ, что ему не удалось ничего убить. Братья возликовали, но не на долго, такъ какъ въ это время вошла въ фанзу младшая жена марги и, бросивъ братьямъ въ ноги большую связку ноздрей крупныхъ звѣрей, начала упрекать ихъ, что они только хвастаются удачей своей охоты, но кромѣ крысъ не принесли ничего. „Мой мужъ лучшій охотникъ на Амурѣ", заключила свою горячую тираду младшая сестра.

Прошло нѣсколько дней. Однажды братья позвали за младшей сестрой и сказали ей: „твой мужъ лучшій охотникъ на Амурѣ: пошли его къ морю, пускай онъ сходитъ туда и обратно въ одни сутки и принесетъ съ берега моря раковину чоекта". Вернувшись домой, сестра разсказала мужу о предложеніи братьевъ. Тотъ ничего не отвѣтилъ, но на слѣдующее утро всталъ раньше обыкновеннаго, одѣлся, взялъ трубку, свернулъ изъ листа табаку длинную сигару и закурилъ ее; затѣмъ, отдавши женѣ трубку со вставленною въ нее сигарою, сказалъ: „сиди и кури цѣлый день безъ передышки". Послѣ этого онъ вышелъ изъ фанзы и, направившись къ морю, мгновенно достигъ цѣли, гдѣ собралъ 10 раковинъ, 5 плоскихъ, кас, и 5 винтообразныхъ, чоекта, столь же быстро вернулся домой, тогда какъ жена его не успѣла выкурить и половины сигары.

Марга передалъ раковины женѣ, которая тотчасъ отнесла ихъ братьямъ. Братья не повѣрили, чтобы марга могъ успѣть сходить къ морю такъ быстро и, чтобы окончательно уличить его, пошли тотчасъ по его слѣду. Они шли пятеро сутокъ, пока не удостовѣрились, что марга дѣйствительно ходилъ къ морю. Вернувшись обратно и пригласивъ къ себѣ маргу, они объявили ему, что, согласно заключеннаго условія, они со всѣмъ своимъ селеніемъ поступаютъ къ нему въ работники.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды марга сидѣлъ, задумавшись, у себя въ фанзѣ; въ это время позади него раздался чей-то голосъ. Марга обернулся и увидѣлъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ незнакомый ему человѣкъ, который, на вопросы марги, кто онъ такой, откуда и куда идетъ, отвѣтилъ, что онъ пришелъ собственно къ нему, къ маргѣ; что онъ Ньямо-нье, братъ той самой дѣвушки Ньямо-ни-фуджи, которую марга, встрѣтивъ однажды въ лѣсу, хотѣлъ испугать головешками, чтобы обманомъ овладѣть

ся невинностью, отданною ему только послѣ честнаго обѣщанія, что онъ приметъ, зять его, гнаться, на скорость, за звѣремъ, съ условіемъ, кто изъ нихъ останется побѣдителемъ, къ тому побѣжденный поступаетъ въ работники, причемъ, если побѣдитъ марга, то онъ сохранитъ за собой право мужа на его сестру, Ньямо-ни-фудаки, отдавшуюся ему безъ вѣдома и согласія брата. Марга согласился и послалъ свою младшую жену сказать ея братьямъ, чтобы и они собрались къ утру на состязаніе.

Съ разсвѣтомъ, всѣ четверо отправились на лыжахъ въ лѣсъ, гдѣ скоро напали на слѣдъ сохатаго, но Ньямо сталъ отговаривать всѣхъ не гнаться за сохатымъ, такъ какъ этотъ звѣрь слишкомъ медленно бѣгаетъ, чтобы имъ стоило добиваться должнаго успѣха. Поэтому они пошли дальше и, увидѣвъ слѣдъ козули, рѣшили гнаться за ней. Передовымъ *) пошелъ Ньямо, а вторымъ марга. Марга замѣтилъ, что слѣдъ принадлежитъ козулѣ о трехъ ногахъ и что Ньямо нѣсколько разъ нагибался и, захвативъ козулій пометъ, пряталъ его себѣ за пазуху; видя въ этомъ какую то разсчитанную хитрость Ньямо, очевидно знакомаго съ чудодѣйственной силой этого помета, марга также поднялъ и спряталъ пометъ себѣ за пазуху. Вскорѣ двое братьевъ отстали и марга съ Ньямо, уйдя далеко впередъ, начали чередоваться въ быстротѣ бѣга, безъ замѣтнаго перевѣса на сторонѣ кого либо изъ состязающихся. Въ этой борьбѣ прошелъ цѣлый день. Вдругъ марга почувствовалъ приступъ сильной боли въ сердцѣ и головокруженіе: въ полномъ разслабленіи, онъ опустился на земь. Ньямо исчезъ на горизонтѣ.

Марга, перепуганный этимъ припадкомъ, который съ нимъ никогда до сихъ поръ не случался, вспомнилъ видѣнный имъ однажды сонъ, что у него есть жена, живущая на небѣ, по пути движенія солнца; онъ началъ звать ее на помощь, говоря, что онъ умираетъ, не выполнивъ, какъ побѣжденный, падающаго на него, согласно условія, обязательства, а потому, чтобы она спустилась на землю и выручила его, поступивъ вмѣсто него къ Ньямо въ работницы. Не успѣлъ марга докончить свой призывъ, какъ съ неба спустилась къ нему женщина и сказала: „марга, я твоя жена; зачѣмъ ты поднялъ козулій пометъ? благодаря ему ты почувствовалъ себя дурно: эта козуля не звѣрь, это

*) Если за однимъ звѣремъ гонится нѣсколько охотниковъ, то передовымъ, которому приходится прокладывать на лыжахъ дорогу, бываетъ каждый изъ охотниковъ, по очереди.

бурханъ въ образѣ треногой козули", и съ этими словами она разорвала воротъ рубахи марга и вытащила у него изъ за пазухи пару бурхановъ аджеха, которыхъ бросила въ снѣгъ, а маргу напоила какимъ то лекарствомъ окто, отъ котораго тотъ мгновенно поправился. Женщина исчезла.

Тотчасъ послѣ этого поднялся сильный вихрь и, въ образѣ тучи, прилетѣлъ на лыжахъ родной братъ марга, съ лукомъ и стрѣлами. Онъ поздоровался, поцѣловалъ марга и сказалъ: „видишь ли, братъ, когда я ушелъ отъ тебя въ послѣдній разъ, я былъ бусеу, такъ какъ Кокхуни-фуджи меня побѣдила; но я состязался съ ней вторично въ Сахалинъ-дорани (конецъ шаманскаго пути), остался побѣдителемъ и сдѣлался большимъ шаманомъ. Лишь только я построилъ себѣ фанзу *) и успѣлъ сѣсть съ женой обѣдать, какъ узналъ, что тебѣ плохо и что намъ всѣмъ предстоитъ сдѣлаться работниками у Ньямо; въ тотъ же мигъ я, въ образѣ вихря, помчался къ тебѣ на помощь, но тебѣ уже помогла твоя небесная жена. Слѣдуй за мной и ты перегонишь Ньямо“. Братъ помчался впередъ и быстро исчезъ изъ вида; за нимъ двинулся и марга.

Скоро онъ увидѣлъ лежащаго на дорогѣ Ньямо, придавленнаго поперекъ громаднымъ деревомъ, опрокинутымъ на него братомъ марга. Ньямо обратился къ марга съ просьбой освободить его; тотъ помогъ ему и они пошли вмѣстѣ. Но Ньямо сильно отсталъ, марга же пошелъ впередъ, по слѣду козули, который велъ къ большому сѣверному морю Пырхи-наму-ни.

Марга домчался туда лишь поздно вечеромъ. Передъ нимъ на берегу моря раскинулась большая деревня. Войдя въ среднюю фанзу, марга уже засталъ тамъ своего брата. Въ фанзѣ у Ніало-марга, брата Ньямо, который, узнавъ, на какихъ условіяхъ состоялось состязаніе между маргой и Ньямо, объявилъ, что вся ихъ деревня, построивъ большіе барказы для плаванія по морю, перекочуетъ къ нимъ съ моря на Амуръ и сестра ихъ Ньмо-ни-фуджи будетъ женой марга.

Марга съ братомъ возвратились по домамъ и вскорѣ перекочевали съ своими женами: одинъ съ шаманкой, Кэкхуни-фуджи, а другой съ четырьмя, на мѣсто своей родины, гдѣ и построились на лѣвомъ берегу Амура; прибывшіе же за-

*) По представленію гольдовъ, шаману стоитъ только трижды хлопнуть въ ладоши, чтобы для него въ тотъ же моментъ построилась фанза.

тѣмъ всей деревней. Нямо-марга съ братомъ Ніално-марга, переселились на правомъ берегу и стали жить двумя деревнями, тихо и спокойно.

Сказаніе о старикахъ и ихъ внукѣ.

Жилъ нѣкогда старикъ со старухой и малолѣтнимъ внукомъ.

Однажды старикъ пошелъ въ лѣсъ по дрова, а вернувшись, въ тревогѣ, объявилъ старухѣ, что имъ нужно бѣжать куда нибудь, такъ какъ къ нимъ идетъ бусеу. Они сѣли на единственнаго бывшаго у нихъ коня и поѣхали по берегу Амура, вверхъ по рѣкѣ. Но не успѣли отъѣхать на столько, чтобы фанза скрылась изъ вида, какъ мальчикъ вспомнилъ, что онъ забылъ въ фанзѣ связку золотыхъ и серебряныхъ козульихъ бабокъ, безъ которыхъ онъ, не смотря на горячія увѣщанія стариковъ, ни за что не хотѣлъ продолжать путь, а потому старики дали внуку коня, съѣздить за бабками, сами же отправились впередъ пѣшкомъ.

Подъѣхавъ къ фанзѣ, мальчикъ сдѣлалъ пальцемъ въ окнѣ отверстіе, посмотрѣлъ въ него и, увидѣвъ, что на нарахъ, какъ разъ надъ его бабками, спитъ высокій, сухой старикъ. Мальчикъ осторожно открылъ дверь, взялъ длинную палку, снялъ съ крючка бабки и вышелъ на улицу. Сѣлъ на коня, мальчикъ стегнулъ его, но тотъ ни съ мѣста; онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что старикъ одною рукою держитъ коня за хвостъ, а другую протягиваетъ къ нему. Отъ испуга онъ потерялъ сознаніе, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежитъ на нарахъ въ незнакомой ему фанзѣ, а рядомъ съ нимъ сидитъ тотъ же старикъ, который, замѣтивъ, что мальчикъ очнулся, приласкалъ его, предложилъ ему поѣсть и сказалъ: „я уйду и скоро возвращусь, а ты, если захочешь ѣсть, ѣшь сколько тебѣ угодно, но играй около дому и далеко не уходи: заблудишься“.

Часто уходилъ старикъ изъ дому; марга слушался его предостереженій и отъ фанзы не отходилъ. Однажды только его разобрало любопытство, почему ему запрещено уходить и онъ, пренебрегая опасностью заблудиться, пошелъ осматривать окрест-

ности. [illegible] по дворѣ, мальчикъ увидѣлъ амбаръ безъ оконъ и двери; въ одной изъ стѣнъ амбара онъ замѣтилъ небольшую дыру и полѣзъ туда посмотрѣть, что тамъ находится. Амбаръ былъ полонъ мальчиковъ подростковъ, однолѣтокъ ему. На вопросъ, что они тамъ дѣлаютъ, подростки отвѣтили, что старикъ, похитивъ ихъ у родителей, держитъ взаперти въ этомъ амбарѣ, а недавно сказалъ, что пошлетъ ихъ куда-то очень далеко за море, гдѣ на островѣ живетъ дѣвушка, по прозванію [illegible]-фуанги. Старикъ видѣлъ однажды сонъ, что эта дѣвушка будетъ его женою, вотъ онъ и похищаетъ дѣтей, чтобы послать ихъ за море, въ качествѣ будущихъ работниковъ, а кто откажется, того онъ оставитъ на вѣки въ этомъ темномъ амбарѣ. Получивъ такое объясненіе, мальчикъ [illegible] побѣжалъ въ фанзу, взялъ тамъ топоръ, разрубилъ имъ окно въ амбарѣ и выпустилъ узниковъ, которые мгновенно гсѣ разбѣжались.

Вернувшись домой и узнавъ о поступкѣ мальчика, старикъ очень разсердился и началъ съ вечера готовить хлѣбцы *). Набивъ ими три куля, старикъ посадилъ мальчика на коня, привязалъ кули къ сѣдлу и сказалъ ему: „поѣзжай и привези мнѣ [illegible]-фуанги“.

Юноша поѣхалъ внизъ по берегу Амура. Въ полдень ему [illegible] дорогу лисица и сказала: „тебѣ предстоитъ далекая дорога, болѣе двухъ лѣтъ ходу; старикъ вретъ, что онъ видѣлъ сонъ, онъ только слышалъ о красотѣ этой дѣвушки. Иди за мной, я тебя не оставлю“, и лиса побѣжала рядомъ съ лошадью.

Каждый день, въ обѣдъ и на ночлегѣ, юноша давалъ лисицѣ полъ-хлѣбца, а остальную половину съѣдалъ самъ.

Они шли долго и запасъ хлѣба сталъ уже истощаться; наконецъ, трое сутокъ они шли, уже ничего не ѣвши. На четвертый день лисица превратилась въ женщину, исхудалую отъ голода, и сказала юношѣ: „завтра мы остановимся на дневку; будетъ собольный дождь, приготовь себѣ палку“. На слѣдующее утро начался собольный дождь: соболи падали тысячами на землю и, упавши, убѣгали въ лѣсъ. Юноша и его спутница набили цѣлую гору соболей, шкурки которыхъ побросали, а соболиное мясо засушили на солнцѣ, набили имъ свои кули и отправились далѣе. Шли они очень долго, женщина лисицей, а юноша верхомъ, пока у нихъ вновь не изсякли приготовленные запасы

*) Афа, небольшіе китайскіе хлѣбцы.

соболинаго мяса. Они опять остановились дневать; опять лисица превратилась въ женщину и сказала юношѣ: „приготовь себѣ палку, завтра будетъ дождь изъ бѣлокъ“. Сдѣлавъ запасъ изъ бѣличьяго мяса, они пошли дальше и, наконецъ, дошли до синяго моря.

Здѣсь лисица сказала юношѣ: „ты останься здѣсь, а я полечу соколомъ къ дѣвушкѣ на островъ; мои крылья будутъ украшены бубенчиками (конгокто) и дѣвушка, плѣнившись моей красотой, погонится за мною и придетъ сюда. Если она тебя спроситъ, самъ ли ты пришелъ сюда или тебя прислалъ старикъ, то скажи, что пришелъ самъ, просить ее себѣ въ жены“. И лисица превратилась въ красиваго сокола, съ бубенчиками на крыльяхъ, и улетѣла за море.

Долго леталъ соколъ около дома Джіаданкан-фуджи. Дѣвушка мыла себѣ голову; выливая воду за окно, она увидѣла птицу, вышла на улицу и начала гоняться за соколомъ. Соколъ незамѣтно увлекъ дѣвушку черезъ море, къ юношѣ, который на ея вопросъ, зачѣмъ пришелъ сюда, отвѣтилъ, что онъ посланъ шаманомъ, видѣвшимъ сонъ, что дѣвушка должна быть его женой. Дѣвушка разсердилась и убѣжала домой.

Соколъ превратился въ женщину, которая начала бранить юношу за ослушаніе и сказала, что она еще разъ попробуетъ доставить ему счастье, но это будетъ уже въ послѣдній разъ.

Спутница юноши вновь полетѣла птицею на островъ, гдѣ превратилась въ женщину и вошла къ дѣвушкѣ въ фанзу, убѣждая ее послѣдовать за ней къ марга, который проситъ ее себѣ въ жены. Дѣвушка нерѣшительно согласилась и обѣ онѣ, превратившись въ птицъ, полетѣли къ юношѣ, гдѣ долго пришлось убѣждать Джіаданкан-фуджи сдѣлаться женой марга; и если она склонилась на просьбы, то лишь подъ тѣмъ условіемъ, что старикъ будетъ по дорогѣ убитъ.

Послѣ этого обѣ женщины, вновь превратившись въ птицъ, полетѣли вверхъ по Амуру, неся марга, поочередно, на крыльяхъ. Пролетая мимо фанзы старика, онѣ осторожно спустились на землю и одна изъ дѣвушекъ, превратившись въ лисицу, вбѣжала къ старику въ фанзу и перегрызла ему горло.

Прилетѣвъ въ фанзу марга, онѣ застали его родныхъ, занимавшихся приготовленіемъ [illegible] и собиравшихся приступить къ по-

мшикамъ по погибшемъ сынѣ. Марга разорвалъ фаню, женился на обѣихъ дѣвушкахъ и сталъ жить съ стариками, лелѣя ихъ старость и добывая средства къ жизни ежедневной охотой.

Сказаніе о мальчикѣ сиротѣ и трехъ талисманахъ.

Росъ нѣкогда въ одной фанзѣ мальчикъ сирота; онъ не помнилъ ни отца, ни матери.

Однажды мальчикъ увидѣлъ во снѣ, что изъ угла фанзы вышелъ, какъ бы высѣченный изъ камня, сѣдой старикъ Джоломафа и сказалъ ему: „выходи на улицу и посмотри, какъ свѣтитъ солнце, какъ течетъ вода; тогда ты узнаешь, что такое день, что такое ночь“. Сирота испугался этого сна и не вышелъ на улицу. На слѣдующую ночь старикъ вновь явился сиротѣ во снѣ и сталъ ободрять его: „не бойся, я не чертъ, я замѣняю тебѣ твоего отца, даю тебѣ пищу и одежду; пора тебѣ увидѣть свѣтъ“. На утро, марга набрался рѣшимости, сталъ искать выходъ на улицу и, найдя дверь, а на ней большой желѣзный запоръ, предположилъ, что его отецъ былъ состоятельный человѣкъ, если могъ располагать такими удобствами, какъ желѣзные затворы.

Выйдя на дворъ, марга увидѣлъ, что у окна сидятъ двѣ птицы, одна золотая, а другая серебряная; онъ сорвалъ стебель высокой конопли, свилъ изъ него нитку, сдѣлалъ петлю и поймалъ серебряную птицу; затѣмъ онъ понесъ ее въ фанзу и, нарвавъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, обвѣшалъ ими птицу и сталъ ею любоваться.

На слѣдующее утро въ фанзу явились двое неизвѣстныхъ людей, которымъ марга, никогда не видавшій людей, очень удивился; одинъ изъ нихъ схватилъ юношу за горло, а другой въ это время схватилъ птицу и убѣжалъ. Это испугало и опечалило юношу и онъ такъ долго плакалъ, что у него набрались полныя руки слезъ; когда онъ выплеснулъ эти слезы на землю, то онѣ превратились въ красиваго бѣлаго лебедя, которому сирота очень обрадовался и, сдѣлавъ для него въ нарахъ яму, спряталъ его подъ цыновки. На слѣдующій день опять явились тѣ же

неизвѣстные люди и начали шарить всюду по фанзѣ: они сталкили мару съ наръ, схватили лебедя и унесли его. Опять наплакалъ марга полныя руки слезъ, изъ которыхъ, когда онъ плеснулъ ими объ землю, образовалось красивое серебряное кольцо; юноша тщательно спряталъ его въ укромное мѣсто, надъ дверьми. На утро опять пришли двое неизвѣстныхъ, обыскали фанзу, нашли кольцо, захватили его и ушли. На этотъ разъ марга больше не плакалъ, онъ разсердился на этихъ людей и пошелъ искать ихъ по слѣду.

Марга шелъ цѣлый день и къ вечеру пришелъ въ огромную деревню, гдѣ, отыскавъ лучшую фанзу, вошелъ въ нее и увидѣлъ дремлющаго на нарахъ старика. Надъ старикомъ висѣла похищенная у него серебряная птица, а рядомъ съ нею лебедь и кольцо на серебряной цѣпочкѣ; замѣтивъ мару, старикъ сказалъ ему: „юноша! я сталъ теперь богатъ и силенъ; на мой вѣкъ мнѣ хватитъ и силы и богатства. Сходи, поищи мнѣ молодую красивую жену". Марга согласился. Переночевавъ у старика, онъ на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, отправился въ путь исполнять его порученіе.

Марга шелъ цѣлый день; къ вечеру онъ сильно утомился и рѣшилъ остановиться переночевать. Когда онъ сталъ засыпать, къ нему прилетѣла утка, которая, превратившись въ молодую, красивую дѣвушку, сказала марга, что она поможетъ ему въ его трудномъ порученіи, что онъ можетъ остаться здѣсь отдыхать, а она полетитъ и раздобудетъ для старика дѣвушку. Марга остался, а когда проснулся на другое утро, то его общество раздѣляли уже двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ, покровительница марги, вырѣзала изъ бересты фигуру коня, дунула на нее и передъ маргой очутился живой конь. Дѣвушка сказала маргѣ: „поѣзжай къ старику и скажи ему, чтобы онъ приготовился встрѣтить свою будущую жену". Марга вскочилъ верхомъ на коня, отправился въ деревню и предупредилъ старика, чтобы онъ выѣхалъ на саняхъ навстрѣчу дѣвушкѣ, а самъ вернулся къ мѣсту своего ночлега, гдѣ, простившись съ дѣвушкой шаманкой, посадилъ другую дѣвушку къ себѣ на коня и повезъ ее къ старику.

Подъѣзжая къ деревнѣ, марга встрѣтилъ старика, выѣхавшаго навстрѣчу на парѣ лошадей. Марга остановился и попросилъ старика взять его съ дѣвушкой къ себѣ въ сани, а лошадь отдалъ работнику; лишь только старикъ согласился и

они отъѣхали нѣсколько шаговъ, какъ марга, съ испугомъ въ голосѣ, сказалъ старику: „смотри, марга, на насъ со всѣхъ сторонъ идутъ буссу!“ Старикъ обернулся въ сторону и въ тотъ моментъ голова его отлетѣла подъ ударомъ топора марги. Марга бросилъ трупъ старика на дорогу и поѣхалъ съ дѣвушкой въ деревню, гдѣ женился на ней и сталъ богатымъ и сильнымъ, бережно сохраняя свои талисманы: серебряную птицу, бѣлаго лебедя и кольцо, явившіеся источникомъ его обогащенія и дальнѣйшаго довольства и счастья.

Сказаніе о гольдскомъ богатырѣ Паны-мароко.

Нѣкогда, по преданіямъ, по берегамъ Амура, на вершинахъ береговыхъ горъ, по ночамъ стали появляться огни. Гольды видѣли около огней человѣка, у котораго на каждой рукѣ было всего только по два пальца; имя его было Калгама.

Это былъ самый сильный человѣкъ на Амурѣ и всѣ, кто ни отваживался выступить съ нимъ на поединокъ, домой не возвращался, падая жертвой своей самоувѣренности и отваги.

Легенда гласитъ, что у Калгамы былъ заключенъ въ сумку какой то талисманъ, обладаніе которымъ обусловливало силу и богатство его владѣльца.

Одному гольду удалось достать эту сумку и въ ней онъ нашелъ дорогіе мѣха. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ жить счастливо, набивалъ въ изобиліи чернобурыхъ лисицъ и соболей. Съ тѣхъ же поръ огни потухли и по берегамъ Амура стали раздаваться по ночамъ стоны Калгамы, въ которыхъ слышались просьбы бывшаго обладателя талисмана о возвращеніи ему его сокровища.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ гольдъ, добывшій талисманъ, все богатѣлъ; Калгама началъ являться къ нему въ образѣ обольстительной женщины, ласками и хитростью старавшейся женить его на себѣ. Чрезъ годъ у нихъ родился сынъ, по имени Паны-мароко. Съ возрастомъ, Паны-мароко сдѣлался богатыремъ, такъ какъ талисманъ его отца, ставшій фамильнымъ

достояніемъ, перешелъ къ нему по наслѣдству. Это обстоятельство послужило достаточнымъ удовлетвореніемъ и для его матери, бывшей обладательницы (въ образѣ Калгама) талисмана, такъ какъ эта драгоцѣнность не вышла за предѣлы ея семьи.

Достаточной характеристикой свойствъ Наны-мароко служитъ, по легендѣ, то представленіе, по которому ему удавалось обойти на лыжахъ хребетъ Хехцыръ въ одинъ день, тогда какъ самой лучшей собакѣ требовалось для этого не менѣе семи дней.

Сказаніе о гольдѣ Хаду-мафа, сдѣлавшемся первымъ китайскимъ царемъ.

Нѣкогда на Амурѣ жилъ гольдъ, богатырь Хаду-мафа.

Однажды онъ отправился по Сунгари, съ цѣлью подчинить подъ свою власть Китай. Одѣвшись въ гольдскую охотничью одежду, Хаду взялъ копье, лукъ и стрѣлы и, пройдя верховья Сунгари, дошелъ до небольшой горы, внутри которой жили китайцы (никка) *), образуя цѣлый городъ. Подойдя къ горѣ, Хаду-мафа сдѣлалъ изъ соломы нѣсколько чучелъ бурхана секка, величиной въ человѣческій ростъ, и поставилъ по одной чучелѣ у входа въ каждую пещеру; давъ каждому секка по горящей головнѣ, онъ приказалъ бурханамъ не выпускать никого изъ пещеръ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается царемъ и не крикнетъ имъ: „даха" (слушай); въ случаѣ же неповиновенія со стороны пещерныхъ обитателей, жечь всѣхъ непокорныхъ.

Отдавъ такое распоряженіе, Хаду-мафа направился дальше; подобнымъ образомъ обложилъ всѣ попутные города и заставилъ царствовавшаго тогда китайскаго царя отречься отъ престола и передать ему свою власть.

Вступивъ на престолъ, Хаду-мафа крикнулъ своимъ работникамъ (секка): „даха-даха!" (т. е., слушаютъ ли меня, признаютъ ли царемъ); секка повторили этотъ царскій возгласъ всѣмъ запертымъ въ подземныхъ городахъ жителямъ и когда тѣ отвѣ-

*) По словамъ гольдскихъ преданій, всѣ китайцы жили, нѣкогда, подъ землей; вѣроятно, такое представленіе возникло на почвѣ китайскихъ поселеній въ земляныхъ укрѣпленіяхъ, за глинобитными крѣпостными стѣнами.

тили имъ: „дахай!“ (т. е., слушаемъ, подчиняемся), то охранители ихъ, солка, исчезли и заключенные сдѣлались свободными.

Хаду-мафа присвоилъ себѣ названіе маньчжурскаго царя. Первымъ его царственнымъ мѣропріятіемъ явилось приказаніе объ измѣненіи головного убора, вслѣдствіе чего всѣ его подданные сбрили себѣ переднюю часть головы *).

Хаду-мафа, по сказаніямъ гольдовъ, находился подъ особымъ покровительствомъ бурхана сидури (медвѣдя), благодаря чему ему достаточно было приказать, чтобы пошелъ или пересталъ идти дождь, чтобы трава росла или засыхала, какъ всѣ его приказанія исполнялись безъ промедленія. Къ услугамъ Хаду-мафа предоставлялъ свою власть и силу также и бурханъ мудури (драконъ).

Рядомъ съ этой легендой намъ пришлось выслушать разсказъ о причинахъ появленія хунхузовъ на р. р. Сунгари и Уссури.

Пока правилъ Китаемъ китайскій царь, всѣ никане (китайцы) были у него въ услуженіи, но когда престоломъ завладѣлъ Хаду-мафа, приблизившій къ себѣ маньчжурскихъ чиновниковъ, то китайскіе правители, оставшіеся не у дѣлъ, разбрелись по территоріи, производить смуты и учинять грабежи.

Сказаніе о происхожденіи первыхъ чертей, ача-амбани.

Когда родъ человѣческій состоялъ еще изъ небольшого числа людей, вдали отъ окружающихъ, жили братъ и сестра; полная одиночества жизнь устранила возможность ихъ общенія съ другими людьми, которыхъ они никогда не видали. Братъ ходилъ на охоту, а сестра занималась домашними работами.

Такъ шли годы и жизнь ихъ текла спокойно и незамѣтно. Однако, со вступленіемъ дѣвушки въ полный возрастъ, по мѣрѣ

*) По преданіямъ гольдовъ, китайцы, до воцаренія надъ ними гольда Хаду-мафа, не брили волосъ на головѣ.

[illegible] ея физической красоты, братъ сталъ замѣчать въ сестрѣ какую то, все рѣзче обозначавшуюся, перемѣну, какъ въ ней самой, такъ и въ ея настроеніи. Наконецъ, послѣ ряда внимательныхъ наблюденій, ему стало ясно, что въ его отсутствіе фанзу посѣщаетъ кто то посторонній. Онъ рѣшилъ заняться точной провѣркой этого.

Уходя однажды вечеромъ на охоту, братъ посыпалъ золой землю у входа въ фанзу и когда вернулся на утро, то съ ужасомъ увидѣлъ на золѣ слѣдъ тигра. Это превзошло худшія изъ его ожиданій.

Прошло нѣкоторое время; братъ ничего не сказалъ сестрѣ о своихъ подозрѣніяхъ и лишь продолжалъ наблюдать. Наконецъ, настало время, когда беременность дѣвушки стала уже внѣ всякихъ сомнѣній.

Однажды, когда дѣвушка, претерпѣвая предродовыя боли, лежала на спинѣ на нарахъ, братъ, преисполненный ненависти и презрѣнія къ преступницѣ, схватилъ большой ножъ, набросился на дѣвушку и хотѣлъ ее заколоть. Онъ направилъ свое орудіе прямо въ грудь дѣвушки; но она, спокойно встрѣчая смертельный ударъ, стала пѣть шаманскія пѣсни, наинн. Она пѣла: „я сошлась съ тигромъ (амба); онъ мой мужъ; во мнѣ сидитъ его душа и тебѣ не удастся заколоть меня; если хочешь, отрѣжь мнѣ мизинецъ и я умру“.

Братъ отрѣзалъ ей мизинецъ и когда дѣвушка умерла, онъ приготовилъ огромный костеръ, въ который бросилъ трупъ нѣкогда нѣжно любимой сестры и поджегъ его безъ сожалѣнія.

Все время, пока трупъ горѣлъ, изъ костра, вмѣсто искръ, вылетали черти, въ видѣ птицъ (гааза), бурхановъ секка, ураха и др., которые разлетѣлись по всему свѣту.

По вѣрованію гольдовъ, громъ убиваетъ чертей (буссу) и если бы грома не было, то свѣтъ переполнился бы ими.

Когда мудуръ (драконъ) появится на небѣ, то черти прячутся, кто куда попало, въ большинствѣ случаевъ на деревья, иногда залѣзаютъ и въ человѣка; то дерево, предметъ или человѣкъ, въ которомъ нашелъ себѣ пристанище буссу, непремѣнно будутъ разбиты громомъ.

Гольды убѣждены, что въ дерево ударяетъ не молнія, а громъ, доказательствомъ чего, по ихъ мнѣнію, служитъ то обстоятельство, что въ каждомъ разбитомъ громомъ деревѣ находятъ кусокъ бѣлаго мягкаго камня, топорообразной формы. Такой камень носитъ названіе громового топора, агда-тафони.

Въ огнѣ гольды также видятъ чертей, бусеу, при чемъ черти являющіеся въ видѣ искръ или небольшихъ огненныхъ язычковъ, носятъ названіе бусеу-тавасо, чертямъ же, летающимъ въ видѣ головешекъ, большого пламени или огненнаго столба, которые, падая съ неба, производятъ страшный шумъ, гольды даютъ названіе бусеу-голоа.

Сказаніе о происхожденіи гнуса и мухъ.

Жили нѣкогда въ одной фанзѣ двѣ сестры сироты; работали онѣ поочередно: сегодня идетъ по воду и по дрова одна изъ сестеръ, а завтра другая.

Однажды ушла въ лѣсъ по дрова старшая изъ дѣвушекъ, а младшая осталась дома съ собакой; въ полдень собака тревожно залаяла, а затѣмъ заговорила человѣческимъ голосомъ, обращаясь къ дѣвушкѣ: „спрячься куда нибудь поскорѣе, бусеу идетъ". И лишь только дѣвушка успѣла спрятаться подъ шиновку, какъ въ фанзу вошелъ бусеу; онъ сталъ ходить по фанзѣ, разговаривая самъ съ собою и посмѣиваясь: „куда это онѣ ушли? едва ли имъ удастся скрыться отъ меня". Походилъ бусеу по фанзѣ, посмѣялся и ушелъ.

Къ вечеру старшая сестра вернулась домой и младшая разсказала ей о неожиданномъ посѣщеніи бусеу, предупредивъ при этомъ, чтобы она, лишь только узнаетъ, что бусеу возвращается, не теряла бы ни минуты, а поскорѣе спряталась и отнюдь не смѣялась.

На слѣдующій день по дрова ушла младшая сестра, оставивъ старшую дома. Въ полдень собака опять залаяла, предупреждая дѣвушку о приближеніи бусеу. Дѣвушка, помня предостереженія сестры, поторопилась спрятаться подъ шиновку; въ тотъ же моментъ по фанзѣ стали раздаваться чьи то шаги, кто то

разговаривалъ самъ съ собой и посмѣивался. Дѣвушка, вначалѣ, чутко прислушивалась, съ учащеннымъ біеніемъ сердца, но потомъ почувствовала приступъ безотчетнаго и неудержимаго смѣха, отъ котораго она, не смотря на всѣ усилія, не могла отдѣлаться и, расхохотавшись, выдала буссу свое присутствіе. Буссу тотчасъ извлекъ дѣвушку изъ ея убѣжища, посадилъ рядомъ съ собой, сталъ на нее ласково поглядывать и, продолжая посмѣиваться, сказалъ ей: „фуджи, почему ты не чешешь себѣ голову, смотри, сколько у тебя вшей; ихъ нужно выловить“. „Неправда, возразила дѣвушка, у меня голова чиста и ты не найдешь въ ней ни одной вши“ и при этомъ дѣвушка нагнула свою голову передъ буссу, чтобы онъ могъ удостовѣриться въ справедливости ея словъ. Буссу бережно положилъ голову дѣвушки себѣ на колѣна, нѣжно сталъ перебирать ея волосы и, спустя нѣкоторое время, сказалъ: „вотъ я и нашелъ одну вошь: куда ее положить?“ „Положи съ краю на нары и раздави ее ногтемъ“, сказала дѣвушка. „Неудобно, возразилъ буссу, вошь слишкомъ велика и не уложится ни на нары, ни на окошко: открой лучше ротъ, я положу ее тебѣ на языкъ“. Дѣвушка приподняла голову и высунула языкъ; буссу схватилъ ее за языкъ и вырвалъ его изъ глотки, съ корнемъ. Дѣвушка замертво повалилась на нары, а буссу, посадивъ ея трупъ на нары и придавъ ему позу живого человѣка, захватилъ съ собою языкъ и торопливо ушелъ изъ фанзы.

Вернулась домой младшая сестра; она привезла полную нарту дровъ и стала звать сестру на помощь, но не могла дозваться. Войдя въ фанзу, она вскорѣ поняла причину неподвижности сестры; она догадалась, что у нихъ вновь былъ буссу, прихода котораго она такъ боялась. Она положила тѣло сестры на нары, надѣла ей на голову теплую шапку, закрыла одѣяломъ и, полная горя, отправилась, съ разсвѣтомъ, искать буссу.

Долго шла дѣвушка лѣсомъ по чьему то слѣду, пока не наткнулась на выстроенный въ глуши какой то амбаръ, который казался переполненнымъ человѣческими руками. Отъ амбара слѣдъ велъ далѣе и, направившись по этому слѣду, дѣвушка нашла другой амбаръ, наполненный человѣческими ногами; затѣмъ, она встрѣтила третій амбаръ, съ человѣческими головами и, наконецъ, дошла до четвертаго, весь потолокъ котораго былъ набитъ человѣческими языками. Войдя въ этотъ амбаръ, дѣвушка отыскала языкъ своей сестры, еще совершенно теплый,

осторожно завернула его въ чистый платокъ и пошла дальше, по слѣду бусеу.

Скоро фуджи увидѣла одиноко стоящую въ лѣсу фанзу; войдя въ нее, она нашла тамъ дѣвушку, сестру бусеу, которой разсказала, кто она такая и зачѣмъ пришла. „Не бойся меня, сказала хозяйка фанзы, хотя я и сестра бусеу, но я не вѣдьма и человѣческаго мяса не ѣмъ. Спрячься за печку, скоро придетъ мой братъ: давай, убьемъ его ночью и я переселюсь къ тебѣ“. Фуджи согласилась.

Вскорѣ въ фанзу вошелъ тотъ самый бусеу, котораго она видѣла у себя въ фанзѣ, и принесъ козулю и человѣка; козулю онъ бросилъ сестрѣ, а человѣка положилъ къ себѣ на нары и принялся ужинать. Во время ѣды онъ все о чемъ то тревожился и нѣсколько разъ спрашивалъ сестру, не было ли въ фанзѣ спрятаннаго человѣка, такъ какъ ему чуется человѣческій духъ. Сестра успокоивала бусеу, увѣряя, что это онъ самъ, ходя по людямъ, принесъ съ собой этотъ духъ.

Наступила ночь. Бусеу обратился къ сестрѣ съ вопросомъ: „куда мнѣ сегодня лечь спать? на нары я не хочу, около двери и около также не хочу; я лягу на ручку хани*)“, и бусеу легъ и крѣпко заснулъ. Въ полночь дѣвушки встали, взяли, каждая, по большому каменному песту отъ ступки, столкнули бусеу въ ковшъ и начали его толочь до тѣхъ поръ, пока все его тѣло не превратилось въ кашу. Утромъ онѣ вынесли ковшъ на улицу и стали разбрасывать эту кашу во всѣ стороны, приговаривая: „бусеу! ты питался человѣческимъ мясомъ; пускай твое мясо и кости превратятся въ мелкихъ насѣкомыхъ, которыя такъ же какъ ты будутъ сосать человѣческую кровь. Изъ мельчайшихъ частицъ твоихъ костей и мяса пусть сдѣлаются мошки, изъ болѣе крупныхъ комары, а изъ остальныхъ, самыхъ крупныхъ, мухи, пауки и слѣпни“. Тотчасъ появились тучи названныхъ насѣкомыхъ, которыя разлетѣлись по всему свѣту.

Сестра бусеу покинула свой домъ и переселилась къ фуджи. Пришивъ старшей сестрѣ языкъ, онѣ воскресили ее и стали жить и работать втроемъ.

---

*) Хани большой деревянный ковшъ съ ручкой, въ которомъ готовятъ кушанья.

Сказаніе о добываніи огня.

Жили нѣкогда Ахондо-марга, двое родныхъ братьевъ, отецъ которыхъ пропалъ неизвѣстно куда.

Когда мальчики достигли юношескаго возраста, они отправились искать отца. Они ушли очень далеко отъ своей фанзы и уже давно потеряли счетъ времени и возможность опредѣленія, гдѣ они находятся. Наконецъ, они дошли до конца земли, гдѣ уже начинается вода. Одному изъ братьевъ сдѣлалось холодно; онъ долго думалъ, прежде чѣмъ найти выходъ изъ затруднительнаго положенія: сдѣлавъ деревянное сверло, онъ началъ сверлить имъ кусокъ другого дерева, пока, отъ тренія, не получился огонь.

Шаманское званіе даэ-фо, дающее право лечить оспу, водянку, скарлатину, желтуху, проказу и сифилисъ.

Нѣкоторымъ шаманамъ выпадаетъ на долю полученіе званія даэ-фо, считающагося особымъ званіемъ знахаря, которому удалось, при посредствѣ камланія съ божницею дусху, излечить одну изъ страшныхъ для гольда болѣзней, оспу, даэ-ану *).

Самыми страшными, по своей опустошительности, неизлечимыми болѣзнями считаются у гольдовъ слѣдующія, располагаемыя въ порядкѣ убывающей смертоносности: оспа, скарлатина, водянка, и желтуха. Всѣ эти болѣзни имѣютъ двѣ формы: тяжелую и легкую. По вѣрованію гольдовъ, кто разъ перенесъ оспу и скарлатину, тотъ гарантированъ на всю жизнь отъ повторныхъ заболѣваній; водянка и желтуха могутъ быть переносимы девять разъ.

Существомъ, вселяющимъ въ человѣка эти болѣзни, считается мама (старуха), которая, являясь хозяиномъ болѣзни, носитъ соотвѣтствующее названіе: даэ-мама и пр., вслѣдствіе чего и бурханъ нюрха, изъ группы дусху, участіе котораго признается благодѣтельнымъ при названныхъ болѣзняхъ, получаетъ названіе даэ-мама-нюрха. Шаманъ, которому благополучно

---

*) Ану означаетъ слово болѣзнь.

удалось сдѣлать камланіе этому бурхану, можетъ лечить и остальныя три перечисленныя болѣзни, какъ менѣе страшныя; въ противномъ же случаѣ онъ является врачевателемъ лишь тѣхъ формъ болѣзней, которыя въ вышеприведенномъ перечнѣ располагаются ниже той или другой излеченной формы, точнѣе, смотря по тому, который изъ благодѣтельныхъ мама-вюрха былъ шаманомъ благополучно сдѣланъ.

Проказа и сифилисъ носятъ у гольдовъ названіе орки-аву. Когда гольдъ заболѣетъ одной изъ этихъ болѣзней, то стараются избѣгать тѣснаго общенія съ нимъ или прикосновенія: такъ, родные не ѣдятъ съ нимъ изъ одной посуды, не курятъ его трубки и если больной предлагаетъ, по обычаю, пришедшимъ листъ табаку, то гости, не отказываясь, изъ деликатности, отъ предлагаемаго имъ угощенія, берутъ этотъ листъ и потихоньку прячутъ его подъ цыновки, покрывающія нары.

При леченіи тяжело больного, у гольдовъ существуетъ китайскій способъ, состоящій въ слѣдующемъ. Волосы больного, падающіе подъ вліяніемъ болѣзни, сжигаютъ въ особой глиняной чашечкѣ; затѣмъ собираютъ копоть отъ дыма, накопившуюся на внутренней сторонѣ крыши фанзы, смѣшиваютъ ее съ продуктами сжиганія волосъ больного и разбавляютъ получаемой исключительно отъ китайскихъ врачей жидкостью, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ водой, на поверхность которой выливали расплавленное серебро. Эту смѣсь кипятятъ и даютъ больному пить, послѣ чего выносятъ его на улицу и кладутъ на нару, которую начинаютъ сильно раскачивать. Больной, послѣ принятія лекарства, находится въ безпамятствѣ и, въ большинствѣ случаевъ, умираетъ, хотя, какъ увѣряли гольды изъ сел. Малышевскаго, бывали случаи и полнаго выздоровленія.

По убѣжденіямъ гольдовъ, если больного не качать на нарѣ, то онъ, по принятіи лекарства, мгновенно умираетъ.

Когда гольдъ умретъ отъ сифилиса, то его кладутъ въ гробъ въ новыхъ платьяхъ, а старыя сжигаютъ; хоронятъ вдалекѣ отъ деревни, на самомъ берегу Амура, при чемъ гробъ, обыкновенно, зарываютъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы, при первой прибыли воды, его смыло и унесло водой. Поминки по умершемъ, у котораго, какъ говорятъ гольды, было только изъѣдено тѣло, а душа осталась чистою, совершаются обыкновеннымъ

порядкомъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы онѣ были совершены извѣстнымъ своей опытностью шаманомъ.

Такихъ шамановъ осталось на Амурѣ немного; это, обыкновенно, старики, внуки которыхъ уже сдѣлались наслѣдственными шаманами.

Послѣ смерти, умершему отъ названной болѣзни дѣлаютъ, по общему обычаю, фаню, отъ которой, хотя и принимаютъ табакъ, но его не курятъ, а просто сжигаютъ. Точно также сжигаютъ и всѣ приготовленныя для фани кушанья.

Въ леченіи проказы и сифилиса шаманъ участія не принимаетъ. Очевидно, что отрицательный опытъ врачебнаго вмѣшательства шамана, какъ посредника между больнымъ и соотвѣтствующимъ божествомъ, выработалъ пріемъ предоставленія больного силамъ природы.

Связныхъ свѣдѣній о проказѣ собрать у гольдовъ не удалось.

Пропавшему безъ вѣсти человѣку сородичи устраиваютъ похороны. Для этой цѣли изъ вереска дѣлаютъ чучело съ руками и ногами, въ натуральную величину пропавшаго; вокругъ таліи чучела обвязываютъ шелковый кушакъ, надѣвая всѣ платья покойнаго; затѣмъ чучело кладутъ въ гробъ и хоронятъ обыкновеннымъ обрядомъ.

Поминки тоже совершаются въ обычномъ установленномъ порядкѣ, при чемъ на обязанности шамана лежитъ отыскать душу пропавшаго, вложить ее въ фаню и сообщить сородичамъ, гдѣ и какимъ образомъ пропалъ поминаемый родственникъ.



Одежда негидальскаго шамана сзади.

Доонта Аями.

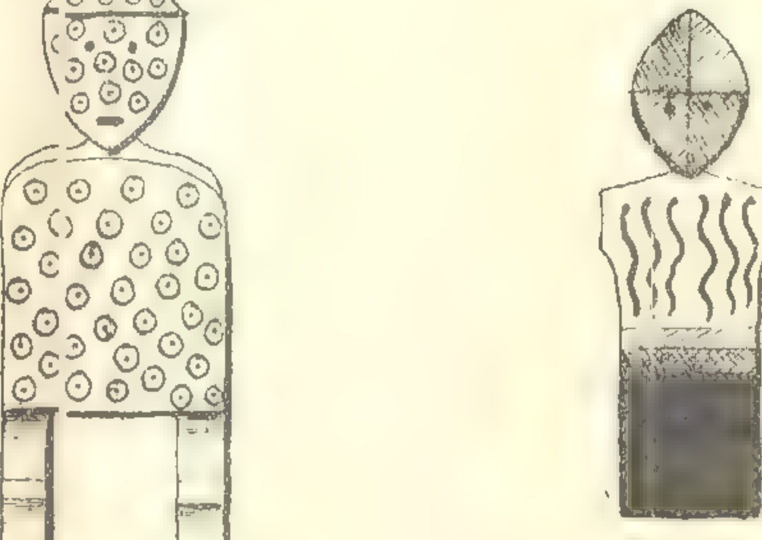
Амбансо Аями.

Дусху Аями.

Гирки Аями.

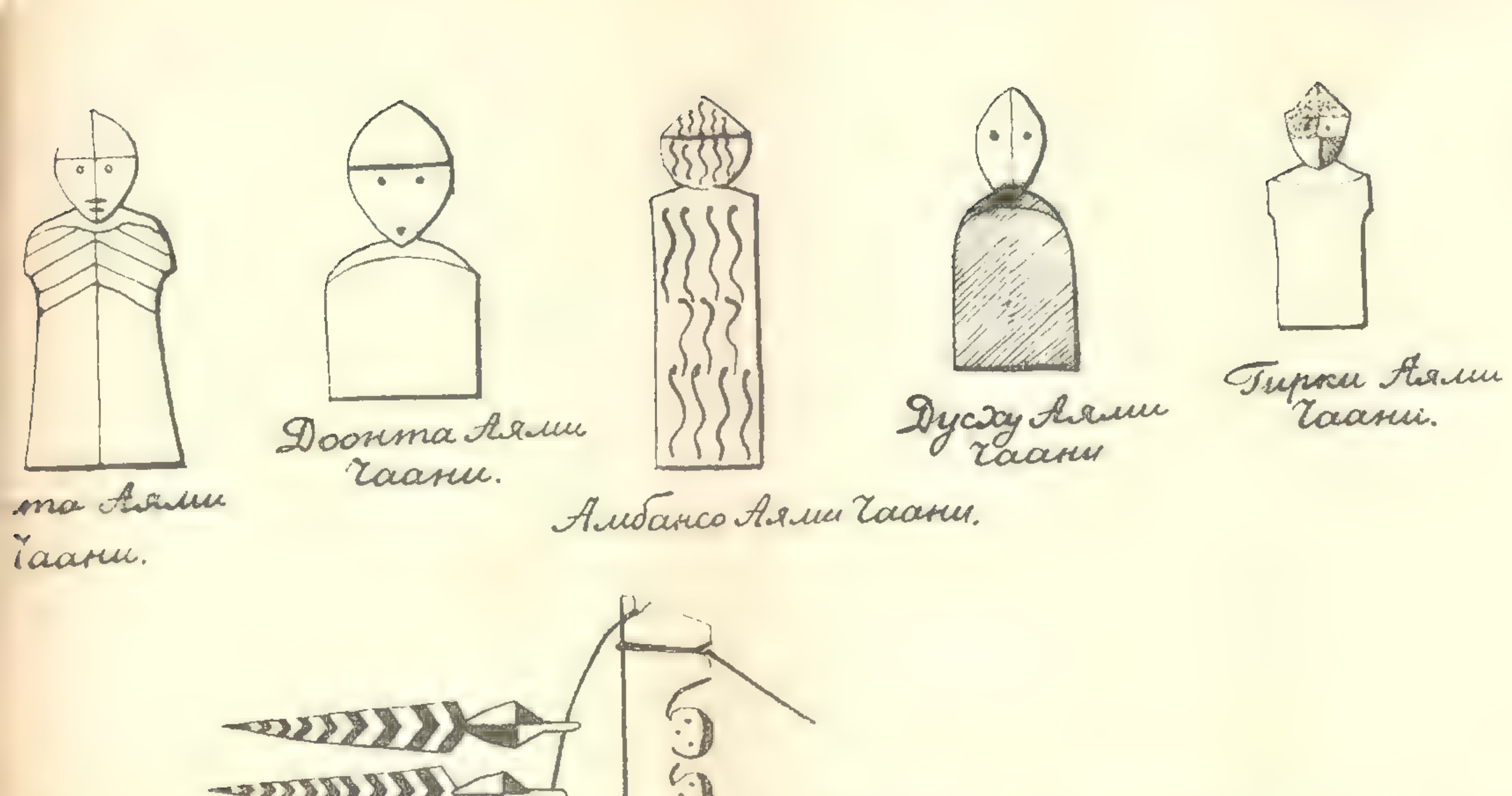
Амбансо Аями.

Ареджа.



Ярга Аями.

Амбансо Аями Чаани.


та Аями
Чаани.
Доонта Аями
Чаани.
Амбансо Аями Чаани.
Дусху Аями
Чаани
Гирки Аями
Чаани.
Гирки.
Сэвэли
Аями.



Торима Паккари. Паккари.



Пучику



Калгама.



Ага.

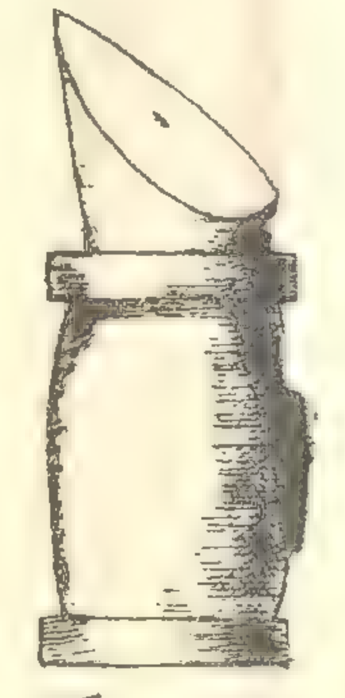


Чами Ага.

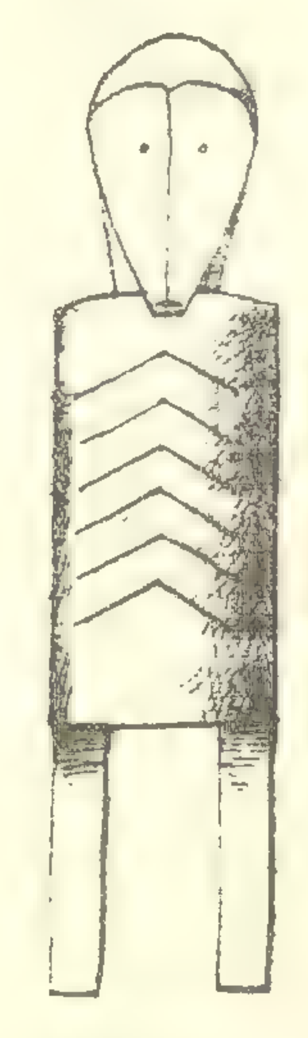
Гордо



Бучу.



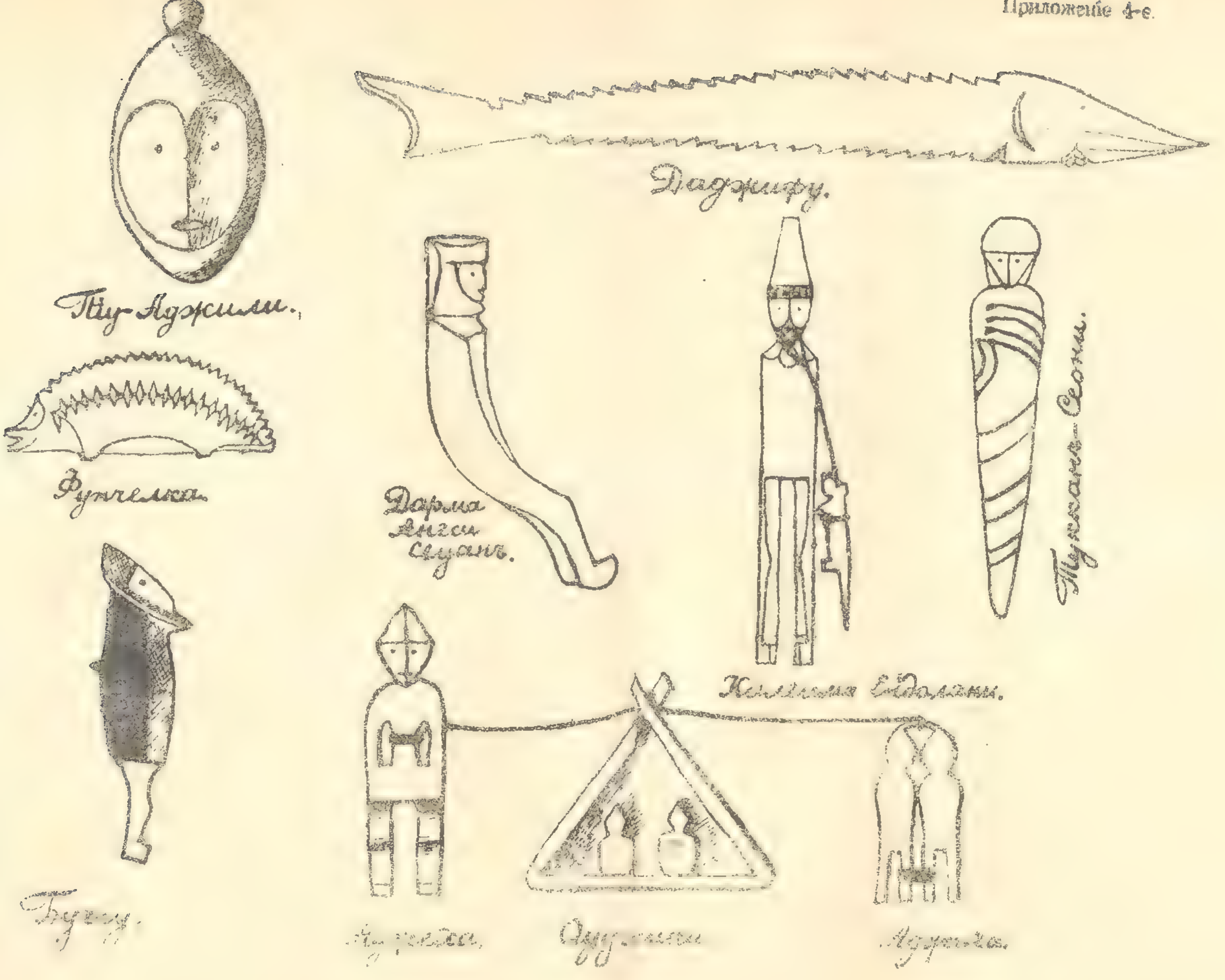
Ганники.

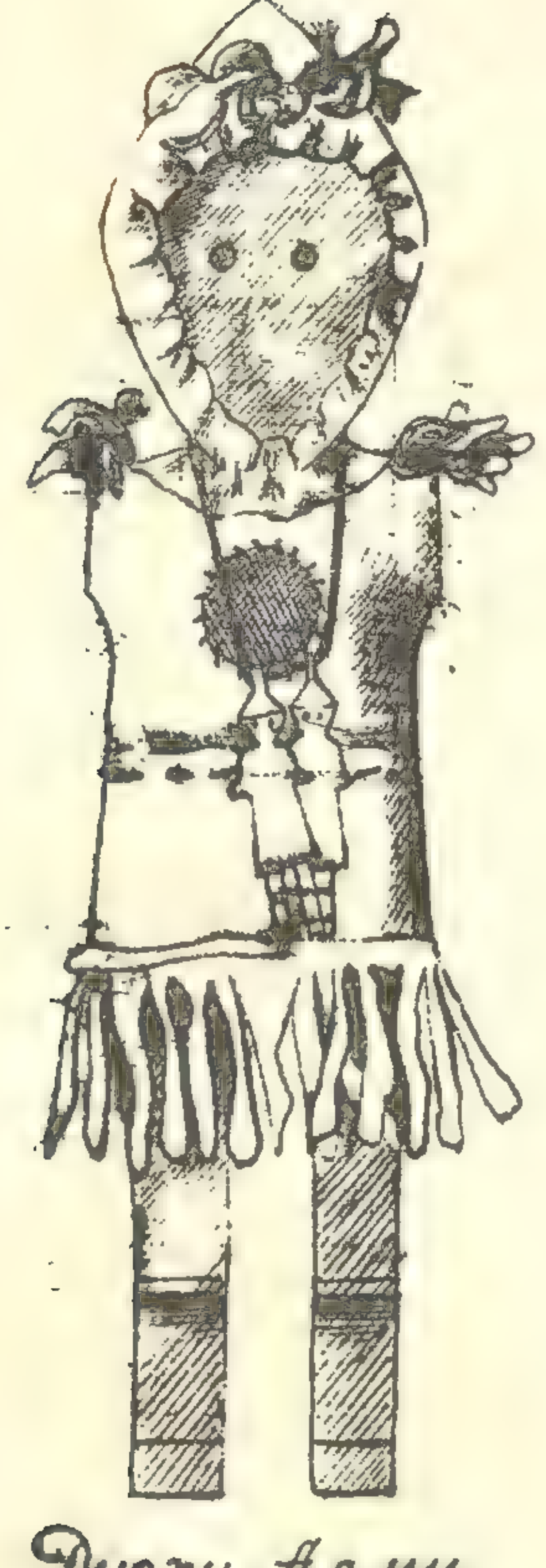


Меджи.

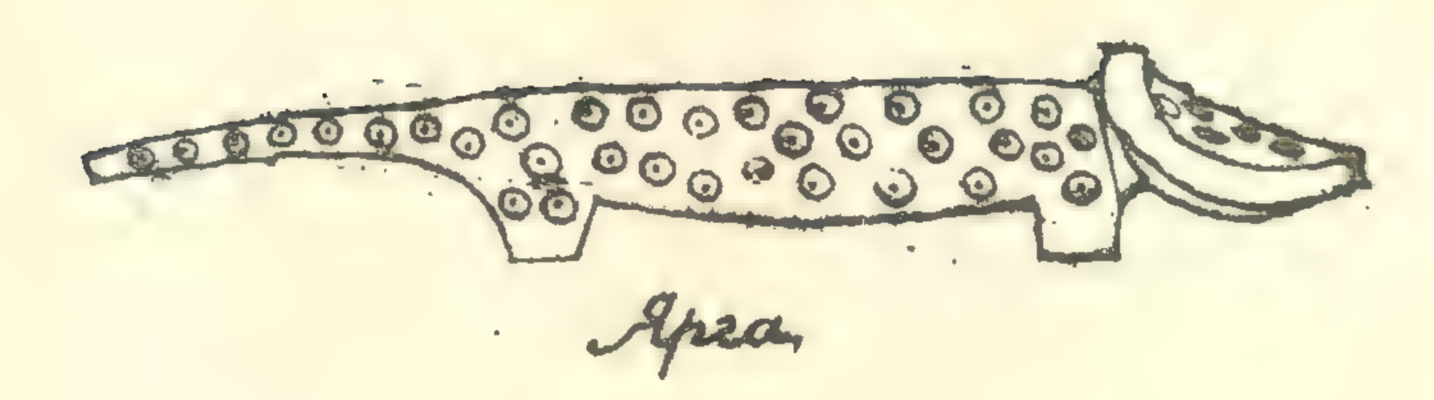


Букчуру.

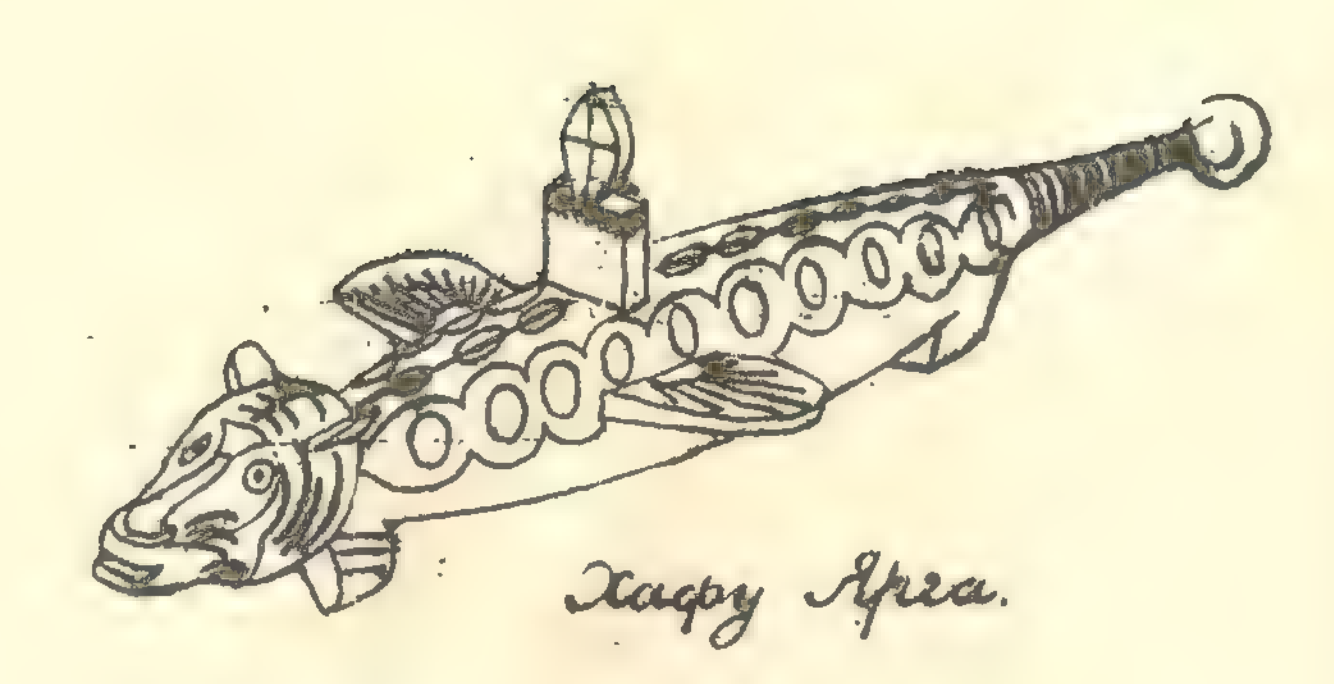

Ту-Аджили.
Даджифу.
Дарма
Анги
сеуань.



Дусху Аями.

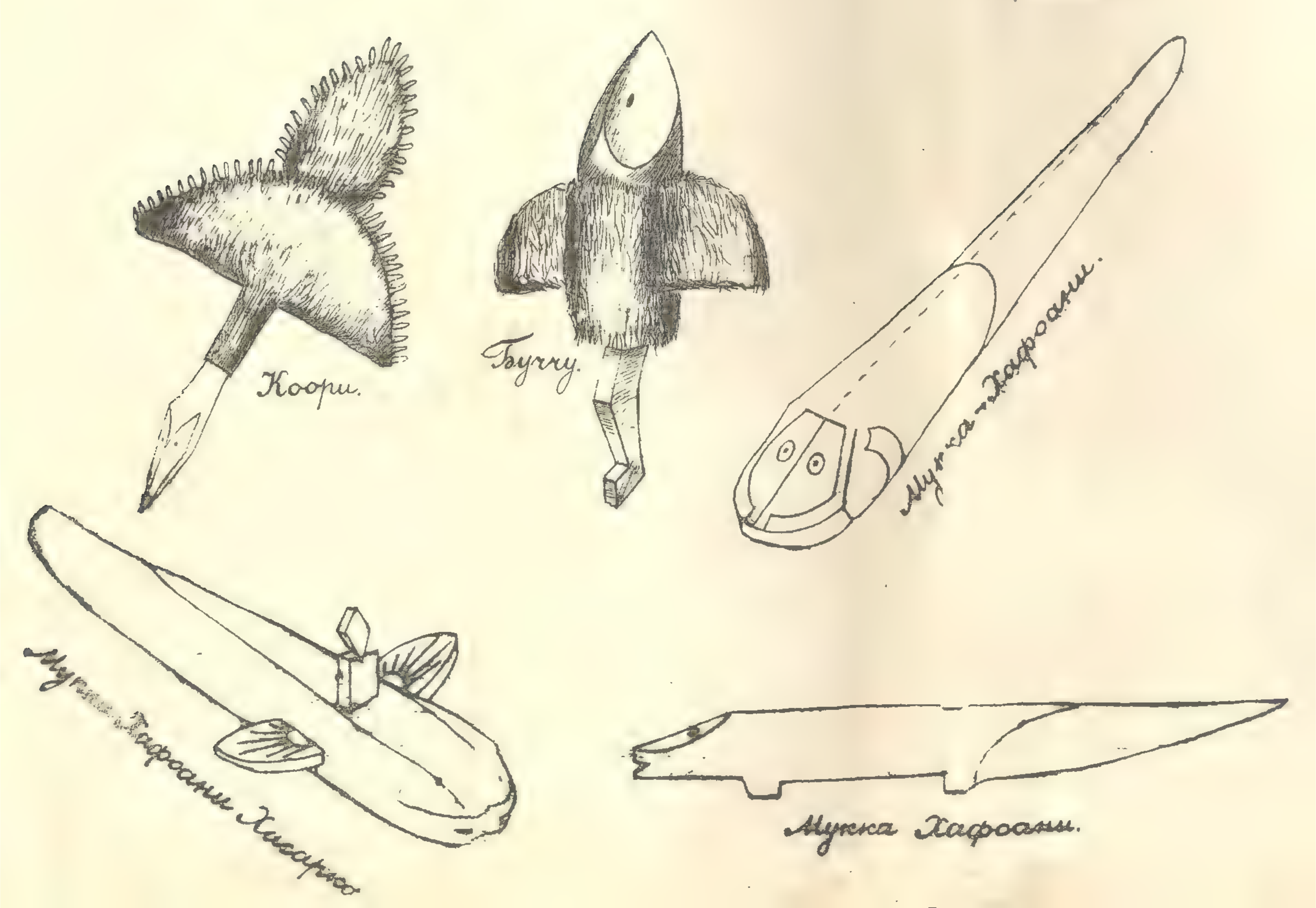


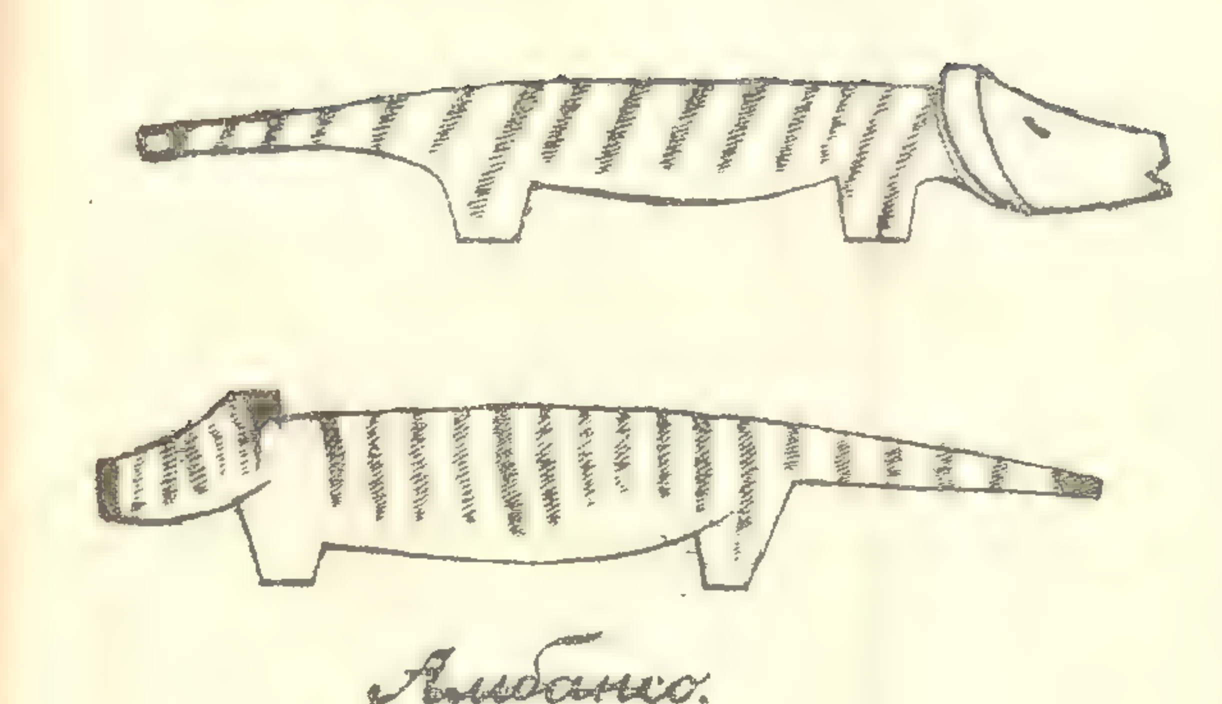
Арга.



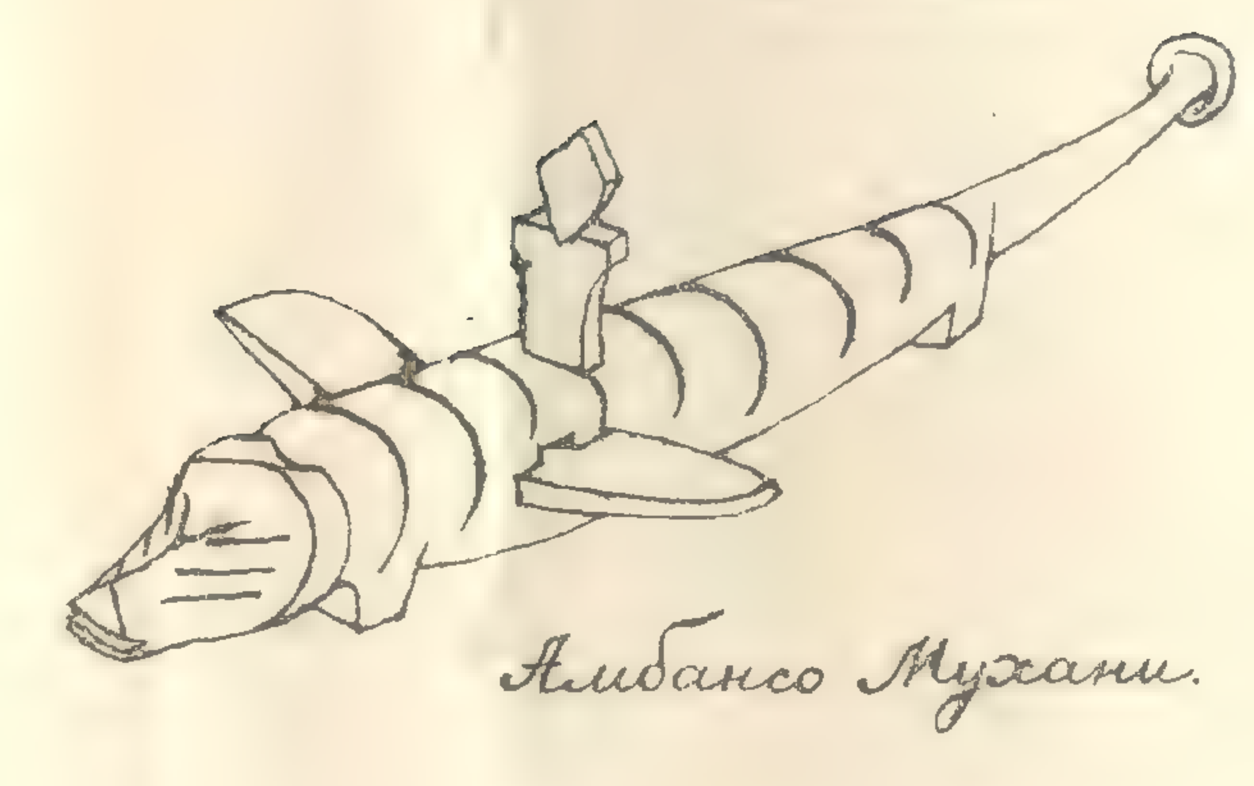
Хафу Арга.

Приложеніе 7-е.

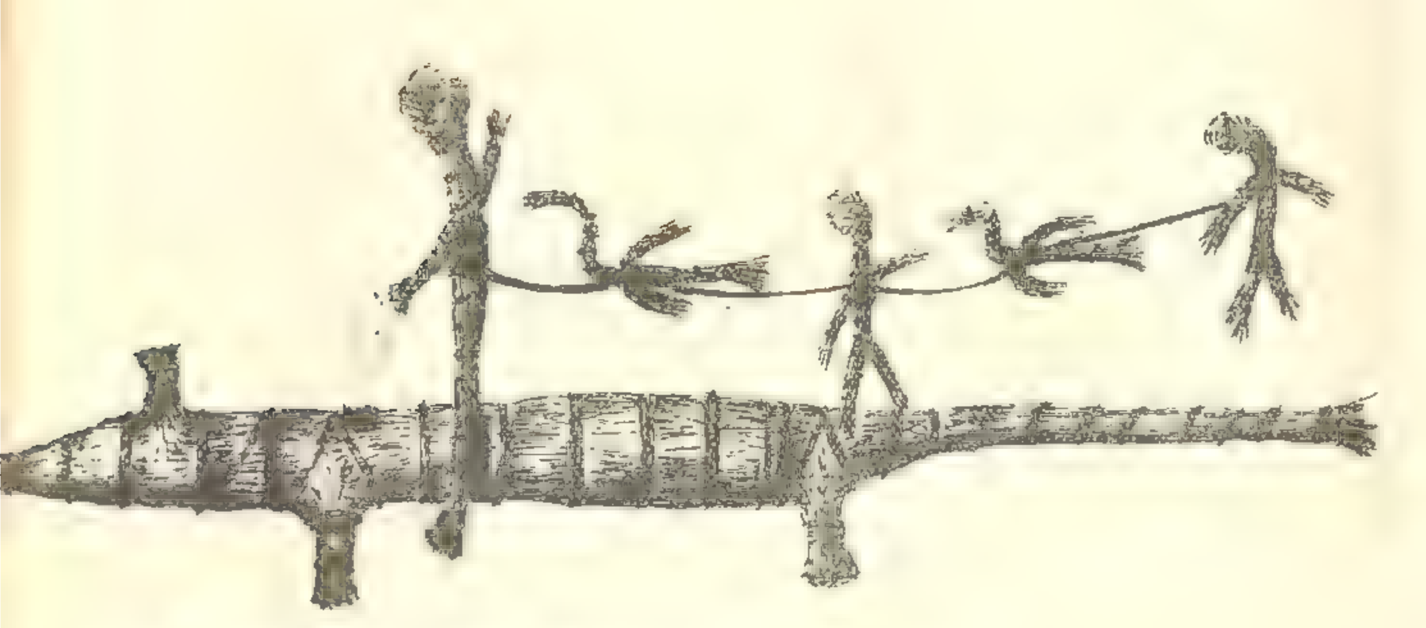




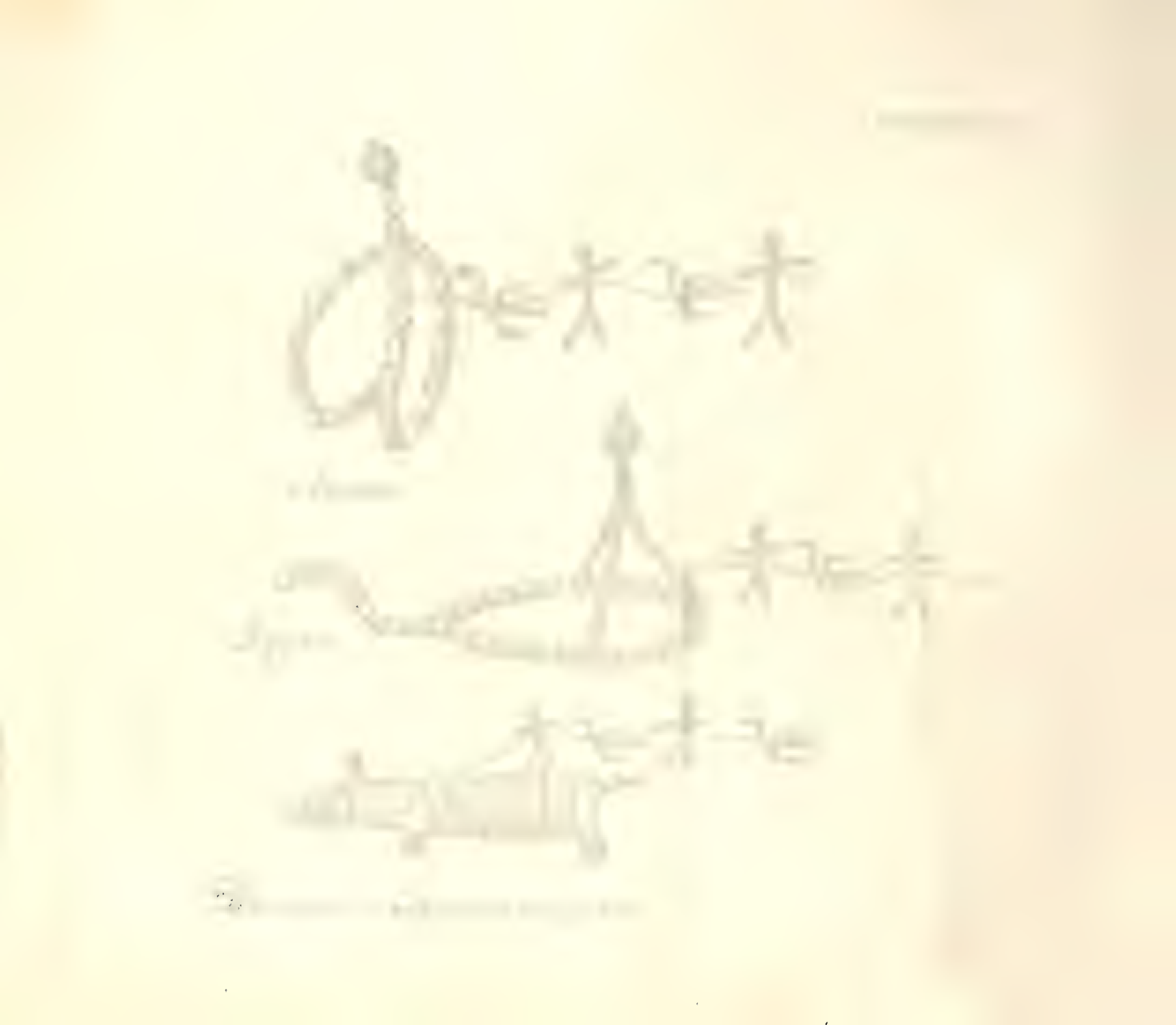
Амбансо.

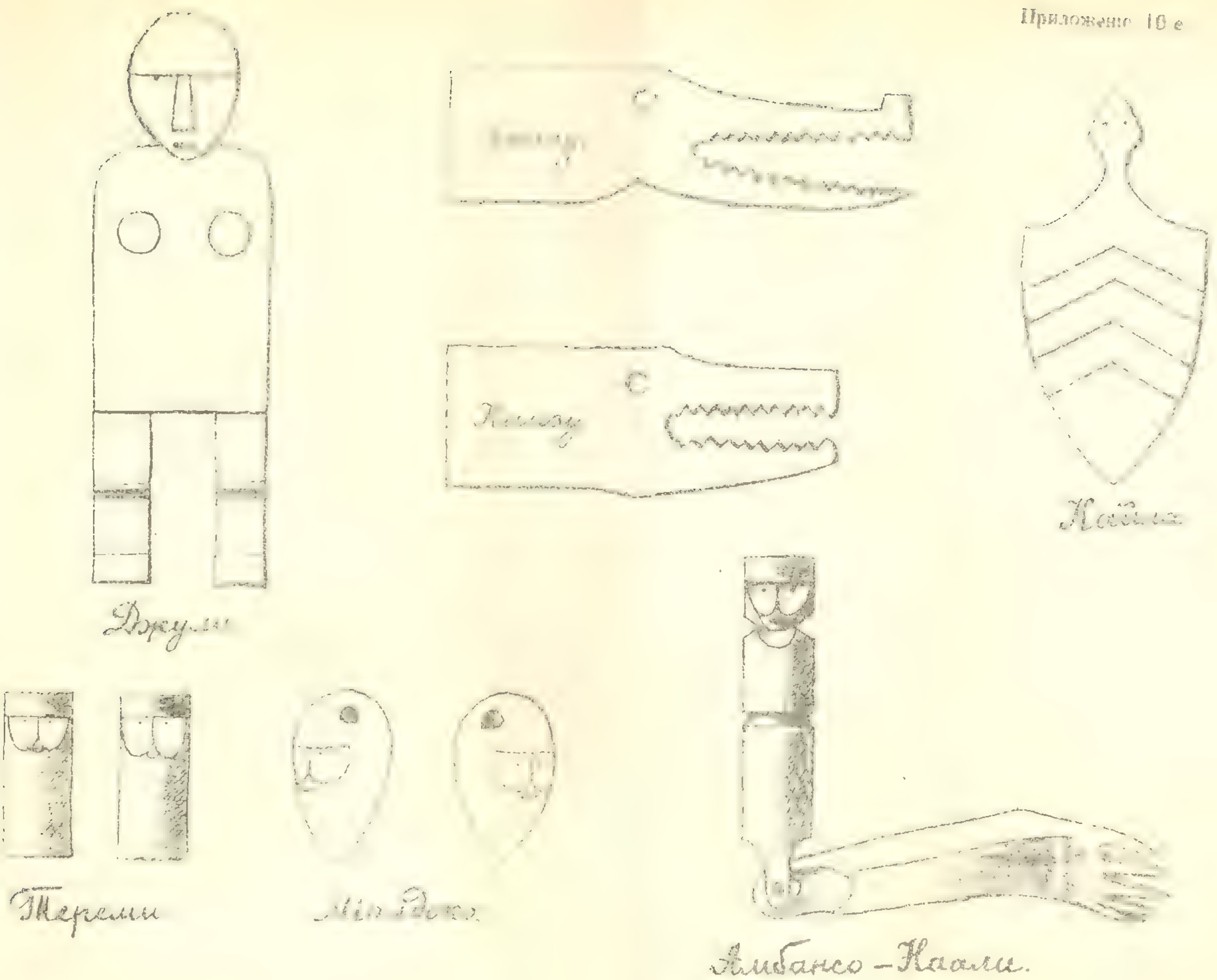


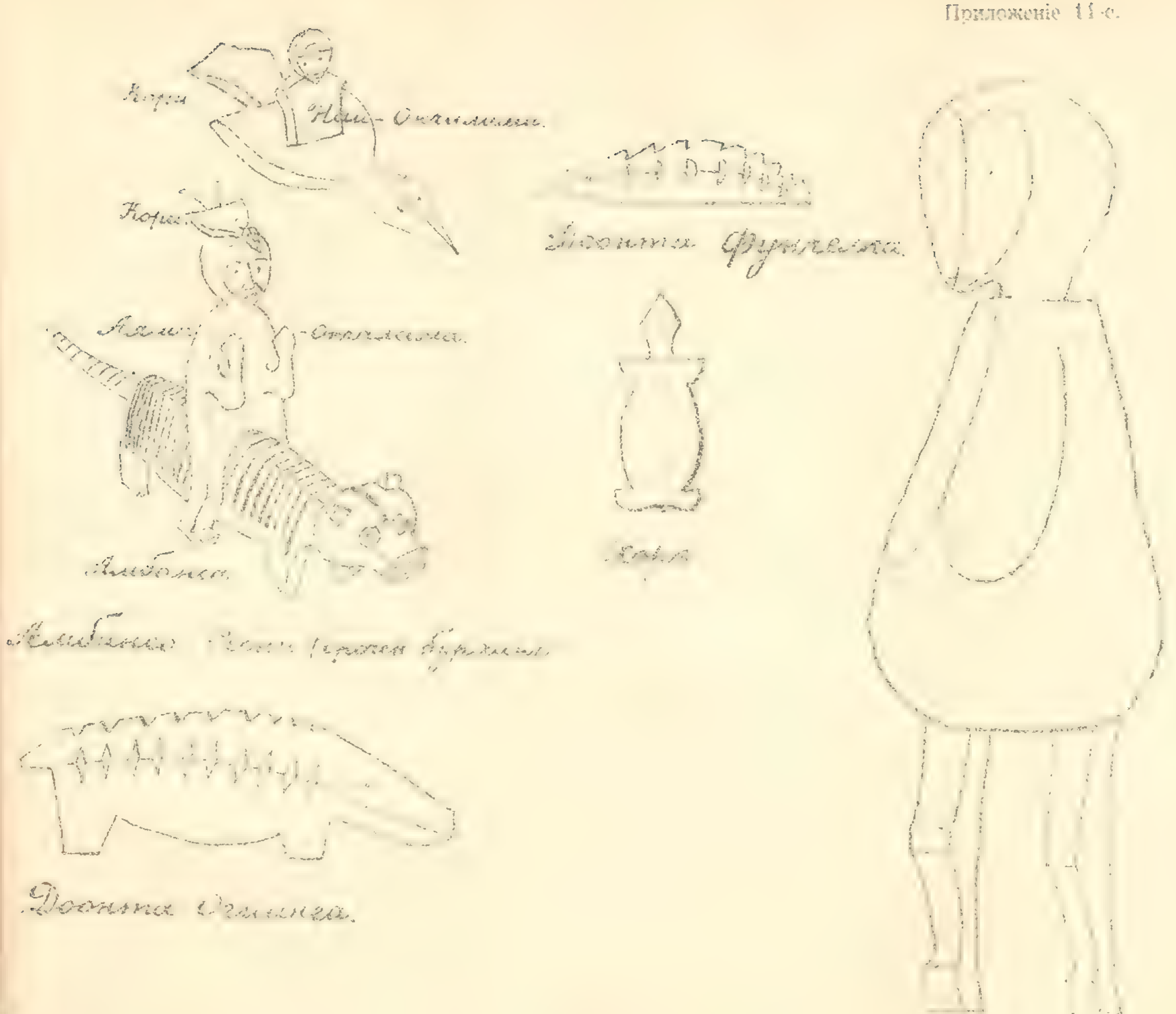
Амбансо Мухани.

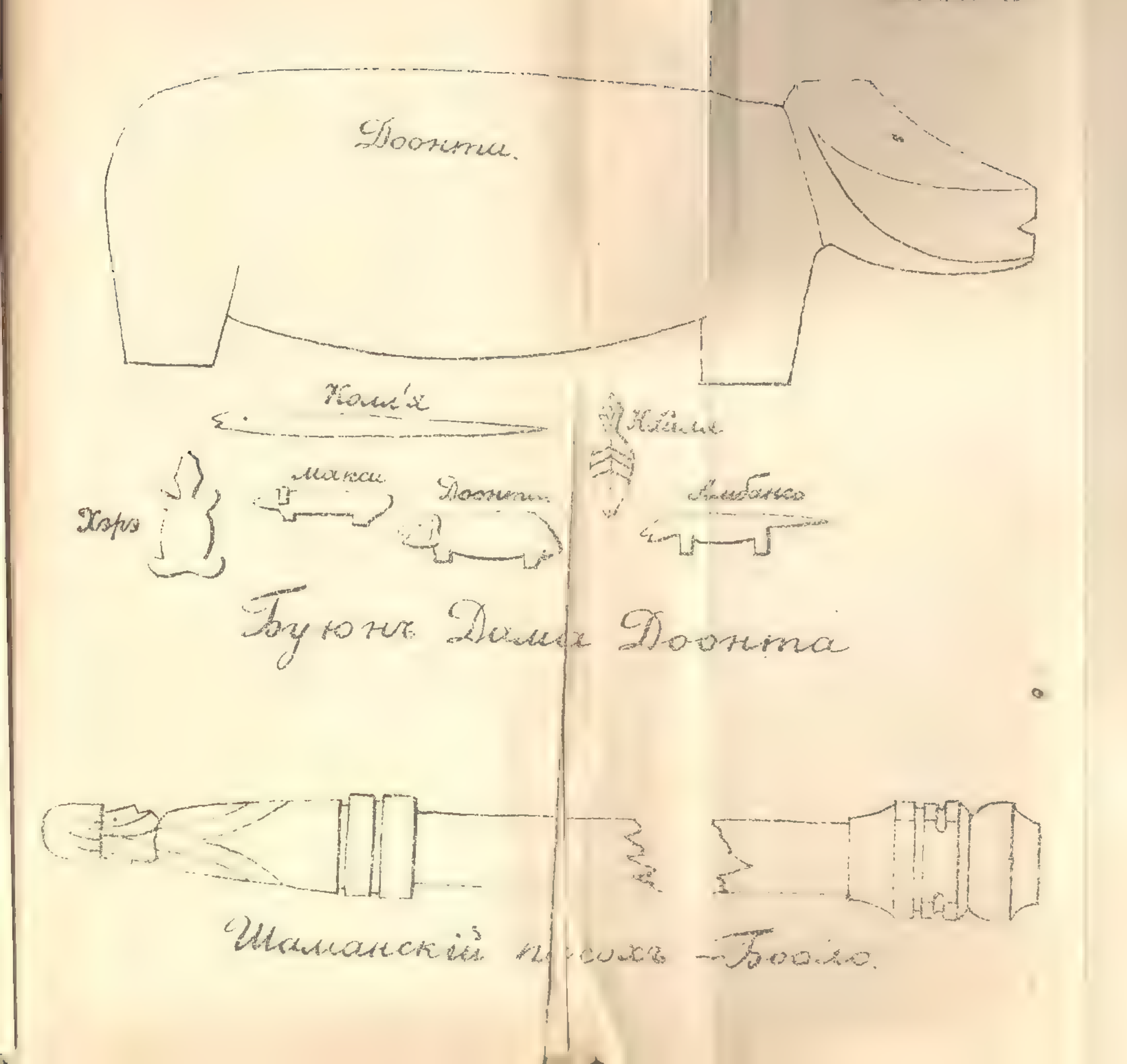


Амбансо-хэрмиктани.




Джули
Тереми
Амбансо–Наали.





Буюнъ Дама Доонта

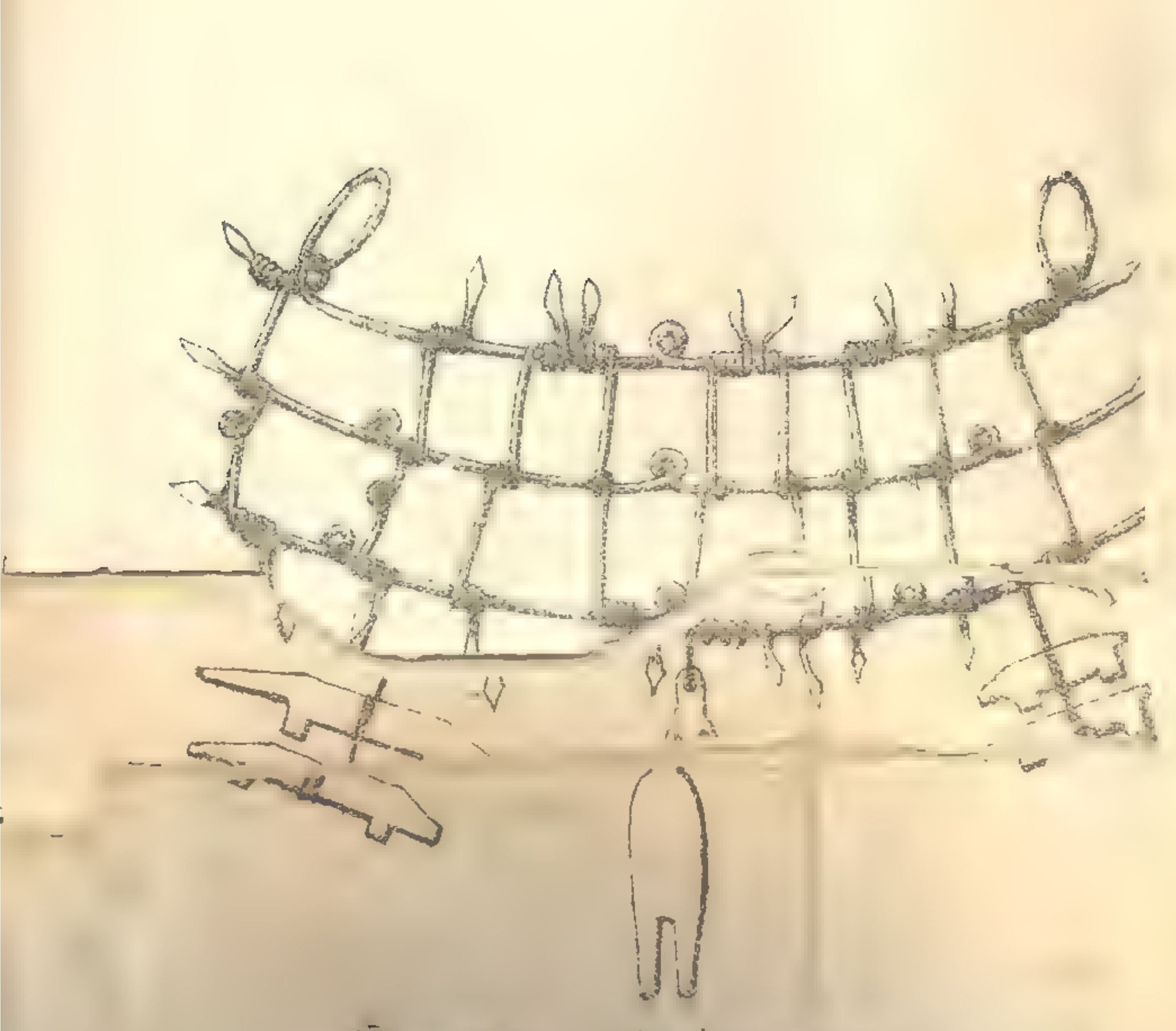
Шаманскій посохъ — Бооло.



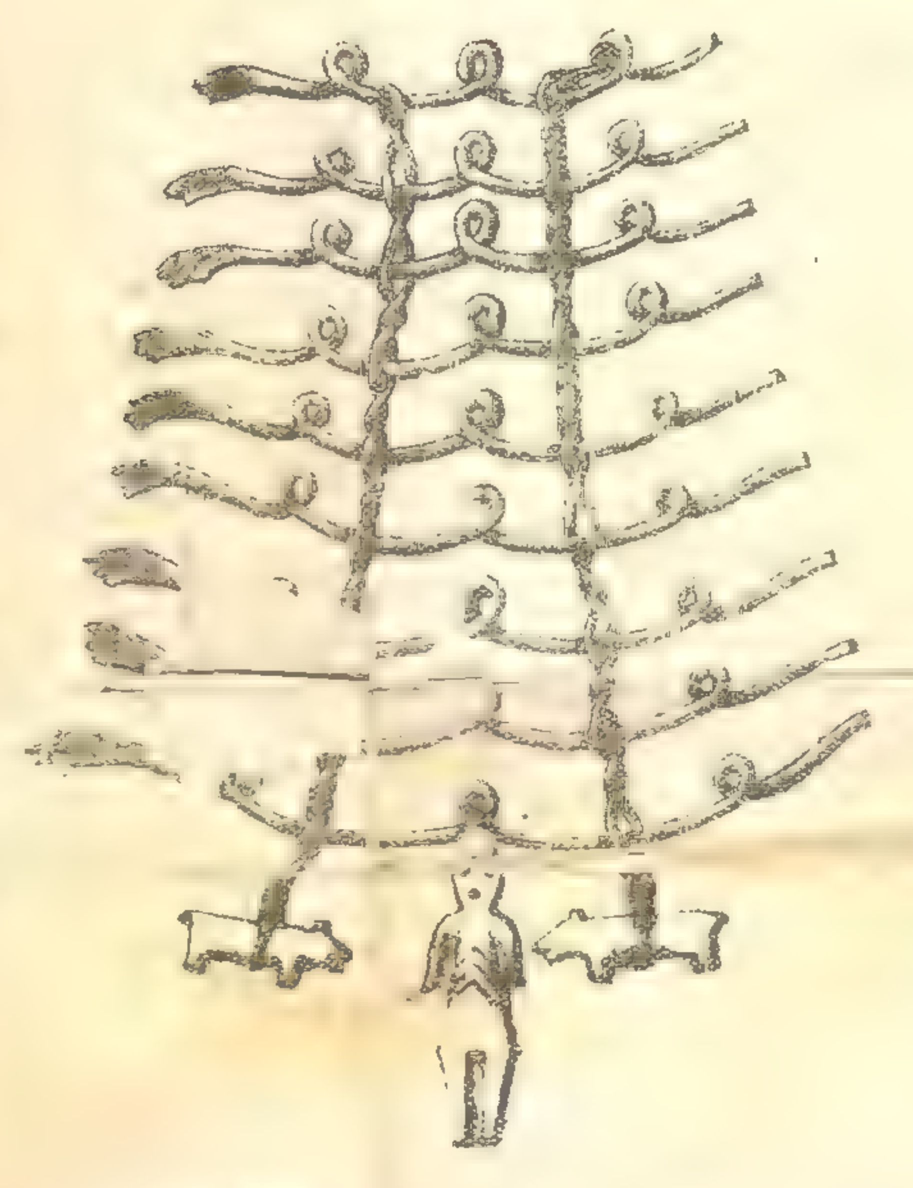
Дусху Мойгани Аджехан,



Доонта Мойгани.



Дусху Мойгани.

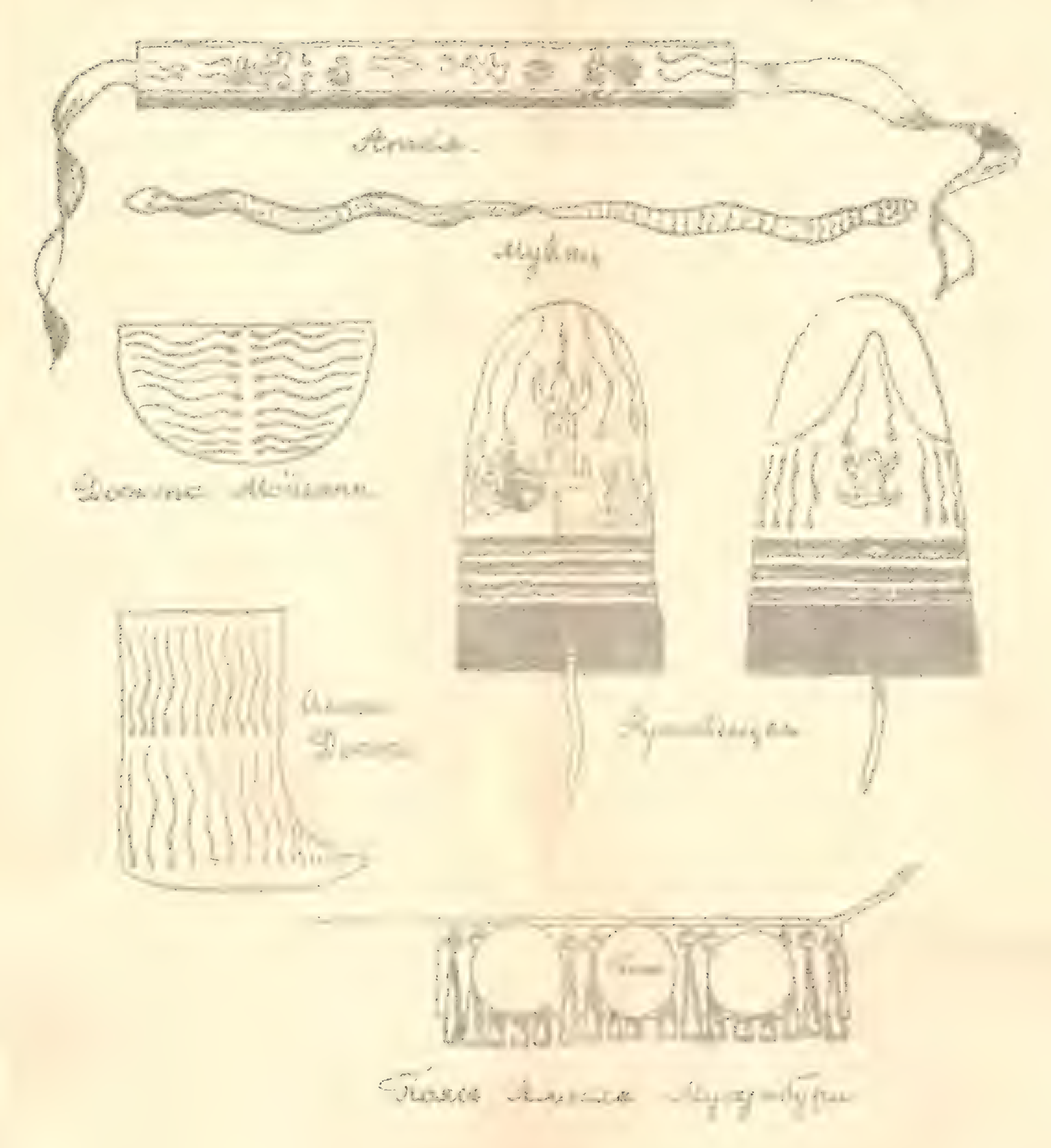


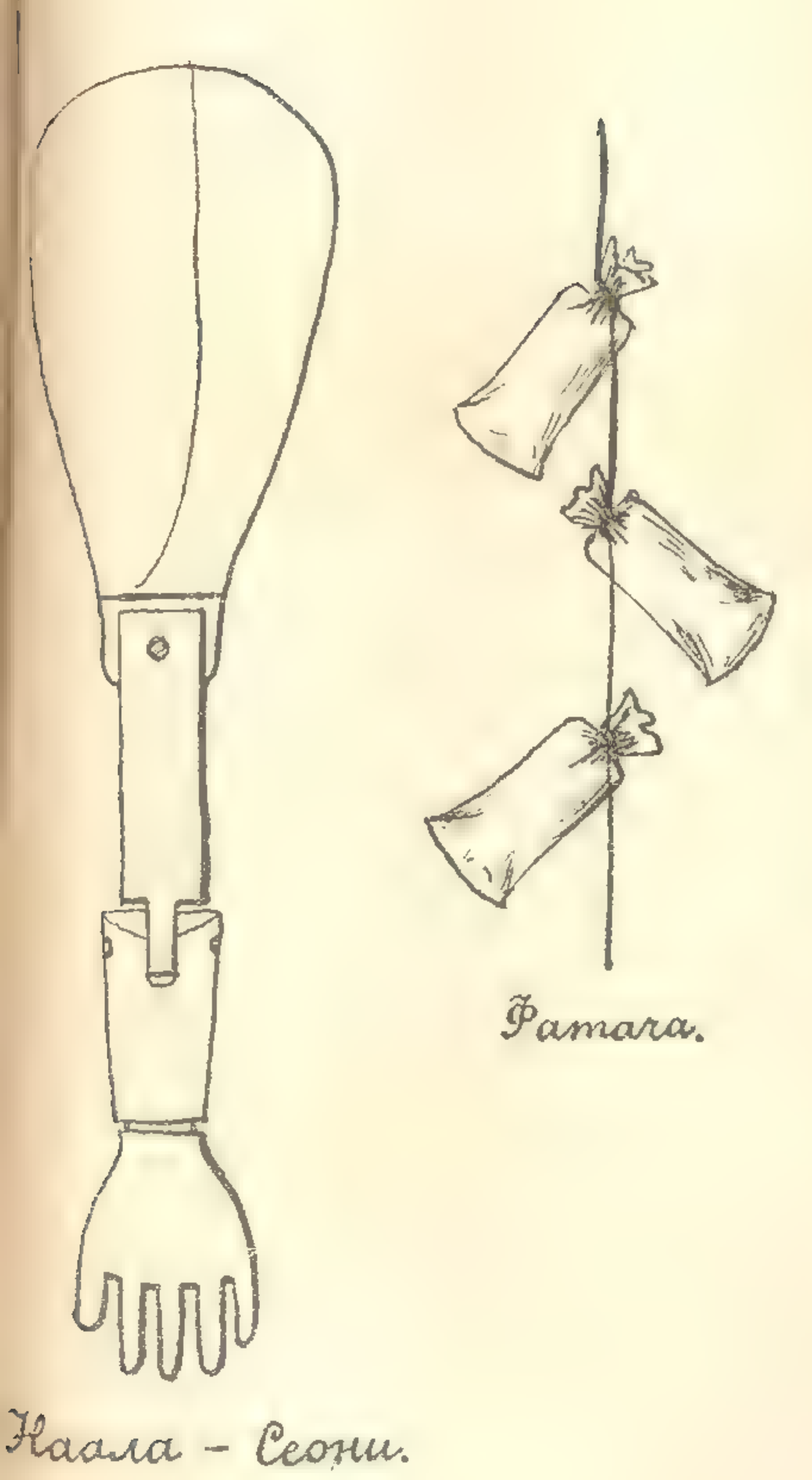
Гирян Мойгани

Боло- Шашковъ ножъ.

Приложеніе 15

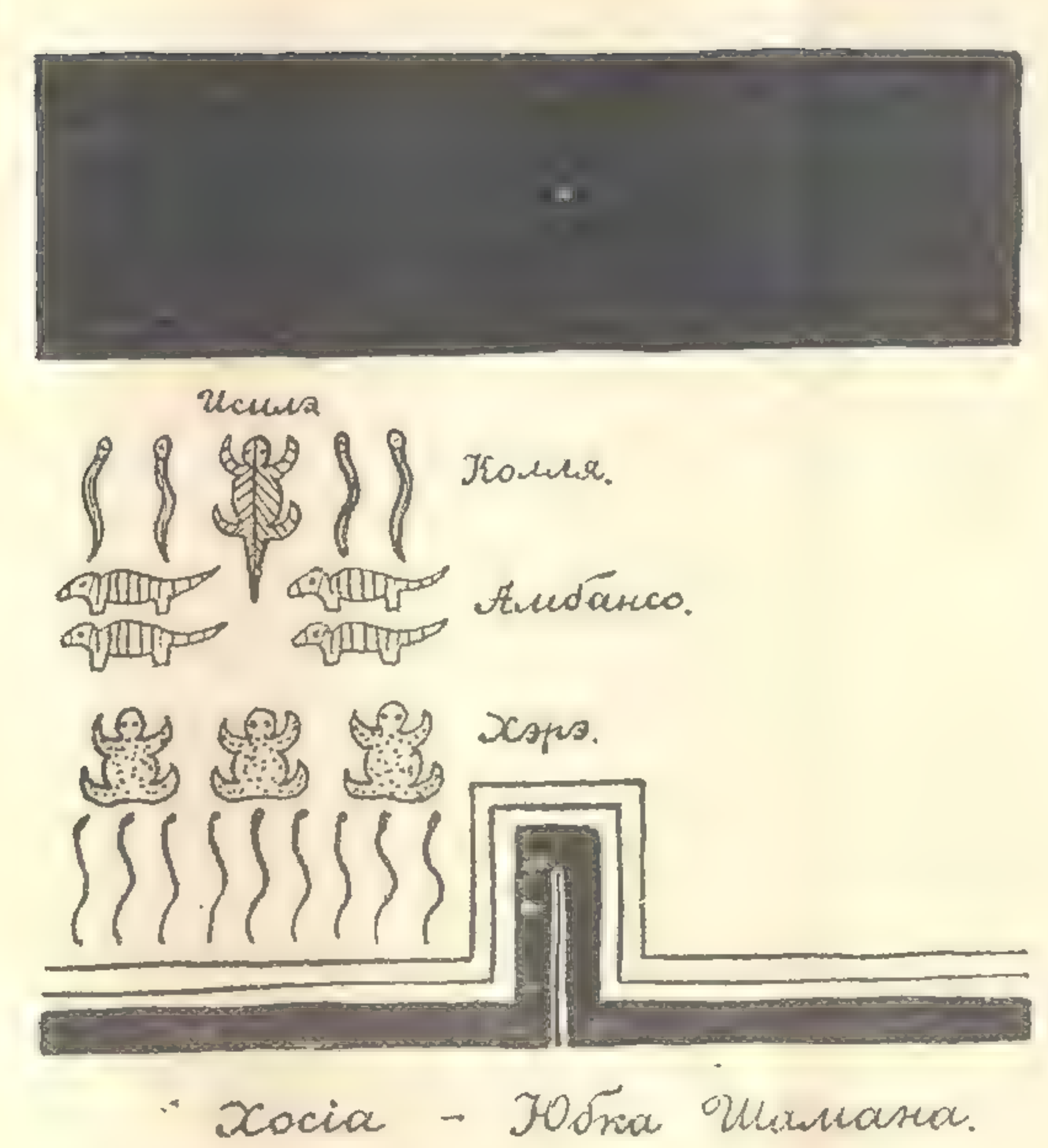
Приложеніе 17





Наала - Сеони.

Фатаса.

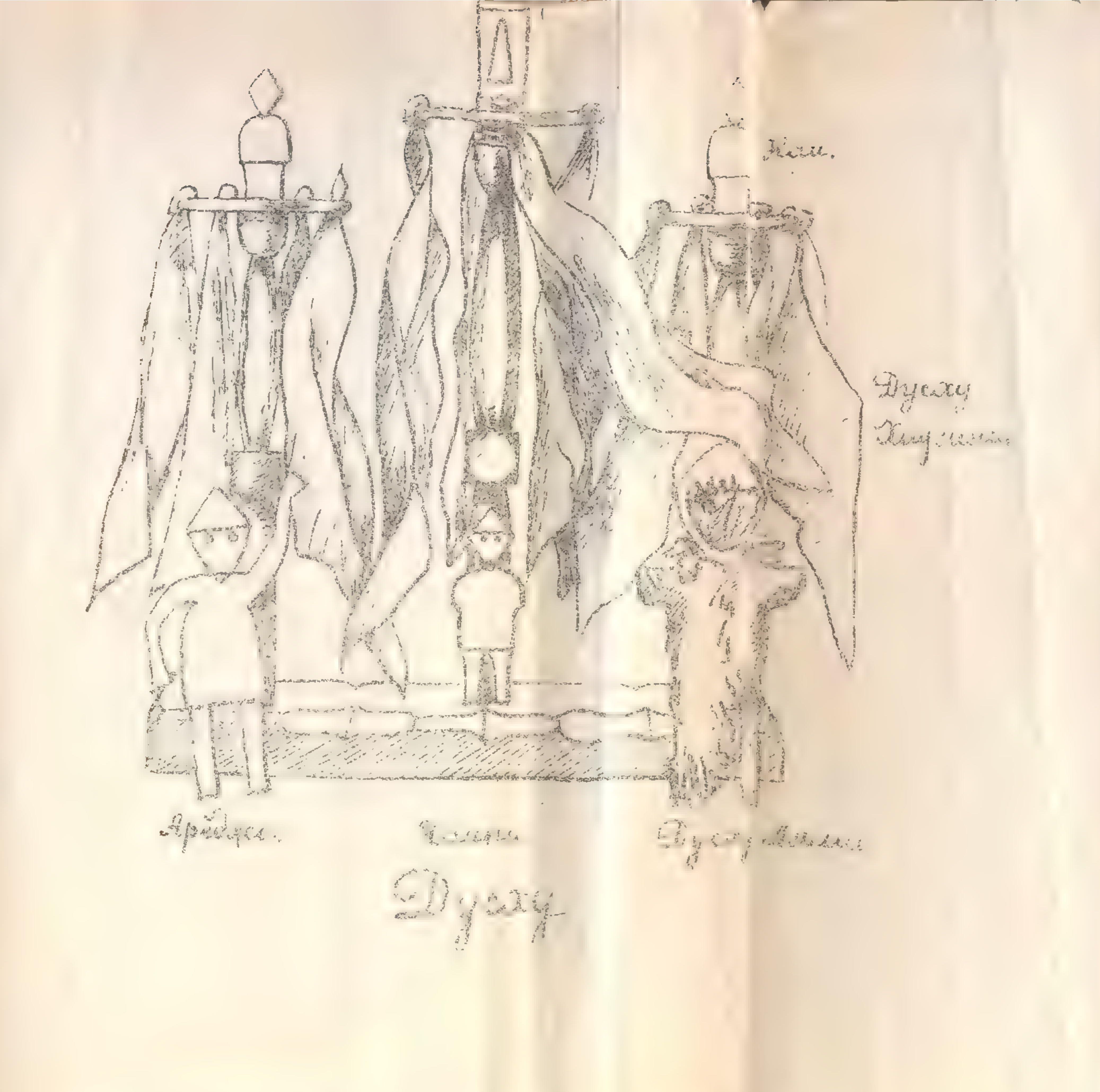


Хосіа - Юбка Шамана.

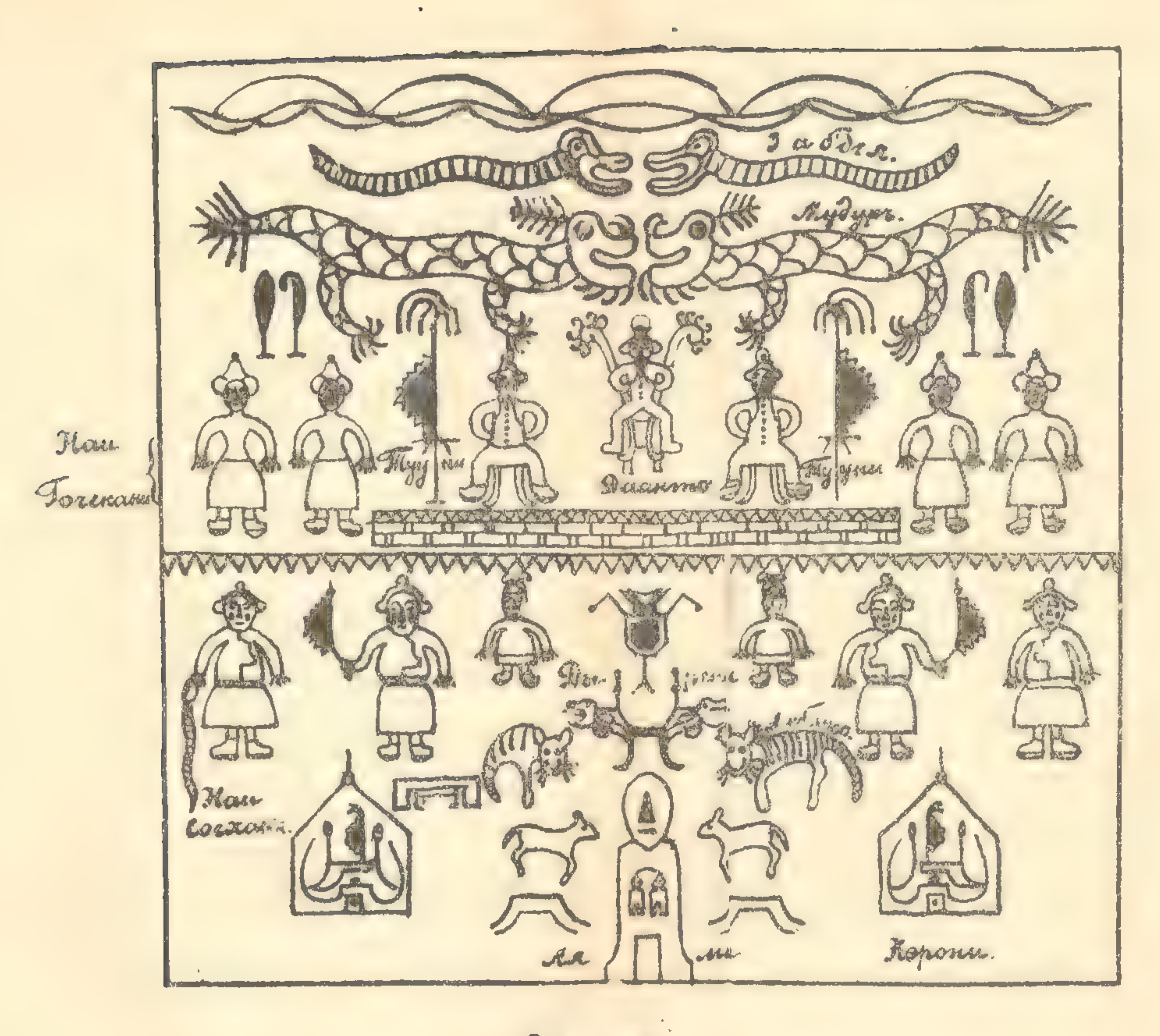


Боачи.

Ниарма

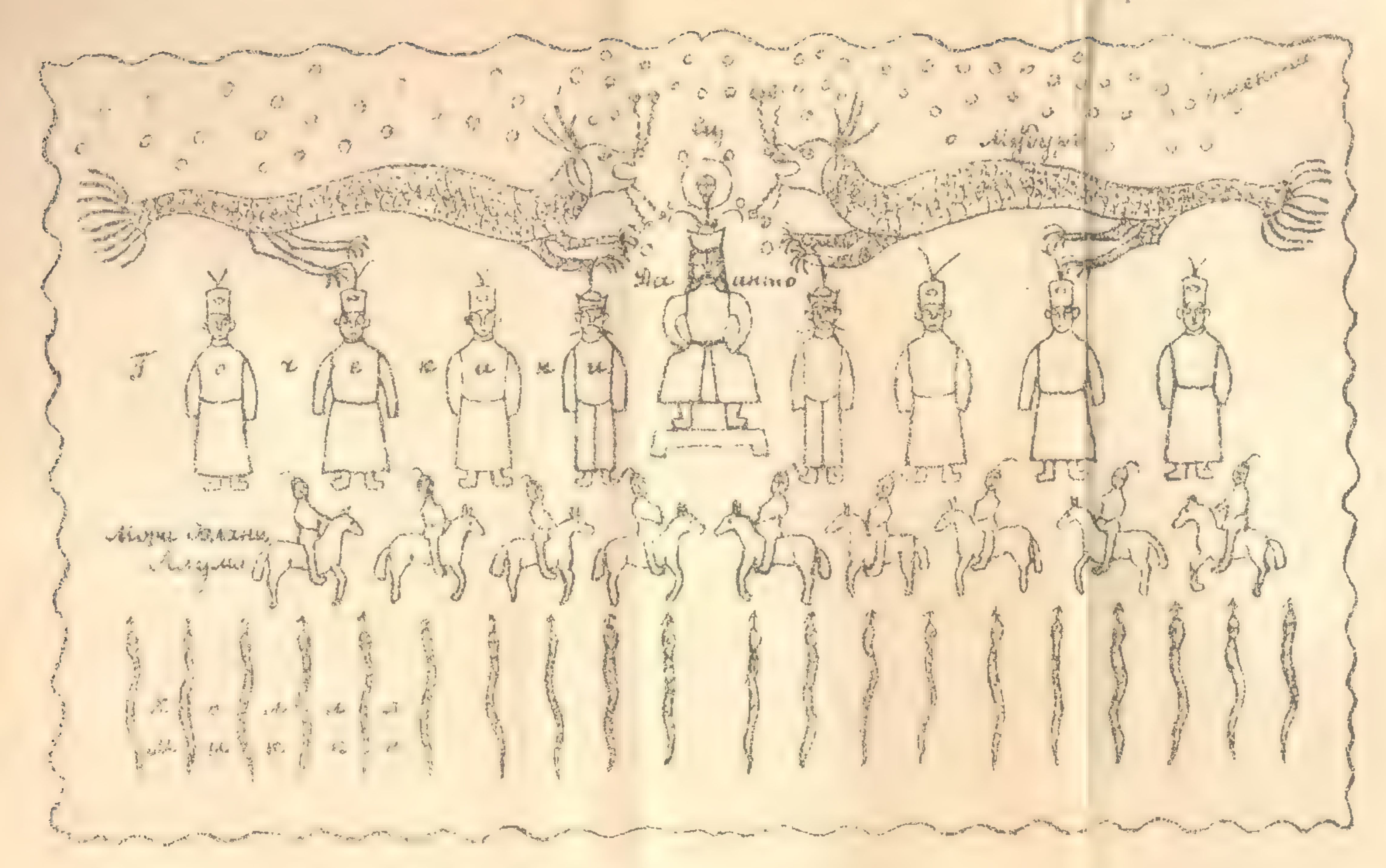


Дуяху



Нюрха.





Бырка.

